

Реставратор

Алекс Гор

18+

Алекс Гор
Реставратор

«Автор»

2026

Гор А.

Реставратор / А. Гор — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 2009 год. В Летнем саду находят мраморный бюст со следами свежей крови. По всему городу бесследно исчезают люди, а на их месте появляются идеальные, пугающе безмолвные каменные копии. Историк и бывший следователь Макс Кон втянут в дело, когда пропадает брат его студентки. Вместе с детективом Леонидом Лесиным и профайлером Ириной он начинает понимать: перед ними не просто безумие, а жестокая, выверенная философия. Ключ к разгадке скрыт в Акре 1285 года. Семь веков назад рыцарь-госпитальер раскрыл зловещую тайну гениального художника, но был уничтожен, а правда — надежно похоронена. Современный убийца одержим этим забытым прецедентом. Чтобы остановить палача в настоящем, Максу предстоит отреставрировать справедливость прошлого. Вторая книга серии «Расследования Макса Кона». Мрачный исторический триллер о том, что некоторые истины слишком опасны, чтобы оставаться погребенными.

© Гор А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Реставратор	6
Пролог	6
Акре, около 1285 года	7
Часть 1	10
Санкт-Петербург, начало сентября 2009	10
Акре, около 1285 г	21
Акре, около 1286 года	33
Гент, около 1267 года	45
Флоренция	52
Акре, около 1286 года	57
Флоренция, около 1274 года	61
Флоренция, около 1278 года	63
Флоренция, около 1280 года	64
Акре, около 1286 года	75
Часть 2	78
Акре, около 1286 года	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Реставратор

Глава

Оглавление

Реставратор

Пролог

Акре, около 1285 года

Часть 1

Санкт-Петербург, начало сентября 2009

Акре, около 1285 г

Акре, около 1286 года

Гент, около 1267 года

Флоренция

Акре, около 1286 года

Флоренция, около 1274 года

Флоренция, около 1278 года

Флоренция, около 1280 года

Акре, около 1286 года

Часть 2

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Акре, около 1286 года

Часть 3

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Часть 4

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Акре, около 1287 года

Часть 5

Эпилог

Реставратор

Пролог

*Все соделал Он прекрасным в свое время,
и вложил мир в сердце их,
хотя человек не может постигнуть дел,
которые Бог делает, от начала до конца.*
Книга Екклесиаста, или Проповедника, Глава 3, стих 11

Акре, около 1285 года

Винченцо Гальяни взглянул на молодого госпитальера и усмехнулся.

— А не отрицаете ли вы вовсе божественного начала, молодой человек? Это было бы более чем странно, принимая во внимание ваш сан.

Рыцарь-монах вспыхнул, но не решился ответить купцу настолько резко, насколько заслуживало его замечание.

— Что вы такое говорите, ваша милость?

Бруно де Картен, наследник знатного нормандского рода, оставил родовой замок ради того, чтобы отправиться в Святую землю и с Божьим именем на устах принять участие в возвращении Иерусалима. Здесь он вступил в Орден братьев иерусалимского госпиталя св. Иоанна Крестителя и в столь юном возрасте уже снискал славу защитника веры. Насмешливое высказывание купца принесло ему почти ощутимую боль.

Глава генуэзской общины пригладил бархат комзола, натянутого на огромном животе и хитро взглянул на юношу.

— Но вы же сами заметили, что отрицаете важность красоты.

Его лоснящиеся щеки, стекающие на ажурный воротник, затряслись в беззвучном смехе. Из его рта вылетали лишь странные крякающие звуки.

— А красота ведет человека к Богу,— продолжил купец, отсмеявшись. — «Ничто так не будит душу, как внимание к прекрасному» по словам преподобного Макария Египетского.

— Поистине, ваша образованность достойна восхищения,— произнес молодой госпитальер, забывая недавнюю обиду.

— Источник красоты с точки зрения Церкви — Сам Бог, и Красота это одно из имен Бога. Об этом учат множество святых отцов: блаженный Августин, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, или, например, Дионисий Ареопагит: «Бога святые восхваляют как Прекрасное, как Красоту».

Винченцо цитировал и говорил своими словами, упиваясь восхищением юноши. Звук их шагов гулко отражался от каменных стен замка. Купец внезапно остановился в галерее и прервал одухотворенную речь. Мягкий свет, падающий из арочных окон, освещал, висевшие на стене картины. Купец указал на одну из них.

— Посмотрите, как прекрасно это творение человеческих рук.

На картине была изображена женщина средних лет. Талант художника настолько искусно передал бархатистость и нежность ее щек, что возникало непреодолимое желание коснуться их. Черные глаза женщины сияли матовым блеском, а маленькие искорки, словно вспыхнувшие в их глубине, придавали живости и обаяния ее лицу.

— Она прекрасна,— прошептал госпитальер.

— Хочу заметить,— произнес купец,— что оригинал отличается от портрета.

Он прищурился. При этом жирные щеки слегка оторвались от воротника и переплыли на глаза.

— Верно отличается,— продолжил он,— причем не в лучшую сторону.

— Если не ошибаюсь, на портрете жена марсельского судовладельца Буало,— заметил де Картен. — Я видел их малолетних дочерей с кормилицей. Оставлять детей в таком возрасте весьма странно.

— Вы правы. Что-то давненько ее не было видно. Как, впрочем, и ее мужа.— Генуэзец замолчал и нахмурился. При этом он стал настолько походить на жабу, что наблюдавший за ним де Картен брезгливо поморщился и отвернулся. Когда он вновь обратил взгляд на толстого купца, их глаза встретились.

— Вы поразительно прозорливы, юноша,— наконец произнес Гальяни.— Мне говорили об этом, но я научен доверять лишь самому себе. Итак, вернемся к делам. Я пригласил вас сюда не для того, чтобы вы полюбовались портретом. Вернее, не только для этого.

Он преревел глаза на картину и вновь вернулся взглядом к молодому госпитальеру. Когда купец открыл рот, чтобы произнести следующую фразу, де Картен был уверен, что услышит кваканье.

— Как вы справедливо заметили, женщину, изображенную здесь, уже давно никто не видел. И это вызывает беспокойство. Автор картины сам принес в Тампль свою работу. По его словам, заказчица не явилась за ней в означенное время. Тогда художник решил сам отнести ей картину, но дома ее не застал. Прислуга объяснила, что хозяйки нет дома уже более трех дней. О своем отъезде она никого не предупреждала и прислуга не знает, где она находятся в настоящий момент.

— И с какой целью вы призвали меня, ваша милость?— спросил Бруно де Картен, придав лицу самое простодушное выражение, на которое был способен.

— Наберитесь терпения. Вам не нужно объяснять, что жена сира Буало не какая—нибудь вилланка, а знатная дама. На тайну ее исчезновения должно пролить свет.

— Возможно она отплыла на одном из кораблей мужа...

Купец не дал де Картену закончить фразу.

— Это вам и предстоит выяснить,— сообщил он.

— Мне? Но, почему?

— Я не большой поклонник молодости, не подкрепленной опытом. Но мне говорили о ваших талантах знатные особы и настоятельно рекомендовали вас. Они упоминали, что вы способны... что вам открывается скрытое от других. Особенно впечатлился вашими талантами мессер Эдуардо Гольи. Почти на каждом собрании городского совета он не устает передавать в подробностях, как вам удалось отыскать его любимого жеребца Голиафа, невероятным образом исчезнувшего при свете дня.

Бруно де Картен преклонил голову.

— Поистине, в этом не было ничего чудесного.

— Мессер Гольи так не считает, хотя, ваша скромность похвальна.

Они вновь устремили взгляды на картину.

— Относительно мессира Буало,— заговорил купец,— его местонахождение достоверно известно. Он отплыл с товарами на одном из своих кораблей в Венецию. Если море окажется милостивым и его не задержат родосские разбойники, он должен объявиться не позднее пятой недели Великого поста. Известно также, что жена не отправилась в это странствие с мужем.

— Откуда эти сведения?

— Это подтверждает прислуга. И соседи видели ее после отплытия мужа.

— Почему художник принес портрет в Тампль, а не оставил в мастерской?

— Когда он закончил картину, заказчица уже исчезла. Причитающуюся оплату за работу он получил заранее и сполна. Маэстро справедливо полагал, что он мог бы оставить полотно пылиться в мастерской, но в замке его смогут увидеть люди. А для чего работает художник? Чтобы предъявлять свои творения на суд общества. Предметы искусства в Европе принято с недавних пор выставлять напоказ. Как вы видите в галерее Тампля рыцари-монахи вывесили с десятков картин.

— Это необычно,— проговорил, госпитальер,— творения такого рода всегда выставлялись на ярмарках.

— *Ite, Missa est.*— Генуэзец издал звук, похожий на смешок и его щеки заколыхались.— В детстве я всегда с нетерпением ждал этих слов, означающих окончание мессы и открытие ярмарки на площади перед церковью. Ряженные, гистрионы со своими куклами, поединки...

Он отвлекся от воспоминаний и взглянул на монаха.

— Да, вы правы. Картины художников обычно услаждали глаза толпы на ярмарках. Но, это случалось лишь время от времени. Городской совет решил перенести их в Тампль. Они здесь уже со времени падения вашей крепости Маркаб*.

Бруно зачем-то отметил, что генуэзец произнес название крепости Маргат на сарацинский манер.

Он нахмурился.

— Я провел в Маркабе больше двух лет и бился в последнем сражении,— зачем-то поведал он.

Винченцо Гальяни оставил без внимания слова молодого крестоносца. Он повернулся и плавно понес свое тело дальше по галерее. Пройдя несколько шагов, купец остановился и медленно повернулся, вперив сверлящий взгляд в глаза госпитальера.

— Обо всем выведенном будете оповещать только меня. Речь идет о знатных особах. Ничто не должно достигнуть чужих ушей.

*

Замок госпитальеров. В апреле 1285 г. султан показал свои действительные намерения — его войска обложили неприступную крепость Маркаб (Маргат), откуда госпитальеры совершали свои набеги и осаждал ее с 10 сафара / 17.04.1285 по 19 раби I / 27.05.1285, пока она не сдалась.

Часть 1

Санкт-Петербург, начало сентября 2009

Обстоятельства, приведшие Анну в Летний сад, казались чередой случайностей. Она не должна была работать этим утром. Поэтому накануне позволила себе расслабиться в компании друзей. К концу дня она уже не считала шоты с текилой и потому не очень помнила, как и с кем добралась домой.

Когда ее разбудил звонок редактора, Анна некоторое время пыталась сообразить, где она и кому принадлежит спина, лежащего рядом с ней мужчины, зарывшегося головой под подушку.

У ее коллеги что-то случилось и через полтора часа она должна быть на работе. Повода отвернуться она не нашла. В новостной программе Анна специализировалась на культурных событиях. В сердцах она с размаху грохнула трубку на подставку. Ее сосед по кровати даже не пошевелился.

Бурная бессонная ночь напомнила о себе за секунду до начала репортажа. Благодаря таланту гримерши, следы ночного разгула на лице удалось скрыть. Справиться с потребностью организма в отдыхе оказалось сложнее. Досадно было то, что причина ее вызова на работу не стоила выеденного яйца. Без репортажа о предстоящей реставрации скульптур Летнего сада утренняя новостная программа вполне могла обойтись.

Нетерпеливо ерзая, журналистка посмотрела на микрофон и пригладила непослушный ворох рыжих волос. Оператор сфокусировал камеру на ней и начал обратный отсчет. После произнесенного им слова «эфир», она заверещала на автомате, придав голосу бодрости.

— Мы ведем наш репортаж из Летнего сада,— привычный текст вызывал у говорившей желание зевнуть. Справившись с собой она продолжила.

— Ни для кого не секрет, что многие уникальные скульптуры находятся в критическом состоянии. И сегодня я, наконец, смогу порадовать любителей истории и искусства хорошими новостями. Но об этом чуть позже. Скульптуры Летнего сада являются национальным достоянием. Их привозил из Италии Петр Первый и, как известно, очень ими дорожил. Ему удалось собрать здесь ценнейшую коллекцию. Работы мастеров венецианской школы Зорзони, Бонацца, Тарсия. Количество привезенных скульптур в восемнадцатом веке превысило две сотни. Но затем часть из них были разрушены наводнением, часть перевезли в Эрмитаж и царские загородные резиденции.

Сохранилось около девяноста бюстов и статуй.

Камера сделала панорамную съемку, выхватывая из пейзажа некоторые скульптуры и задерживаясь на них.

— Среди них исторические личности. Императоры Траян и Юлий Цезарь. Александр Македонский. Европейские короли, герои античной мифологии, аллегорические изображения природных явлений.

— Триста лет статуи подвергались неблагоприятным воздействиям природных явлений и нападениям вандалов.

Перед важным сообщением журналистка глубоко вдохнула.

— А теперь пришло время сказать то, что я загадочно проаннонсировала в начале репортажа. Статуи будут отправлены на реставрацию. Ценители искусства наконец-то дождались. Но это еще не все. Подготовлен проект реконструкции Летнего сада.

В этот момент она услышала возбужденные возгласы, раздававшиеся за ее спиной. Не обращая внимания на направленную на нее камеру, Анна обернулась. Посетители Летнего

сада быстро собирались у одной из скульптур. К счастью в эти часы их было немного и она смогла беспрепятственно проследить взглядом в том направлении, куда указывали вытянутые руки. Когда ее глаза остановились на постаменте, она невольно вскрикнула и обернулась к камере. Телезрители гадали каким образом то что происходит связано с сообщением журналистки. Опытный оператор начал моментально перемещать объектив, пока не нашел в видеискателе причину общего переполоха.

* * *

Выбор — это просто действие.

Ты смотришь на ситуацию. Оцениваешь. Принимаешь решение. Делаешь шаг в нужном направлении.

Каждый день человек стоит перед выбором.

Иногда важным, Иногда нет. Ты можешь решать с кем идти по жизни или с каким соусом съесть омлет.

Когда вариантов слишком много человек сходит с ума. Слишком мало — впадает в отчаяние. Многие люди не любят выбирать, потому что боятся ошибиться.

Он не делал попыток остановить поток мыслей и сосредоточиться на задаче. Он находился в этом состоянии уже минут пять.

Лесин стоял перед открытым шкафом и пытался выбрать галстук для сегодняшней встречи в офисе.

Он никогда не мог понять, как следует к этому подходить. Это не входило в список его навыков, в котором было немало разных пунктов. Например, он знал, с чего начинать поиск убийцы.

Костюм выбрать несложно. Рубашку — тоже. Есть правила, оттенки, логика. С туфлями вообще все просто — чистые, кожаные, темные. А вот галстук... Галстук каждый раз превращался в проблему.

Лесин смотрел на ряды плечиков с развешенной на них одеждой, как на место преступления. За двенадцать лет существования созданного им агентства он научился производить впечатление. В его деле этот навык был необходим. Каждый день встречи с людьми. Клиенты, партнеры, свидетели. По меньшей мере половина из них видят его впервые. И у большинства первое мнение складывается по внешнему виду. Так было и в милиции. Только сейчас форма больше не спасала.

Он посмотрел левее. В углу шкафа висел старый китель с полковничьими погонами. Лесин втянул воздух и на долгом выдохе промычал мелодию: »Наша служба и опасна, и трудна...« Когда носил форму, все было проще. Быть, как все. Одеваться, как все. Даже питаться, как все. Теперь — другой мир. Все иначе. Сейчас материальное положение улучшилось на несколько порядков. Но, вместе с тем пришли новые заботы. Заботы, к которым он не был готов. Заботы, к которым он до сих пор не привык.

Он подошел к зеркалу. Рост — почти метр девяносто. Телосложение крепкое, не атлет, но видно, что в прошлом не пренебрегал спортом. Чуть выступающий живот прятался под пиджаком, но в целом для своих лет — выглядел хорошо. Волосы короткие, лицо чисто выбрито. Несколько морщин в уголках глаз, аккуратный нос с горбинкой, спокойный взгляд.

С костюмом проблем не возникло. Итальянский, серый, в приглушенную клетку. Классический, но не модный. Без лишнего блеска, без кричащего бренда. В нем он выглядел, как должен выглядеть мужчина, который может позволить себе одежду подороже, но не тратит на нее лишнего времени. Серьезный. Занятой. Немного старомодный.

А вот галстук... Он вытащил один — яркий, с причудливым узором. Вспомнил, что говорила жена: такой идет только к однотонной рубашке. Его рубашка была в мелкую клетку. Не подходит. Он раздраженно бросил галстук в угол и опустился на диван.

Жены рядом не было, советоваться не с кем. Идти к соседям с таким вопросом — смешно. Сложные дела, запутанные схемы, людская ложь. С этим было проще. А вот этот выбор ему не по силам.

Лесин бессильно осмотрелся. Внезапно пришедшее решение слегка улучшило настроение. Он потянулся к пульта и включил телевизор. Вот кто подскажет верный ответ или, по крайней мере, направление. Дикторы новостных программ должны одеваться правильно.

Каналы сменяли один другой. Вот это, кажется, новости. Он отбросил пульт и уткнулся взглядом в телевизор, ожидая, когда картинка после репортажа вернется в студию. С первых кадров Лесин узнал липовые аллеи Летнего сада. О чем-то невыразительно вещала измотанная девица с микрофоном. В углу экрана Лесин заметил людей, оживленно указывающих куда-то за спину репортерши. Он потянулся к пульта и прибавил звук. В этот момент журналистка обратила внимание на взволнованные возгласы и обернулась прежде, чем оператор повернул камеру в указанном направлении.

— Что-то необычное привлекло внимание немногочисленных в этот ранний час посетителей Летнего сада,— скороговоркой известила она зрителей,— давайте попробуем подойти ближе.

Скользнув по стволам деревьев, картинка переместилась. Блики на объективе камеры от солнечных лучей, пробивающихся сквозь липовые кроны, на мгновение смазали изображение. Лесин внимательно всмотрелся в картинку, когда оператор зафиксировал камеру. Две скульптурные группы по краям экрана разделяла уходящая вдаль аллея. За зеленой скамьей на ее краю, расположенной ближе к левой статуе, выстроились давно нестриженные кусты. Они были похожи на шеренгу новобранцев, по неопытности ставших не по росту. Лесин не мог сообразить, что заметили там возбужденные посетители. В ожидании объяснений он попробовал сориентироваться. В изваянии атлета, подхватившего на руки юную девицу, он узнал «Похищение сабинянки». Скульптура женщины в левой части экрана называлась «Красота». Рассказы жены во время их частых прогулок в Летнем саду не прошли даром. Аллея, по краям которой установлены изваяния называлась Школьной. От места расположения камеры она вела к Карпиеву пруду и к Мойке. Лесин мысленно поблагодарил супругу.

Похоже репортерша на экране ничего не понимала. Лесин отметил ее удивленный вид и проследил за ее взглядом. За неровными кустами позади скамьи возвышался мраморный бюст, которого прежде не было на этом месте.

Полковник почувствовал захлестывающее его раздражение. Телевизионщики напрочь выжили из ума. Весь этот спектакль был разыгран с целью сообщить зрителям о новой скульптуре в Летнем саду? Его рука потянулась к пульта. Причина, по которой он включил телевизор, от возмущения выскочила из головы. Он вспомнил, что собирался подсмотреть галстук диктора перед тем как его палец приблизился к кнопке выключения. Но это уже не смогло бы его остановить. Полковник не выключил телевизор по другой причине. Картинка, наехавшая на скульптуру, заставила Лесина ощутить спиной неприятный холодок. Все подножие статуи покрывали потеки крови.

* * *

Макс Кон оглядел аудиторию. Почти все места заняты, но он давно перестал обращать внимание на заполненность зала. Ему было все равно, слушают его три человека или три десятка. Он мог бы рассказывать и одному студенту, если тот действительно хочет слушать. У него не было комплекса свойственного, как ему казалось, известным театральным актерам. Зал заполненный наполовину очевидно считался у них провалом.

Он поздоровался, как всегда спокойно, без нажима. Затем бегло взглянул на студентов. Лица были уже знакомыми, он начинал запоминать их, как различают камни на обочине тропы, по которой ходишь каждый день.

Последние несколько лет в его жизни прослеживалась странная закономерность: раз в два года происходил сбой. Упорядоченное существование университетского преподавателя рушилось, как картонный домик, под напором событий, которые невозможно было предсказать или контролировать. То поиски древних артефактов, то расследование убийств, то потеря близких. Все это выглядело бы логично, если бы он все еще был опером или хотя бы частным сыщиком. Но Макс давно ушел из той жизни. По крайней мере, пытался уйти.

После истории с набатейскими сокровищами тишина закончилась. Его имя стало звучать слишком часто, фотографии — мелькать в прессе. Статьи, радио, вечерние шоу. Его представляли героем. Макс претил, эта возня вокруг его персоны.

Ему нужно было исчезнуть. Уехать подальше от всей этой шумихи, от чужого внимания, от постоянных вопросов. Он искал место, где его не будут узнавать на улице, не будут останавливать с фразой: «Вы ведь тот самый...». И как раз тогда пришло заказное письмо. Питер. СПбГУ. Предложение прочитать курс лекций по крестовым походам. Все было изложено вежливо, академично, с обязательной долей реверансов в сторону заслуг.

Он не стал отвечать сразу. Сел за стол, посмотрел на часы без секундной стрелки, взял лист в клетку и провел вертикальную черту. Слева — »за«, справа — »против«. Колонки заполнились быстро. Количество пунктов в обеих оказалось одинаковым. Это ничуть не помогло.

На следующий день он позвонил старому другу — Леониду Семеновичу Лесину, бывшему полковнику, а теперь владельцу детективного агентства. Рационализма в нем было немного, но Макс знал, что у него есть редкая способность чувствовать суть вещей. На его сообщение о возможном переезде тот ответил быстро:

— И о чем ты вообще думаешь? — Такие решения не принимаются с наскока. — Неделию назад ты сам говорил, что тебе срочно нужна смена обстановки.

Он был прав. Макс снова взглянул на таблицу, взял ручку и вписал еще один пункт в колонку »за«. Этого оказалось достаточно.

Он не собирался оставлять Израиль навсегда. В Хайфском университете можно было взять академический отпуск. В Акко, где он жил, было все, что он любил. Древняя история, близость к морю, неспешный ритм жизни. Но ему нужно было исчезнуть хотя бы на время. Пропасть, пока волна интереса не схлынет. Пока его лицо не перестанет быть мемом и новостью.

Питер подходил идеально. Огромный город, где никто никого не знает. Лабиринт улиц, в котором легко затеряться.

Уже полгода жизнь Макса шла по установленному порядку. Это был набор определенных действий, которые сложились сами по себе. Макс не предпринимал для этого специальных усилий. Он ничего не менял. Это было удобно.

Утром он вставал, ополаскивал лицо и долго чистил зубы. Затем разминался. Набор упражнений приводил тело, отвыкшее от движений за долгую ночь в рабочее состояние. На это у него уходило двадцать минут. Вечером был еще один набор упражнений, но для иной цели. Вечерними упражнениями он поддерживал форму. Тренировка с ножами справлялась с поставленной задачей. Холодное оружие было его старой страстью. Кроме того, он любил бильярд. Играл на серьезном уровне и бывало участвовал в соревнованиях. Но, из-за необходимости в массивном столе, дополнительных аксессуарах и из-за занятости, последнее время он редко держал кий в руках. В отличие от бильярда ножи всегда были под рукой. После утренних упражнений Макс шел в душ. Выйдя из ванной, он направлялся на кухню и ставил кофейник. Мощная машина с множеством режимов, хотя по иронии судьбы Макс уже пять лет не пил кофе. Просто однажды почувствовал, что напиток стал его подталкивать, мешать сосредоточиться. После чашки кофе хотелось бежать, делать что-то немедленно. Он исключил кофе, но не ритуал. Запах оставил. Аромат кофе продолжал играть свою роль — он успокаивал.

вал, собирал мысли, возвращал фокус. Иногда — вызывал воспоминания. Иногда — просто был запахом дома.

Пока по комнате распространялся кофейный аромат, он готовил себе завтрак. Обычно это было что-то спартанское, но иногда он себя баловал. Когда кофе был готов, он наполнял маленькую фарфоровую чашку. Параллельно с этим он заваривал чай.

Макс не жалел о временной смене обстановки. Лекции пользовались популярностью. Аудитории были переполнены. Это было приятно, но и немного раздражало. Он не любил толпу. Никогда. Даже когда работал в уголовном розыске, предпочитал действовать в одиночку. Работа требовала тишины и мыслей. При большом скоплении народа и того, и другого становилось меньше.

Он любил раскопки. Там все было просто: земля, древности, загадки. Некому было производить шум и в этой тишине было больше смысла, чем в сотне разговоров. Единственное, что мешало — грязь. Но с этим можно было мириться.

Сегодняшняя лекция шла как обычно, за исключением одного тревожащего фактора. Он рассказывал о последнем крестовом походе и одновременно чувствовал, что что-то не так. Где-то в аудитории находился источник напряжения. Пока незримый, но осязаемый.

Он начал методично осматривать зал, разбивая ряды на сектора, как в старые времена, когда искал подозреваемого в толпе. На третьем круге он понял. Девушка. Третий ряд, справа. В ее глазах не было интереса, только отчуждение. Как будто звук его голоса приносит боль.

Он знал ее. Обычно она сидела ближе. Слушала внимательно. Задавала умные вопросы. Сегодня, будто выключили свет.

Макс хотел спросить, прямо сейчас, но остановился. Это создало бы неловкость. А он не выносил неловких сцен.

Он взгляделся. Попытался вспомнить ее имя.

* * *

Инна сидела, не отрывая глаз от доски. Ее взгляд был пустой, расфокусированный. Она не слышала ни одного слова из того, что говорил преподаватель. Голос, который обычно увлекал ее, сегодня доносился будто издалека, словно сквозь толстое стекло. Лектор, доктор Максим Юрьевич Кон, известный среди студентов, как просто доктор Макс, всегда читал свои лекции с талантом рассказчика, его манера напоминала стиль хороших детективов. Сюжет выстраивался постепенно, интрига тянулась до самого конца пары, а иногда и дольше. Такие лекции оставляли желание прийти на следующую не по необходимости, а из интереса. Макс владел тем редким даром, который превращал учебу в интеллектуальную игру, в путешествие по тайным коридорам истории, со спрятанными дверями и неожиданными поворотами.

Инна любила его голос. Теплый, немного хрипловатый, он завораживал. Его шутки, тонкие, сдержанные, произнесенные без малейшей улыбки, вводили в заблуждение многих студентов. Они часто не понимали, серьезно он говорит или иронизирует. Инна понимала. Она чувствовала его интонации, отслеживала мельчайшие колебания голоса. Она ловила глазами его движения, плавные и размеренные, как у большого хищника в расслабленном состоянии. И пусть ему было за сорок, он держался с той непринужденной уверенностью, которая идет только зрелым мужчинам. Седина только подчеркивала его харизму, а не прибавляла лет. Инна замечала за собой, что с каждой новой лекцией ей все труднее оставаться просто студенткой в первых рядах. Она сидела, будто под гипнозом, не способная отвести взгляд.

Но сегодня все было иначе.

Она не понимала ни слова. Словно над аудиторией опустился плотный, серый туман, отсекая ее от происходящего. Лицо лектора расплывалось, как за мутным стеклом, и даже ее собственное тело казалось чужим. Она видела, как пальцы рассеянно скользят по исцарапанной поверхности стола, как плечи неподвижны, как будто кто-то другой посадил ее сюда, и она только наблюдает за собой со стороны. Она сдерживалась изо всех сил, будто на краю про-

пасти, стараясь не потерять равновесие. Как только прозвенел звонок, громкий, как выстрел, Инна вздрогнула. А потом все рухнуло. Ее прорвало. Слезы хлынули сами собой. Она не могла остановить их.

* * *

Макс краем глаза наблюдал за ней почти с середины пары. Она сидела все в той же позе, на третьем ряду, как всегда. Но что-то в ней сегодня было не так. Что-то в выражении лица, в том, как напряженно сжаты пальцы, как неподвижно застыло тело. Он знал эту студентку. Не по имени, конечно, но знал визуально, как лектор знает тех, кто не просто отсиживает часы, а слушает по-настоящему. У нее всегда были внимательные, живые глаза. Иногда она улыбалась его шуткам чуть раньше остальных. Иногда задавала точные, по-взрослому взвешенные вопросы. Но сейчас ее взгляд был мертвым. Погруженным куда-то внутрь себя, как будто она даже не здесь, а в каком-то совсем другом месте, далеко за пределами аудитории.

Когда слезы начали стекать по ее щекам, Макс сразу понял, что бы ни происходило, это серьезно.

Он стоял у доски, продолжая лекцию. Голос его звучал ровно, почти автоматически. Он рисовал схему оборонительных линий Акко, но мысли уже были далеко отсюда. Подойти к ней прямо сейчас, значило бы привлечь ненужное внимание. Аудитория и так чувствует малейшие колебания, как стая птиц в небе. Один неловкий жест и начинается цепная реакция. Сделать вид, что ничего не заметил? Этот вариант вызывал у него внутренний дискомфорт, граничащий с отвращением. Но пока другого не было.

Звонок стал спасением. Или, скорее, возможностью что-то изменить.

Пока студенты собирали вещи и выходили, Макс демонстративно отвернулся к доске и начал вытирать ее от мела, давая всем понять, что лекция завершена, и ему не до постороннего. Шум постепенно стихал. Последний хлопок двери. Тишина. Он чувствовал, что она осталась.

Когда он обернулся, его догадка подтвердилась. Инна сидела, сторбившись, закрыв лицо руками. Тело мелко дрожало, как от холода. Он не мог больше медлить. Пройдя к столу, он налил воды в пластиковый стакан и направился к ней. Его пальцы, прикоснувшиеся к ее плечу почувствовали дрожь.

— У вас что-то случилось? — спросил он, понимая, насколько беспомощно звучит этот вопрос.

Инна подняла на него глаза. Красные, опухшие. Не произнеся ни слова, она взяла стакан, приложила его ко лбу, потом к щеке. Немного воды пролилось на жакет. Она вытерла лицо салфеткой, двигаясь машинально.

— У меня беда, — сказала она сдавленным голосом. — Я не знаю, что делать.

Макс кивнул, почти не задумываясь.

— Пойдемте со мной.

Ее нужно было вытащить из этой огромной, гулкой аудитории. Здесь невозможно было говорить. Он помог ей подняться, поддержал за локоть. Она молча шла рядом, глядя под ноги.

На лестнице он попытался подать ей руку. Она едва заметно качнула головой.

— Спасибо. Я сама.

Он понял ее. Представил, как со стороны мог бы выглядеть преподаватель, идущий под руку со студенткой, у которой глаза в слезах. В коридоре, полном глаз, слухов, домыслов. Пожалуй, самое безобидное, что могли бы подумать, что у нее проблемы с зачетом.

Он шел чуть позади. Не торопясь.

В кабинете она опустилась на диван, позволив ему на мгновение подхватить ее за локоть. Макс отошел в кухонный уголок, маленькую каморку, отделенную дверью. Там он держал все необходимое. Кофе, чай. Тихая пауза, во время которой девушка могла прийти в себя.

Когда он вернулся, она сидела, держав в руках фотографию. На снимке был парень — лет шестнадцати, не больше. Тонкие черты лица. Темные глаза, взгляд в сторону. Половинчатая улыбка, как будто кадр поймал мгновение между фразами. Очень живой снимок.

Макс отвлекся от фото и взглянул на Инну. Тому, что юноша на снимке ее родственник, не требовалось никаких доказательств. Те же правильные черты лица. Может быть чуть мягче и нежнее у сестры. Казалось, что природа всего несколькими мазками убрала из образа Инны подростковую угловатость, пока присущую ее родственнику..

Макс опустил в кресло напротив и взял фото из ее рук.

— Это мой брат, — сказала она. — Его зовут Олег. Он пропал.

Она сделала глоток воды, пролила немного. Быстро начала стирать пятно с ткани, словно пытаясь вернуть контроль хотя бы над этим.

— Прошло уже две недели.

Макс молча кивнул. Его голос, когда он заговорил, был спокойным, но твердым.

— Вы обращались в милицию?

Инна кивнула.

— На второй день. Но они... просто записали мои слова. Спросили, не убежал ли он раньше. Когда я рассказала, что с родителями у него часто случались ссоры, особенно с отцом, они сказали: «Ну, нагуляется — вернется». Даже посмеялись.

Макс слушал, не перебивая. Девушка говорила все быстрее, будто боялась, что ее снова не услышат.

— Но я чувствую, что в этот раз все не так, — прошептала она. — Я не могу объяснить... просто чувствую.

— И вы больше не обращались к ним?

— Нет. Я... я испугалась, что они опять не поверят. Опять отмахнутся.

Он задумался. Случай непростой. Похоже, ее интуиция говорила правду.

Макс смотрел на Инну, на ее дрожащие пальцы, на фотографию в руках. Он стоял перед выбором. Он мог остаться просто преподавателем. Мог выйти за дверь и навсегда забыть о ее проблеме.

Макс не любил соваться в чужие дела. Но еще меньше он любил чувство, когда знал, что мог помочь — и не сделал этого.

Он собрался, ответить, но она вдруг подняла голову и спросила:

— Почему вы никогда не пьете кофе?

Макс удивился. Уголок его рта тронула улыбка.

— С чего вы взяли?

— Я заметила. На каждой лекции вы приносите чашку. Но никогда не делаете ни глотка.

— Вы наблюдательны, — сказал он. — Но это долгая история.

* * *

С Виктором Маковским, из агентства Лесина, у Макса Кона отношения не сложились с их первой встречи. Маковский не мог смириться с особым отношением хозяина к Кону. Макс не работал в агентстве уже долгое время, но полковник до сих пор ставил его в пример всем сотрудникам. Ему не нравилось, что его отодвигали в сторону, когда Макс время от времени появлялся в агентстве.

Виктор считался самым опытным детективом в агентстве. Он пришел к Лесину с серьезным багажом. За его плечами были восемь лет розыскной работы и звездочки капитана. Благодаря знаниям и накопленному опыту, он выгодно отличался от других сотрудников. Он привык к тому, что его считали лучшим. Агентство Лесина славилось прекрасным подбором кадров. Он не брал на работу кого попало. Полковник выискивал самых способных, следуя неведомому дару и интуиции. Не стесняясь, использовал связи, чтобы найти подающих надежды молодых лейтенантов сразу после школы милиции. Он долго присматривался к потенциальным сотруд-

никам. Наблюдал за их работой и продвижением по службе. Ждал, пока наберутся опыта. Из всех отбирал самых толковых и, когда подходил срок, переманивал к себе. Не было ни одного, кто бы отказался от предложения полковника. Лесин цеплялся в намеченную жертву, как питбуль, и уже не ослаблял хватки. Кроме того, полковник щедро платил.

В агентстве трудились девять сотрудников. И среди этого отборного персонала Маковский считался лучшим. До тех пор, пока Макс не возник в агенстве снова, после долгого перерыва. Это произошло полтора года назад в связи с делом об убийствах израильских археологов. В те дни ему пришлось некоторое время трудиться с Маковским бок о бок. Тогда и начались их первые стычки. У него давно сложилось нелестное мнение о методах работы Маковского. Много показухи, поверхностное отношение к фактам и по этой причине ошибочные выводы. Макс старался быть объективным. Он не мог не обращать внимание на знания и опыт Виктора. Но на невнимание к мелочам и поспешность принятия решений закрыть глаза не получалось. Иногда он едва удерживал себя, чтобы не поделиться с Лесиным своими наблюдениями. Однажды он почти сделал это. Проходя мимо стола Маковского, он заметил клочок бумажки, торчащий из-под клавиатуры компьютера. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: на бумажке шифр от личного сейфа Маковского и пароль для входа в компьютер. Расхлябанность и безалаберность не должны быть в списке черт характера опытного оперативника. Но Макс и тогда ничего не сказал Лесину. Полковник его друг, но фискальство было отвратительно Макс. Он решил помалкивать. Он уверил себя в том, что Лесин, благодаря огромному опыту, в конце концов сам обратит внимание на явные промахи в работе своего лучшего сотрудника. Или случится чудо и Виктор изменит отношение к работе.

Макс вошел в агентство с Инной Волоховой. В его кармане лежала захваченная на всякий случай фотография пропавшего брата девушки. Он огляделся, отметив, что здесь ничего не изменилось. Они подошли к лестнице. Те же стертые, отшлифованные обувью каменные ступени, те же блестящие деревянные перила. Поднявшись два пролета, Макс привычно повернул направо, направляясь к кабинету начальника. Инна семенила за ним.

Первым встретившимся ему сотрудником оказался Виктор.

«Закон Мэрфи»,— подумал Макс.

Едва кивнув, Макс собрался пройти дальше и слегка подтолкнул Инну вперед.

— Какими судьбами к нам?— спросил Маковский с деланной веселостью в голосе.

— Привет,— сказал Макс, надеясь избежать пикировки.

Но, Виктор не сдавался.

— Так что тебя к нам привело?

— Не утруждайся поддержанием светской беседы,— отрезал Макс,— ни мне, ни особенно тебе она не нужна.

Макс молча отодвинул его плечом и подошел к двери кабинета.

Он поздоровался с секретаршей Лесина Аллочкой и спросил на месте ли полковник. Лесин был в агентстве.

Затем Макс поручил девушку заботам Аллочки и уверенно направился в кабинет полковника.

— Что ему здесь надо?— Услышал он вопрос Виктора, зашедшего в кабинет секретарши следом за ним.— Опять пригласили нас в помощь? А то мы здесь понятия не имеем, что делать.

С этим Макс смириться не мог. Ему давно надоела блажь Маковского. Пора было положить этому конец.

Он повернул голову и улыбнулся Аллочке. Затем медленно подошел к Виктору, взял его под локоть и решительно вывел в коридор, не обращая внимания на слабое сопротивление. Дверь в приемную оставалась открытой.

— Что ты хочешь? Я тебе не нравлюсь, ты мне тоже. Но в этом нет ничего странного. Население планеты более шести миллиардов и не все испытывают друг к другу теплые чувства. Я не перестану приходить сюда из-за твоих выходок. Важно, чтобы ты это уяснил. Поэтому не трать силы и умственную энергию напрасно. Постарайся не обращать на меня внимания. Тебе и мне это пойдет на пользу.

Маковский одарил Макса ледяной улыбкой и ничего не ответил.

Макс вернулся в приемную и пересек ее в пять шагов. По дороге он бросил взгляд на Аллочку и Инну. Одна одобрительно улыбалась, вторая провожала его непонимающим взглядом. Пока за его спиной не захлопнулась дверь кабинета, он чувствовал, что Виктор, не сдвинувшись с места смотрит ему в спину.

В кабинете Лесина тоже почти все оставалось без изменения.

В глаза Макса бросилась закрепленная в левом углу на дальней стене большая карта Ленинградской области, утыканная лесом разноцветных флажков. Карта занимала внимание Макса не больше секунды. Лесин сидел во главе длинного стола, частично скрытый экраном стационарного компьютера. Рядом стоял лэптоп. Лесин что-то медленно печатал на клавиатуре компьютера, морщась и чертыхаясь.

Макс был уверен, что полковник все слышал. Очень хотелось сказать, что ему не нравится равнодушное отношение Лесина к выходкам Маковского. Но он промолчал.

Полковник оторвал голову от экрана, словно удивившись, что в его кабинете посетитель. Как будто он даже не заметил, как тот вошел.

— А, Макс? Заходи.

На его лице была только радость от встречи.

«Артист», — подумал Макс.

Несмотря на габариты, Лесин легко поднялся из кресла и мгновенно оказался рядом с ним.

— Рад тебя видеть.

Лесин не собирался обсуждать их отношения с Маковским. Макс тоже не намеревался тратить на это время. Он пожал руку хозяина кабинета и без приглашения присел к столу.

— Располагайся, — кивнул Лесин, — как дела?

— Бывало и получше. Время от времени.

— Подожди, — сказал Лесин. Он вернулся к столу и продолжил стучать по клавишам указательными пальцами обеих рук.

— Что за девицу ты сюда приволок?

Со своего места Макс видел экран второго компьютера, на который было выведено изображение камер. Одна у входа, вторая в приемной.

— Не слишком молода для тебя?

— У меня к тебе дело, — сказал Макс, пропустив замечание полковника.

— Иначе ты бы не пришел. — Лесин оторвал взгляд от компьютера и сдвинул брови, — Сейчас уже не принято навещать старых друзей.

— Навещают дома. Я пришел к тебе на службу.

— На работу, — поправил Лесин. — Это моя работа. Я уже давно не служу. Итак, похоже, тебе нужна помощь.

— Не мне, а девушке, — Макс кивнул на экран компьютера. — Думаю ее история тебя заинтересует.

— Почему?

— У тебя детективное агенство. Такие конторы открывают, чтобы распутывать подобные истории.

— Макс, это бизнес. Не нужно подсовывать мне идейные мотивы. У меня мало времени. Ты собираешься рассказать мне, что стряслось?

— Ее зовут Инна Волохова. Она моя студентка и у нее пропал брат. В милиции она была. От них толку мало. Они считают, что он сам удрал из дома. Такое случилось в прошлом.

— Что ты хочешь от меня?

— Девушка убеждена, что на этот раз произошло что-то другое. Она говорит, что в последнее время у ее брата не было стычек с родителями, как раньше. Она утверждает, что если бы он замыслил побег, она бы знала. Кроме того, у него есть разные безделушки, с которыми он никогда не расстается, если предполагает оставить дом надолго. В этот раз он ничего не взял. Все его талисманы остались в его комнате.

— Почему она обратилась к тебе.

— Ты знаешь, чем закончилось ее обращение в органы? Наши чуткие работники отобьют охоту прибегать к их помощи у любого.

— Не надо обобщать,— заметил Лесин.

— Из-за этого она не пошла и к частным детективам. Психологическая преграда. Она не могла просить кого-то из них о помощи, ожидая подобную реакцию. А я ее преподаватель. Самый близкий из посторонних, которому она верит. Тем более, она что-то выяснила о моем ментовском прошлом.

Лесин молчал. Макс терпеливо наблюдал за ним, ожидая ответа.

— Послушай, Макс,— заговорил полковник,— если тебе каждый раз будет казаться, что что-то не в порядке и ты будешь прибегать с этим ко мне, знаешь, где окажется мое агентство через несколько месяцев?— Лесин бросил ручку на стол, поднялся с начальственного кресла, сделал несколько шагов по кабинету и остановился рядом с Максом.

— Мне, конечно, жалко девочку, но я не занимаюсь благотворительностью. У меня не фонд помощи и меня зовут не мать Тереза.

— Спасибо,— сказал Макс.— Вот для чего нужны друзья.

— Ты не можешь помочь всем,— Лесин заметно нервничал.— Тебе когда-то нужно слезть с распятия.

Макс резко встал и направился к выходу.

Крик, раздавшийся вдруг из-за двери и с секундной задержкой откуда-то из недр компьютера, стоявшего на столе Лесина, заставил его остановиться. Он оглянулся на полковника. Тот, удивленный не меньше, в двух шагах оказался возле стола и замер, не отрывая глаз от экрана. Лесину хватило секунды. Массивное тело не помешало ему проворно устремиться в сторону двери.

— Пойдем со мной,— бросил он на ходу Макс, у твоей студентки что-то случилось.

Они влетели в соседнюю комнату и обнаружили Инну, застывшую с выражением ужаса на лице. Ее лицо походило на маску. Из глаз текли слезы. Возле нее суежилась Аллочка.

— Инна, что?— Спросил Макс, подскочивший к ней первым.

Дрожащая рука девушки указала на работающий телевизор.

— Там... Олег...,— выдавила она.

Все повернули головы к экрану.

Камера плавно перемещалась среди деревьев.

— Ты видела его?

Инна попыталась что-то сказать. У нее ничего не вышло. Рука девушки застыла в горизонтальном положении и заметно дрожала. Ее округленные от страха глаза, по-прежнему были устремлены в телевизор.

Через несколько секунд картинка вернулась в студию.

— Это новости,— сказал Лесин,— я смотрел утром. Репортаж велся из Летнего сада.

Макс повернулся к девушке.

— Инна, ты видела Олега в Летнем саду?

Девушка опустила руку и разрыдалась.

Через час Макс сидел с Лесиным в его кабинете. Один из сотрудников полковника минуту назад доставил со студии на флэшке запись утреннего выпуска новостей. Они просматривали репортаж из Летнего сада с фотографией Олега Волохова в руках. Инна сидела в соседней комнате под присмотром секретарши полковника. Находясь в состоянии шока, девушка по-прежнему не могла говорить.

Переводя взгляд с фотографии на экран, они всматривались в лицо каждого человека.

— Не понимаю, где она его увидела,— сказал Лесин, прокрутив репортаж в третий раз.

Макс откинулся на спинку кресла, вглядываясь в лицо на фото и размышляя. Вдруг он резко вскочил.

— Включай еще,— сказал он.

— Но его там нет,— удивился полковник,— мы изучили каждого человека. Ни один, даже отдаленно, не напоминает парня.

— Включай,— повторил Макс,— мы не туда смотрели.

Лесин пожал плечами и послушно нажал пуск.

Кадры сменяли один другой. Минуту они сидели молча.

— Пауза!— крикнул Макс.

Полковник надавил на кнопку пульта. Изображение остановилось. Он взглянул на друга, ничего не понимая.

— Вот он,— прошептал Макс, с трудом сдерживая волнение,— Смотри, одно лицо.

Он указывал на бюст с потеками крови у основания. Прическа и черты лица скульптуры имели абсолютное сходство с фотографией Олега Волохова.

* * *

Акре, около 1285 г

Два ярких пятна притягивали взгляды хозяев мелких лавчонок, их подмастерьев, работников и учеников в столь ранний час. Уже в это время торговцам и редким покупателям досаждал зной надоевшего лета. Броские вывески, выглядывавшие из аркад набережной на подходе к замку тамплиеров, затушевала надоевшая пыль. Из-за нее даже обычно горящие золотом четыре замковых льва на воротах Тампля не так бросались в глаза.

Плащ из фиолетового бархата и берет цвета предзакатного осеннего солнца. Эти предметы одежды украшали причудливого вида горожанина. Двигался он быстро, но не настолько, чтобы скрыть торжественную надменность походки. Ленточки черного банта развевались от порывов западного ветра с моря и изредка хлестали по лицу. Он не обращал внимания на неприятные ощущения. Колющий взгляд близко посаженных глаз был устремлен вперед. Широкие скулы, тонкие губы, едва искривленные затейливой линией, в которой не каждый встречный смог бы опознать улыбку. Горожанин был художником и сегодня не найти никого счастливее него во всей Акре. Ему хотелось поделиться переполняющими его чувствами со всяким проходящим, но выходило это у него очень неумело. Хотя повод торжествовать у художника был. Кропотливая работа с растертыми тонкими порошками, льняным маслом и истязающими глаза лаками накануне принесла плоды. Подробно записав последовательность и метод изготовления, он то и дело подходил полюбоваться результатом. Живость и блеск цвета, полученные им переполняли радостью его сердце. Причем эта выразительность удалась для самых разных оттенков. Для зеленой лазури, аматисто, охры и самое главное для сложного в приготовлении, тонкого и любимого им синего ультрамарина.

Миновав патриаршую башню и верфь, художник вскоре добрался до венецианского квартала. Он подошел к деревянным воротам, отделяющим двор и большой дом от городской улицы. Над воротами возвышалась круглая башня. О хозяине он знал немного. Только то, что его предок, происходил из венецианских гвельфов. Он серьезно пострадал и потерял все небольшое имущество в жестоких стычках с гибеллинами. Терять ему было нечего и он пробрался на корабль, следующий в Святую землю. Здесь он разбогател, торгуя фландрской шерстью на мусульманских территориях, после чего осел в Акре, где выстроил дом и обзавелся семьей.

Зайдя в приоткрытые ворота, художник твердым шагом пересек большой двор, в разных частях которого возилась прислуга. Говор и выкрики, достигавшие его ушей, звучали преимущественно по-фламандски и по-итальянски. Подойдя к двери, он два раза стукнул кованым кольцом, торчащим из пасти диковинного зверя. Назвав себя открывшему дверь слуге, он объяснил, что явился по уговору с хозяином. Тощий малый в коричневой камизе и широких коротких штанах слегка обозначил поклон, подчеркивая нетитулованность гостя, и взмахнул рукой, приглашая следовать за ним. Бедняге было неведомо, что художник являлся дворянином. В графстве Триполи для него было выхлопотано жалованное пожизненное дворянство за заслуги. На пороге хозяйских покоев холуй остановил гостя.

— К вам сир де Брейль, ваша милость!— Крикнул он, отодвигая занавес и заглядывая внутрь. После этого слуга склонился, видимо отвечая на молчаливое указание хозяина. От гостя не укрылось, что поклон на сей раз был гораздо ниже.

Венецианец сидел на деревянной скамье, глядя в окно, выходившее на внутренний рейд и железные ворота. Он был уже в том возрасте, когда, заложив состояние после беспокойной молодости, позволяют себе больше времени проводить в покое. Его полнота еще не ограничивала движений, но вздутый живот приметно выдавался вперед натягивая на себе шелковую домашнюю рубаху темного ультрамарина. Его внешность нельзя было назвать привлекательной. Волосы поредели, постепенно оставляя голову и увеличивая лоб. Скошенный подбородок.

Тонкая верхняя губа пряталась в нижней, пухлой и выступающей вперед. Красивый прямой нос портила огромная бородавка на левой ноздре. Только пронзительные черные глаза, сохранившие молодой блеск, украшали его лик.

Внимательный к лицам художник определил в нем хитреца, прагматика и жизнелюба. Звали хозяина Маурицио Дандоло. Художник накануне справлялся о нем у Бо, своего всеведующего слуги. Это Бо поведал, что предок сеньора Дандоло был из гвельфов. Кроме того, слуга сообщил, что венецианец бахвалится тем, что ведет свой род от одного из самых влиятельных венецианских дожей, полуслепого Энрико Дандоло. Бо прибавил после рассказа, что все это вздор и измышления, с целью прибавить себе побольше важности. Кроме нажитого богатства, хорошо было бы иметь и знатное происхождение. Для придания значительности собственной особе хозяин и пригласил к себе набирающего славу художника. Подумав об этом, гость улыбнулся. Такая молва быстро распространялась о нем по всей Акре. Его самолюбию льстили подобные слухи.

— Маэстро де Брейль!— воскликнул Маурицио Дандоло.— Благодарю, что откликнулись на мою просьбу.

Художник вежливо поклонился.

Дандоло пухлыми волосатыми пальцами достал из рукава кружевной платок, который показался художнику нежным цветком в грязной луже. Неловко приспособил его к носу, стараясь не касаться бородавки, и звучно высморкался. Де Брейль отвернулся, делая вид, что рассматривает медную оправу сундука. Его губы едва заметно сжались в брезгливой улыбке. Когда возня утихла, он вновь перевел взгляд на хозяина дома.

— Когда вы пожелаете начать?— спросил де Брейль.

— Как я слышал, придется долгое время проводить без движения,— проговорил торговец,— меня это несколько стесняет.

— Это не будет занимать много времени. Нам будет достаточно около двух часов в день.

— Я говорю не о времени,— повысил голос венецианец,— я понемногу отхожу от дел. На протяжении долгих часов быть прикованным к лавке, словно тебя разбил паралич и казаться бездыханным.

— Дышать я вам позволю,— улыбнулся художник.

Хозяин не откликнулся на шутку. Выражение его лица не изменилось.

— Вы сможете сидеть в удобной позе и время от времени будете иметь возможность двигаться, что размять тело.

— Ну, если этого не избежать,— пробурчал торговец,— начнем завтра. Приходите утром, в такое же время.

— Об оплате не беспокойтесь. Я справлялся о расценках. Вы будете достойно вознаграждены. Если ваша работа мне понравится я дам хорошо сверху.

Голос венецианца по-прежнему был недовольным.

Де Брейль молча поклонился и вышел.

* * *

Здесь царила атмосфера пробуждающая воображение. Стоило Максу прищуриться, стоя где-нибудь у чайного домика и глядя в направлении Шкиперской аллеи со статуями Флоры и Цереры, он моментально представлял себе, что из-за стоящих стеной липовых деревьев появляются дамы в «la robe» с золотым и серебряным шитьем, кружевами и лентами... Их сопровождает молодой офицер с завидной выправкой в драгунском голубом мундире с золотыми эполетами. Мерно покачиваются ажурные зонтики, предохраняющие нежную кожу молодых особ от солнечных лучей. Они не торопясь фланируют в сторону Мойки, обсуждая предстоящий вечером бал у графини...

Подобные видения рождались в голове без каких-либо усилий. Стоило лишь посмотреть в конец аллеи, прищурившись от пробивающихся сквозь листву дрожащих солнечных лучей.

И хорошо бы, не испортить картинку кем-нибудь из современников в джинсах и футболке с кричащей надписью о свободном сексе.

Он стоял на Школьной аллее Летнего сада в десяти шагах от обнаруженного бюста. Лесин чуть поодаль о чем-то беседовал с Маковским. Макс подошел ближе, к изваянию и начал нетопливо прощупывать его взглядом. Сантиметр за сантиметром.

Он смотрел, не отрываясь, уже зная, что это станет одним из тех воспоминаний, избавиться от которых невозможно.

— Что думаешь?— спросил полковник. Он подошел бесшумно и остановился в шаге позади Макса.

— Мне не понятно, что происходит,— ответил Макс,— и это напрягает.

Лесин пристально посмотрел на него, кивнул и опустил глаза. Затем он резко развернулся, бросил через плечо:

— Пойдем побеседуем,— и направился к группе из трех человек, терпеливо ожидающих в стороне.

Среди них ярким рыжим пятном выделялась девушка, готовившая утренний репортаж. Рядом с ней переминались с ноги на ногу двое мужчин. В том, что помоложе, с камерой в руках и в бейсболке, из-под которой торчали длинные нечесанные волосы, Макс определил оператора программы. Тот, что постарше, седой с большими залысинами, оказался представителем музея. В правой руке он держал потертый кожаный портфель, а левой нервно похлопывал по бедру.

Всех их разыскал и собрал здесь Маковский по распоряжению полковника.

— Что тут у вас за история?— спросил полковник, обращаясь ко всем.

— Никакой истории нет,— выступил вперед седой с залысинами,— посетители подняли переполох, а телевизионщики, как обычно раздули из мухи слона.

— Мухой вы называете скульптуру, неизвестно, как появившуюся на вашей территории, или кровь на ее постаменте?— усмехнулась рыжая журналистка.— Возможно, для вас это ежедневная рутина.

— Вы знаете, что это за произведение и как оно здесь оказалось?— спросил Макс представителя музея.

Тот неуверенно помялся.

— Возможно, со мной не успели согласовать. Из-за срочности такое случается в редких случаях. Нужно поднять бумаги, проверить.

— Проверяйте,— сказал Лесин,— Мы будем здесь, пока мой криминалист все обследует. Это займет до полутора часов. Вам хватит этого времени?

Представитель музея кивнул.

— Буду рад услышать, что бюст упомянут в ваших бумагах, а кровь...,— Лесин на мгновение задумался,— кровь принадлежит одному из неловких грузчиков. Или Где-то рядом зарезали курицу. Вот вам номер моего телефона. Успокойте меня.

Когда музейный работник ушел, журналистка повернулась к Лесину.

— Зачем вы подсказали ему отмазки?— спросила она.

— Чтобы ему не пришлось в голову ими воспользоваться. Пойдемте,— Лесин кивком указал в сторону бюста,— подойдем поближе.

У скульптуры уже возился присоединившийся к ним несколько минут назад Николай Сергеевич Журов. Пожилой сутулый человек, в сдвинутых на кончик носа очках с тяжелой коричневой оправой. Криминалист, полтора года формально считавшийся пенсионером. В действительности работавший в специально построенной для него криминалистической лаборатории в цокольном этаже детективного агентства его старого друга полковника Лесина.

Макс заметил теплоту во взгляде полковника, когда тот увидел криминалиста. Лесин вдруг вскинул руку и жестом попросил всех не приближаться. Он давно усвоил, что Журов не

выносит, когда ему мешают во время работы. Любой человек, независимо от чинов и званий, даже непреднамеренно создавший препятствия или отвлекший его на месте преступления, имел все шансы услышать от этого деликатного пожилого криминалиста фразу, заставляющую покраснеть даже самого хамоватого начальника.

Бросив взгляд на копошащегося Николая Сергеевича, полковник обратился к Макс.

— Поделишься наблюдениями?

Макс поднял глаза вверх.

— Листья на этом дереве похожи на перепончатые лапки уток,— заметил он.

Лесин укоризненно покачал головой.

Журналистка не удержалась от нервного смеха.

— А вы не заметили утром ничего необычного?— спросил ее Лесин.

— Скульптура с кровавым орнаментом...для вас это недостаточно необычно?

Макс видел, как полковник сдержался, чтобы не ляпнуть какую-нибудь грубость.

— Я имею в виду странных людей, вертящихся вокруг. Возможно, вы заметили тех, кто это установил,— Лесин кивнул в сторону скульптуры.

— Когда мы начали снимать, бюст уже стоял. Хотя, с уверенностью сказать не могу. Я обратила на него внимание, лишь когда заволновались посетители. На людей я не смотрела. Все внимание было приковано к статуе. Но многие есть в кадре. Можно посмотреть запись.

— Посмотрим,— сказал Лесин.

— Коля, что у тебя?— обратился он к подошедшему Журову.

— Взял образец крови, соскоб материала.

— Все?

— Обнаружил парочку сносных отпечатков.

— Что ж ты молчишь, отправляй срочно.

Дядя Коля взглянул на Лесина, как взрослый на ребенка, сделавшего неуместное замечание.

— Уже отправил. Скульптуру хорошо бы доставить ко мне в лабораторию.

— Получишь.

* * *

В агентство они вернулись в начале шестого и сразу прошли в кабинет полковника.

Через три минуты туда зашел Маковский. При виде Макса он поиграл желваками и отвернулся к Лесину.

— Представитель музея сообщил, что о скульптуре нет никаких упоминаний. Как и ожидалось. И еще, получили ответ по найденному отпечатку. Он есть в базе.

Лесин взглянул на Макса с видом победителя.

— Девяносто процентов подобных задачек решаются в первые два дня,— сказал он.

Макс не ответил. Он не разделял оптимизма полковника.

Лесин повернул голову к Маковскому.

— Продолжай.

— Игорь Сошин. Семдесят пятого года рождения. Работает водителем газели в компании «Надежные перевозки». Доставляет продукты в супермаркеты. В молодости судим за кражу. Получил год условно.

— Какая у него машина?— спросил Макс.

— Я же сказал, газель.

— Борт? Тент? Фургон?

Виктор заглянул в бумаги.

— Фургон.

— Значит, везти может все, что угодно. Никто не видит,— развел руками Макс,— это значительно уменьшает количество потенциальных свидетелей.

— Где он живет?

— На Васильевском, недалеко от Смоленского кладбища.

— Поехали. Навестим этого любителя прекрасного.— Лесин бодро поднялся и первым вышел из кабинета. Виктор и Макс последовали за ним.

* * *

— Здесь,— сказал Маковский и указал на обшарпанную дверь справа от лифта.

Они стояли в парадном на 16-й линии Васильевского острова. Квартира Игоря Сошина оказалась на 4-м этаже. Звонка не было. На его месте торчали проводки, обмотанные синей изолентой. Маковский постучал. Если в квартире кто-то и был, открывать не торопились.

Дверь распахнулась почти через минуту. Открывший смотрелся внушительно. Макс, стоявший ближе остальных ко входу, едва доставал ему до плеча. Несвежая майка бывшего белого цвета обтягивала могучее тело, стоявшего на пороге. Под выпирающим животом держались грязно-серые штаны с тремя кривопришитыми полосками по бокам, а-ля «Адидаас». На голове не было волос. Ее покрывала щетина той же длины, что на щеках и подбородке. С тех пор, как бритва последний раз касалась его лица, прошло не менее трех дней. Открывший дверь не был похож на скульптора.

— Что?— спросил громила.

На Макса пахло луком и перегаром.

— Сошин Игорь Сергеевич?— поинтересовался Маковский.

Здоровяк кивнул.

— Вы кто?

— Мы из детективного агентства,— ответил Лесин и поднес к глазам Сошина лицензию,— нам нужно поговорить.

— Вам нужно — вы говорите. Мне нет,— хмыкнул гигант и сделал попытку захлопнуть дверь. Это было настолько неожиданно, что у него почти получилось. В последний момент Макс успел вставить ногу.

— Нам нужно поговорить с вами, Игорь Сергеевич,— сказал он.

Сошин протянул руку, ухватил Макса за плечо и потряхнул, чтобы убрать неожиданно образовавшуюся помеху. Макс с трудом устоял на ногах и услышал за спиной лязг, после которого хозяин квартиры ослабил хватку и переменялся в лице.

Лесин держал в руке неизменный пистолет Макарова. У Маковского Макс успел разглядеть Беретту.

— Эй-эй, спокойнее,— проговорил Сошин, инстинктивно приподнимая руки,— я-то вам зачем?

— Мы можем пройти?— спросил Лесин.

— Говорите здесь, у меня не убрано,— сказал хозяин квартиры и гоготнул, довольный своей шуткой.

— Здесь, так здесь,— согласился полковник.— Сегодня утром ты привез и установил скульптуру в Летнем саду

Сошин не стал отрицать.

— И что?

— Как мы понимаем, ты не сам ее изваял,— вступил в разговор Макс. — Кто тебя нанял?

— Не знаю. Я его не видел.

— Работаете на призраков?

— Почему я должен вам что-то говорить. Вы даже не милиция.

— Во-первых, потому, что мы вежливо спрашиваем. Во-вторых, благодари своего бога, что мы не милиция. Там бы с тобой разговаривали иначе.

После этих слов Макса, Сошин сник. Очевидно, с милицией у него были связаны не самые приятные воспоминания. Он поежился и заговорил.

— Мне позвонил какой-то мужик. Попросил перевезти кое-что. Он так и сказал: «кое-что». Я иногда беру такие халтуры. Чего не брать? Газель под жопой.

— Кто ему мог тебя подсказать?

— Не знаю. Ко мне многие обращаются. Я не интересуюсь через кого.

— Продолжай.

— Ну вот. Позвонил, попросил перевезти кое-что от Шляпы Наполеона до Летнего сада.

— Откуда?— не понял Маковский.

— Это район прудов Шуваловского парка в Парголово,— ответил Макс вместо Сошина, — верно?

Тот кивнул.

— А теперь давай-ка вспомни подробней: когда позвонил, что сказал, желательно дословно, как расплатился.

— Первый его звонок был неделю назад. Спросил смогу ли я перевезти груз, обещал хорошо заплатить.

Потом объяснил, что речь идет о бюсте. Я сказал, что мне нужен помощник. Такой груз, наверное, весит дохренища. Он ответил, что сам справлюсь, а потом объяснил, где взять статую. Позавчера вечером, когда стемнело, я приехал в Парголово. Нашел легко. Он подробно описал место. Статуя была там, упакованная в картон и целлофановую пленку. Под ней я нашел конверт с деньгами и план с местом установки. Не обманул. Даже накинул за то, что я был один.

Сошин усмехнулся.

— Тяжелая оказалась, сволочь. Намучился. Чуть не надорвался. Когда ехал обратно, он снова позвонил. Сказал, что пока все идет хорошо. Следил за мной, что ли? Привезти груз на место я должен был на следующий день к вечеру. Перед закрытием. Он приказал поставить машину у Шарлеманя, а оттуда на тачке везти на место установки. Я начал препираться, что от Невы, мол, будет ближе. Но он меня быстро заткнул. Прямо рывкнул в трубку: делай, как говорят! Я больше не спорил. Вот и все. Притаранил, поставил, снял упаковку, взял ее с собой и смотался. Когда уезжал, он позвонил еще раз. Точно следил. Сказал, что все сделано правильно и что теперь мы в расчете.

— Где план?

— Он приказал сжечь после всего.

— Как шпионы, ей-богу,— покачал головой Лесин.— Тебе кто-то попался в Летнем, по дороге от ворот к месту установки?

— Вроде нет. Перед закрытием народу почти не было.

— Куда дел упаковку?

— Выбросил в мусорку. Прямо здесь, у дома.

— Что можешь сказать о голосе звонившего?— спросил Макс.— Высокий? Низкий? Может быть, примерный возраст?

Сошин покачал головой.

— Он разговаривал тихо и хрипло, почти шепотом. Я слова с трудом разбирал. Переспрашивал через слово.

— Пока на этом закончим,— сказал Лесин и сунул в огромную ладонь Сошина визитку, — если еще что вспомнишь, позвони.

Когда спустились от свидетеля, Макс заглянул в мусорный контейнер. Он был пуст.

Они подошли к черному «Гранд Чероки» Лесина. Маковский сел за руль. Полковник с Максом расположились сзади.

— Что думаешь?— спросил Лесин.

— Заказчик не зря велел ему оставить машину у Мойки. Так сложнее связать машину с местом установки бюста,— размышлял Макс.— Этот неизвестный скульптор очень умен. Продуман каждый шаг.

— Тогда почему он позволил грузчику оставить отпечатки пальцев?

— Потому, что этот след ведет в никуда.

Они помолчали, разглядывая пролетающий за окном джипа освещенный Невский.

— Зачем ты так о милиции?— вдруг спросил Лесин.

— Что?— не понял Макс.

— Ну про то, что в милиции разговаривают иначе.

— Я всегда даю возможность сравнить.

* * *

Поздним вечером Макс сидел в кабинете Лесина. Маковский, обсудив с полковником срочные задачи на завтра, исчез за дверью несколько минут назад. Снаружи доносилось шуршание покрывал, редких в это время машин.

Хозяин кабинета одним пальцем стучал по клавиатуре компьютера. Закончив, он облегченно вздохнул и отвернулся к сейфу. Через мгновение на столе оказалась бутылка “Yamazaki” 12-летней выдержки.

— Молодцы японцы, за что ни берутся все у них выходит на уровне,— он кивнул на бутылку,— очень качественный продукт приготавливают.

— Только ты учти,— продолжил он без всякого перехода, разлив напиток в стаканы,— у меня лишних людей нет. Если не в состоянии, занимайся этим сам. А я помогу, чем смогу. Но особо не рассчитывай. Могу пообещать, что будешь под моим крылом. Где надо, прикрою.

Макс думал. Он предполагал, что сбросить все на старого друга не удастся и готов был при необходимости помочь. Но этот хитрый лис вывернул все наизнанку. Такое расследование требовало полного погружения, а значит все время. Он подумал об университете, о студентах. Со временем как раз проблем не было. Каникулы. Несколько дней займут консультации с дипломниками, а потом он свободен.

Лесин прервал его размышления.

— Наверное, мечтал вернуться?— Спросил он, усмехнувшись,— чтобы все, как раньше. Вспоминаешь те годы? Было же хорошо.

— У меня с опытом выработалось правило никогда не возвращаться туда, где было хорошо. Будет только хуже.

— Ты пришел ко мне с этой девочкой. У тебя нет выбора.

— Я понял.

Он кивнул на янтарный напиток в стаканах.

— Ты достал это для красоты?

— За тебя и за успех.— Лесин поднял свой стакан и резким движением опрокинул его.

— Я рад, что ты вернулся, Макс.

— Я тоже, мне просто не нравится причина, заставившая меня это сделать.

Он поднял стакан.

— Кстати, у нас говорят “лехаим”. Это значит, за жизнь,— сказал он и сделал глоток.

Макс любил работать один, но это дело без помощников можно не потянуть.

— И чем ты меня поддержишь,— обратился он к Лесину,— добрым словом по телефону?

— Ну почему же? Могу и при личной встрече. Но только по выходным. Ладненько. Не ломай голову. А как и чем тебе помочь, будем решать по мере поступления просьб о помощи.

— Что ж,— нарушил затянувшееся молчание Макс,— давай попробуем.

— Дерзай. Будешь у нас первопроходец,— воодушевился Лесин.

— Первопроходец,— заметил Макс.

Лесин сник. Но не надолго. Он повернулся к Макс. На его лице играла улыбка.

— Подытожим. Итак, Макс, ты вернулся. Правда, не могу сказать, что по многочисленным просьбам.— он кивнул на дверь, откуда незадолго до этого вышел Маковский и не смог удержаться от смеха, довольный своей шуткой.

— А тебя эта ситуация забавляет?

— Нет.— отрезал Лесин уже без тени улыбки,— но мне любопытно, когда вы с ним перестанете вести себя, как барышни, не поделившие жениха.

* * *

Первое, что бросалось в глаза вошедшему, был идеальный порядок, две огромные вытяжки, расположенные над покрытыми светлым мрамором полками у противоположных от входа стен и скопление разнообразного оборудования, расставленного по известной только одному хозяину этого места системе. Макс находился во владениях Николая Сергеевича Журова и ждал хозяина. Эта комната в детективном агентстве была оборудована сплит-системой. Макс сидел, откинувшись на спинку пластикового кресла и разглядывал трубы над головой, слушая шепот воздуха в них и ни о чем не думая. Ему нравился промышленный стиль помещения. Спокойные оттенки серого цвета, хромированные части приборов, светильники с темными абажурами, опущенные низко над двумя покрытыми фторопластовыми пластинами столами. Макс порадовался за дядю Колю, вспомнив, в каких каморках приходилось работать пожилому криминалисту.

За дверью послышались шаги и в комнату вошел Журов. Полы его неизменного серого халата покачивались в такт шагам.

— Ну, как тебе у меня?— он обвел глазами помещение.

— Поражает воображение,— усмехнулся Макс.

Глаза криминалиста под стеклами очков сияли от гордости. Они особенно контрастировали с лицом землистого цвета от постоянного пребывания в помещении.

— Полковник на науке не экономит,— сказал Журов, указав глазами вверх, где через этаж над ними находился кабинет Лесина.

Макс кивнул.

Криминалист проворно подошел к дверке, ведущей, вероятно в подсобное помещение, открыл ее и крикнул:

— Иди-ка помоги.

В кладовке на подставке с колесиками стоял бюст из Летнего сада. Журов протянул Максу латексные перчатки и они выкатили статую в лабораторию. В искусственном освещении изваяние выглядело зловеще. Белый материал, словно сиял изнутри, создавая ощущение чего-то мистического. Макс подвинул стул и опустился на него, внимательно разглядывая гладкую поверхность. Затем он провел по ней ладонью. Она была идеально гладкой, не считая небольшой шероховатости на постаменте.

* * *

Старый черный телефон в бакелитовом корпусе издал тренькающие звуки. Журов перехватил удивленный взгляд Макса на этот реликт.

— Поставил звук на минимум,— сказал он, не торопясь ответить на звонок,— хорош экземпляр, а? Начало шестидесятых. На диске еще буквы рядом с цифрами. Один недостаток: так, зараза, гремел, что я аж подпрыгивал. Особенно, когда сосредоточусь. Он, наконец, поднял трубку.

— Журов слушает. Держи, это тебя.

— Ну, как там старая гвардия?— услышал Макс голос Лесина.

— Так же, как и раньше. Нет равных.

— Звонил в ГУВД. Попытался подключить их.

— Зачем?

— У них большие возможности.

— И что?

— Ничего. Сказали, что у них нет лишнего времени, чтобы тратить его на наши фантазии.

Вернув трубку на место, Макс отошел в сторону и вынул из кармана фотографию. Ту самую, которую он взял у Инны Волоховой. Фотографию ее брата Олега. Он держал ее в руках, внимательно вглядываясь в черты лица юноши.

«Я должен сделать это,— подумал он, отменяя все возможные отговорки. В этот момент он убедил себя, что его решение окончательное.— Я должен ради тебя и твоей сестры».

Он вернул фотографию в карман и поискал глазами Журова. Криминалист возился возле скульптуры, деликатно не обращая на него внимания.

Макс поднялся со стула и направился к выходу.

— Пошел я, дядя Коля. Звони, если что.

— Постой. У меня тут еще нечто не совсем обычное.

Макс остановился в двух шагах от двери и резко обернулся. Журов не стал бы останавливать его из-за пустяка.

— Готовы анализы материала.

Николай Сергеевич снял очки, достал из кармана халата тряпицу и начал протирать стекла. Макс не торопил. Он терпеливо вглядывался в лицо старого криминалиста. Сосредоточенный взгляд глубоко посаженных глаз. Морщинки, окружающие их становились глубже в те редкие моменты, когда он улыбался. Макс вдруг подумал о том, что он ничего не знает о семье Журова. Наверняка, у него есть внуки, которые любят проводить время с дедом. Надо обязательно поговорить с ним об этом. Непростая задача. У Макса не было семьи, он не умел вести подобные разговоры. Пауза затягивалась. Наконец, Журов водрузил очки на нос и поднял глаза на Макса.

— На первый взгляд в материале ничего необычного. Стандартные составляющие. Гипс, мраморная крошка, известь, клей. Меня беспокоит зеленка.

— Которой царапины мажут?— удивился Макс и кивнул в сторону бюста,— ты ее там нашел?

— Нашел, но тут другая зеленка. Двухкомпонентная эпоксидная замазка, называется «Гринстаф». Загадочный материалчик. Первоначально его изготавливали для сантехников. Им замазывали трубы, стягивали крепления. Обычно продается в виде двухцветной сине—желтой ленты. Желтая — компаунд, синяя — отвердитель. При смешивании получается масса зеленого цвета. Отсюда и название.

— Интересная информация,— сказал Макс,— и что нам с ней делать?

— Думай.

* * *

Кабинет главы детективного агентства использовался и как комната для совещаний. Вытянутое от входной двери помещение с высоким потолком. У дальней стены стол начальника. За его спиной неизменная карта Ленинградской области, пестрящая лесом флажков. По правую руку от хозяина кабинета, на длинной стене в обоях песочного цвета висели три черно-белые увеличенные фотографии с мрачными пейзажами. Несмотря на них, стена казалась пустой. Три высоких окна с противоположной стороны были занавешены римскими шторами.

За окнами Мучной переулок. В двух шагах от канала Грибоедова. Макс любил это место. Агентство располагалось в части двухэтажного дома с высокими арочными окнами на первом этаже. Когда-то на этом месте стояли деревянные мучные торговые ряды и склады. Но, в середине восемнадцатого века их сменили каменные строения.

Зайдя в кабинет, Макс поздоровался и быстро осмотрелся.

Лесин занимал свое место во главе. За длинным столом, являвшимся продолжением начальнического, расположились еще трое. Макс был знаком со всеми. Справа от хозяина каби-

нета перешептывались Виктор Маковский и Алик. Несмотря на натянутые отношения Макса и Виктора, полковник не отказался от участия Маковского в расследовании. Макс бросил на него короткий взгляд. Прилизанные волосы, бледное лицо, чисто выбритая кожа и всегда едкий взгляд. Макс был уверен, что Виктор так смотрит даже на любимую кошку. Александр Томич, которого все называли Аликом, был самым молодым сотрудником агентства и любимчиком Лесина. Его важный вид в сочетании с прямыми рыжими волосами, торчащими в разные стороны над высоким лбом, вызывали улыбку у всех, видящих его впервые. По словам полковника, этот способный перспективный парень был не по возрасту педантичен и никогда не жаловался на зарплату и на сверхурочные. В отличие от Виктора, Макса Алик боготворил.

Напротив них расположился криминалист Журов. Макс рассудил, что если он сядет в противоположном от полковника торце стола, то окажется далеко от всех. Это означало бы территориальную изоляцию. Несмотря на расхождение во мнениях с некоторыми присутствующими здесь, сегодня в его планы не входила открытая конфронтация, поэтому он опустил на стул справа от Журова.

На столе перед Лесиным лежали две стопки фотографий размером десять на пятнадцать. Он положил ладонь на одну из них и подвинул ее к сидящему ближе Маковскому.

— Это Олег Волохов,— сказал полковник, дождавшись пока Виктор раздал фотографии,— который пропал около трех недель назад.

Макс внимательно рассмотрел снимки, лежащие перед ним. Один из них он видел раньше, другие оказались перед ним впервые. Серьезное юношеское лицо, прямые темные волосы, спадающие на глаза. Тонкие черты, делавшие его излишне женственным и в то же время нескладность, свойственная шестнадцатилетним подросткам.

Помолчав, пока присутствующие рассмотрят фотографии, Лесин передал всем через Маковского вторую стопку.

— А на этих снимках скульптура, выставленная в Летнем саду.

— Одно лицо,— после небольшой паузы произнес Алик. Из присутствующих только он не был в курсе произошедшего накануне.

Маковский согласно кивнул.

— Похож. Очевидно, что статую ваяли с него.

— Это не факт,— сказал Лесин,— но к такому заключению можно прийти с высокой степенью уверенности. Кроме этого сходства у нас ничего нет. Мы не знаем, кто скульптор. Мы не знаем, зачем это сделали. Мы не знаем, почему установили статую в таком месте. Самое главное, нам неизвестно, жив ли парень. Какие соображения?

— Работать нужно с тем, что мы имеем,— сказал Макс.

Все взгляды устремились на него.

— Первое — скульптура,— продолжил он.— Она может рассказать о многом. Нужно изучить компоненты материала, из которого она изготовлена. Затем проконсультироваться с искусствоведами. Если скульптор более-менее известен, его могут определить по стилю. Думаю, здесь, как в живописи и в музыке. Специалисты могут распознать руку мастера.

— Будем надеяться, что нам повезет,— заметил Лесин.

— Коля,— обратился он к Журову,— поработай со статуей. Может быть удастся вытащить что-то интересное.

— Ему уже удалось,— сказал Макс.— Кроме стандартных составляющих, Николай Сергеевич обнаружил очень интересный материалчик.

Лесин оторвал взгляд от бумаг, разложенных перед ним на столе.

— Подробнее.

Макс повернул голову к криминалисту, взглядом прося разрешения рассказать всем об его находке.

Журов кивнул.

— Скульптура сделана из гипса, с добавлением мраморной крошки, извести и клея. Все это можно купить где угодно. В строительных компаниях. Есть еще магазины для художников и для рукоделия. В них тоже можно найти эти материалы.

— Да-а,— протянул Лесин,— только ленивый сейчас не творит. От словосочетания «творческий человек» меня тошнит. Значит, через все это выйти на скульптора не получится?

— Через это нет. Но Николай Сергеевич нашел еще один интересный ингредиент, который называется «зеленка». Двухкомпонентная эпоксидная замазка. Ее используют сантехники. Пока непонятно, какое отношение она имеет к скульптуре. Попробую поискать через этот материал. Поэтому мне нужен совет специалиста. Желательно искусствоведа. Вот вам перспективное направление для поиска.

Маковский толкнул Алика локтем. Но тот и так уже быстро писал в лежащий перед ним блокнотик.

— По поводу искусствоведа для консультации,— Лесин задумался на пару секунд и поднял глаза на Макса,— думаю проблем не возникнет. Зайди ко мне после обеда. Что-нибудь еще?

Макс кивнул.

— Кроме этого нужно вплотную побеседовать с членами семьи и друзьями парня. С кем общался, чем увлекался, о чем говорил? Вполне может оказаться, что он начал позировать до исчезновения и скульптура никак не связана с пропажей Волохова. Может быть, он просто подрабатывал натурщиком. Если так, то кто-то из его близких обязательно должен знать имя скульптора.

— Виктор, завтра с утра займитесь этим вместе с Аликом. Начните с семьи, а затем продолжите разбираться с зеленой. Ищите всех, кто использует этот

материал, — распорядился Лесин и перевел взгляд на Макса,— а ты поговори еще с той бойкой девицей, журналисткой из Летнего сада. И с работниками музея. Может быть еще что-то вспомнят.

— Кроме того, нужно проверить, кто мог порекомендовать этому неизвестному скульптору Сошина,— сказал Макс.

Лесин кивнул и выразительно посмотрел на Маковского. Виктор поморщился, но ничего не ответил.

* * *

К агентству Макс подъехал голодным и мрачным. С журналисткой побеседовать не удалось. В редакции сообщили, что она укатила в короткую командировку в Кингисепп делать репортаж о вылазке вандалов. Разговор с музейными работниками ничего не прояснил. Никаких упоминаний о новой скульптуре в документах не нашлось.

— Макс, ты где?— телефонный звонок Журова застал его при входе в агентство,— можешь подъехать?

— Я здесь, что произошло?

— Ничего особенного, так ты зайдешь?

— Буду через пару секунд.

Журов сидел у компьютера. Макс осмотрелся. Ничего не изменилось. Жутким напоминанием о цели его прихода в углу лаборатории застыла скульптура. Порождая тягостное чувство, ее холодная поверхность отражала направленный на нее желтый свет настольной лампы. Он опустил на стул рядом с криминалистом.

— Я порылся в литературе и интернете,— не теряя времени на приветствие начал Журов, — благодаря эластичности в работе и прочности после отвердевания, зеленку стали применять при изготовлении поделок. Особенно популярна у модельстов и фанатов настольных военно-фэнтезийных игр. На сегодняшний день это один из самых популярных материалов для изготовления миниатюрных фигурок.

— А в работах такого размера,— Макс указал на скульптуру,— зеленку используют?

— Про это ничего не нашел,— Журов пожал плечами,— но думаю нет. Для таких размеров дороговато выходит.

— Значит наш скульптор не беден?

— Не думаю. Понимаешь, в чем тут фокус,— криминалист подошел к бюсту и нежно погладил поверхность изваяния,— как я понимаю, основная масса лепится на каркасе из смеси гипса, мраморной крошки, извести и клея. С таким составом нужно работать со шпателькой. У неопытного ничего не выйдет. Материал быстро застывает. Значит этот скульптор — специалист. Но даже такой мастер имеет огрехи в работе. Вот тут—то он и использует зеленку. Где-то исправить, Где-то подмазать. Работая с небольшими объемами зеленки, можно не торопиться. До застывания от полутора до двух часов.

Макс размышлял не дольше пары секунд.

— Спасибо, дядя Коля,— он поднялся и направился к выходу, бросив через плечо,— я к полковнику.

* * *

Кивнув Аллочке, Макс прошел в кабинет Лесина.

— Как успехи?,— подняв на него взгляд, спросил полковник. Макс в двух словах поведал о бесполезно потраченной половине дня.

— Что с консультантом?— поинтересовался он.

— Вот адрес и телефон,— Леонид Семенович указал на синенький листок для заметок, лежащий перед ним.

— Уже?

— Я же говорил, что с этим проблем не будет. Здесь у нас искусствоведов, как в Донбассе шахтеров.

— Где нашел?

— Через ГУВД. Говорят, грамотный специалист. Еще сказали, что человек интеллигентный, даже слишком.

— Что значит, слишком?

— Он готов извиниться перед поручением, который задел.

— Звони ему,— Макс подвинул к Лесину телефон,— умоляй, чтобы он меня принял.

— Когда?— полковник покосился на часы.

— Прямо сейчас.

* * *

Акре, около 1286 года

День подходил к концу. От Тампля разнесся звон колоколов, возвещающий повечерие.

Бруно де Картен вышел из рефекториума и быстрым шагом прошел на конюшню. По дороге он захватил один факел, из составленных в пирамиду возле спуска в подземный тоннель. Он вывел неуспевшую отдохнуть лошадь из стойла, оседлал ее и выехал из квартала госпитальеров. Его проводили взгляды братьев-монахов, стоявших на сторожевой башне святого Лазаря. Он окунул факел в смоляную бочку, стоявшую за воротами, и поднес его к двум спаренным пламенникам в подставке, закрепленной на стене. Дрожащий огонь осветил зажатый между каменными стенами поворот налево, в квартал святого Брайда. Мерный стук подков о камни изредка заглушал шум волн, разбивающихся о каменные стены берега. До монастыря кармелиток навстречу Бруно попался лишь один горожанин в накинута на голову куафе, защищающем от долетающих даже сюда морских брызг.

Из-за стен монастыря не доносилось ни звука. Монахини предавались рекреации перед последней вечерней молитвой. В квартале святого Михаила никто не попался ему навстречу. Жилище художника, к которому направлялся молодой госпитальер, находилось в следующем квартале. Доминиканском.

Де Брейль жил в узком двухэтажном доме.

На стук неторопливо вышел рослый рыжий малый в грубой рубаше и молча уставился на позднего гостя. В его глазах отражались огоньки факела.

— Маэстро де Брейль твой хозяин?— спросил госпитальер.

Малый не отвечал. Он не мог сообразить, как следует поступить.

Придется поторопить этого тугодума.

Он отвел факел чуть в сторону и потянулся к рукоятке меча.

Слуга тут же склонил голову.

— У меня с ним уговорено. Веди.

На этот раз его подгонять не пришлось. Он проворно развернулся и шагнул вправо. Отблески факела выхватили в глубине лестницу.

В ноздри госпитальеру ударили разнообразные запахи. Он различил сосновую смолу, известь, неприятный рыбий дух. Так могло пахнуть льняное масло или краски, полученные из морских улиток. Не вызывало сомнений, что здесь, на первом этаже, располагалась мастерская художника.

Дверь туда была приоткрыта. В тусклом свете Бруно сумел разглядеть высокого белокурого юношу. Тот стоял боком к двери и усердно толоч что-то в чаше на массивном столе. Очевидно почувствовав на себе взгляд, он обернулся. Их глаза встретились. Даже при слабом освещении Бруно де Картен заметил его бледность. Он остановился и склонил голову в приветствии. Юноша неловко кивнул в ответ и сразу отвернулся.

За слугой он поднялся по крутой лестнице на второй этаж.

— Бо, это ты? Что ты там топчешься?— Раздался гулкий голос, приглушенный закрытой дверью.

Бо, надо думать, так звали слугу, толкнул дверь и отошел в сторону. Бруно де Картен столкнулся лицом в лицо с хозяином дома. Они несколько мгновений рассматривали друг друга.

Гость, смутившись кратким замешательством, назвал себя.

— Я помню ваше имя,— кивнул художник,— мне передали вашу просьбу о встрече. Как зовут меня, вы знаете.

— Жак де Брейль,— тем не менее представился он и церемонно поклонился. Бруно прошел внутрь, следуя приглашению хозяина.

— Выпьете со мной немного кипрской мальвазии?— Спросил художник гостя.

— Я не пью вина. В уставе упомянуты слова Соломона: «Quia vinum facit apostare sapientes» (вино превращает мудрецов в скотов).

Де Брейль поморщился.

Бруно спохватился, сообразив, что его заявление могло обидеть художника.

Заметив смущение госпитальера, художник усмехнулся.

— Я произнес слово «немного» и это значит, что я не предлагаю вам закончить весь кувшин. Речь идет о разумном количестве. Но, как пожелаете.

Он плеснул из кувшина в серебрянную чашу и добавил немного воды.

— Мне кажется, вы еще очень юнны,— заметил де Брейль, отхлебнув из чаши.

Госпитальер молчал.

— Вы уже прошли испытания, положенные,— хозяин дома сделал рукой неопределенный жест,— членам вашего ордена?

— Мое сердце испытано на поле битвы...

— Поле битвы,— перебил его художник,— на что вы расходуете драгоценные мгновения жизни...

Он покачал головой.

— Вы сражаетесь за идеалы. Вы преклоняетесь перед Господом, пытаетесь вновь и вновь отвоевать место его погребения. Но, вы не видите то, что Он создал. Оглянитесь вокруг. Сколько всего прекрасного вышло из-под Его рук. Но, вы не замечаете этого. Вам важнее, чтобы у вас в руках была Его могила. Он дал нам жизнь и создал все, что нас окружает. Сколько чудесного вокруг. Вы не задумывались, почему? Потому, что Он прикоснулся к этому. Потому, что это — дело Его рук. Это Его замысел. Все, что Он создал нужно поддерживать, преумножать и украшать... А ваши войны...

Он замолчал и взглянул на госпитальера.

— Что Вы хотели у меня узнать?

— Вы изображаете людей. Я видел ваши работы. Они прекрасны, насколько я могу судить их.

— Судить умение художника может каждый. Для того я и творю.

— Я хотел спросить об особах с ваших картин... Говорят, что некоторых из их никто не видел после того, как вы заканчиваете их рисовать. Они исчезают.

Бруно де Картен не отрываясь смотрел на художника.

— Мне приказано выяснить, где они. Куда они они исчезают и по какой причине.

Де Брейль задумался.

— Не буду скрывать, до меня доходили подобные известия,— он задумался,— Я мало с кем общаюсь без необходимости. Но, все эти слухи достигали моих ушей. Это Бо. Мой слуга. Этот прохвост шастает по всему городу и собирает сплетни.

Он замолчал и заговорил вновь после небольшой паузы.

— Но, мне ничего об этом неизвестно. Поверьте, я бы очень хотел узнать, куда деваются мои натурщики.

— Я найду их.

— Суд Господа найдет их.

— Я сделаю это раньше.

Де Брейль усмехнулся.

— Вы настойчивы и самоуверены. Что ж, будьте внимательны. Ищите тщательно. Буду признателен, если вы сообщите мне, если что-то узнаете.

— Когда что-то узнаете,— исправился он.

— Когда что-то узнаю,— как эхо повторил молодой госпитальер.— Но, пока я хотел бы попросить вас кое о чем.

— О чем же?

— Вы могли бы на некоторое время, пока мы не докопаемся до причин, прекратить вашу работу?

— Вы просите, чтобы я не рисовал?

— Да. Всего лишь некоторое время.

— Нет, я этого не сделаю. У меня много заказов. Я не могу отказать людям. И, в конце концов, я с этого живу.

— Только на короткий срок.

— Нет.

— Это ошибка.

— Мне решать, совершать ее или нет.

* * *

Через час после разговора с Лесиным, Макс сидел в обитом гобеленом кресле под старину в квартире искусствоведа. Этот час ушел на телефонные звонки с договором о встрече и улаживанием формальностей.

В Питере Макс снимал квартиру на Песках. В Заячьем переулке. В пяти минутах ходьбы, во дворе на 4-й Советской улице, прошло его детство. Квартира искусствоведа на Загородном проспекте у Пяти углов находилась ровно на половине пути от агентства Лесина в Мучном переулке до теперешнего жилища Макса.

Консультанта звали Олег Ильич Стук. Всю стену в кабинете хозяина квартиры за массивным письменным столом занимали книжные полки. Макс ждал искусствоведа, вышедшего приготовить кофе, и с интересом разглядывал корешки книг и художественных альбомов. Через несколько минут Олег Ильич внес в комнату поднос с двумя чашками ароматного напитка и вазочкой с крекерами. Поджарый мужчина пятидесяти лет с гладкопричесанными набок неопределенного цвета волосами и седой бородой эспаньолкой. На шее повязан щегольский шелковый платок в фиолетовых тонах. Пристальный взгляд умных глаз из-под низкоопущенных бровей. Он напомнил Максу голливудского актера Денниса Хоппера. Искусствовед поставил кофе на журнальный столик рядом с гостем и поправил очки в тонкой оправе цвета черного шоколада.

— Так это с вами меня попросили встретиться, молодой человек?— В его голосе звучала легкая неспешность коренного петербуржца. Тщательно выговаривает слова, выделявая уважение к собеседнику.

— Чем могу помочь?— И после этих слов доброжелательная улыбка на лице.

Пока консультант вызывал у Макса только положительные эмоции. Посмотрим, сможет ли он быть полезен.

— Мне говорили, что вы в раньше уже консультировали в расследованиях.

— Верно, Максим Юрьевич. Ко мне обращаются не впервые. Такое уже случалось в прошлом,— он помедлил,— и не единожды.

Искусствовед улыбнулся. Воспоминания доставляли ему удовольствие.

— В первый раз я помог разобраться с результатами экспертизы для вывоза за границу предметов искусства. Они оказались сфабрированными. Нечистоплотные эксперты занижали реальную стоимость картин. Был еще один раз. Тогда подлинник известного мастера, одного из передвижников, для вывоза за границу объявили копией. Мне это показалось подозрительным. Я привлек своего приятеля эксперта, который подтвердил, что я оказался прав.

Макс наблюдал за лицом консультанта во время рассказа. Тот был горд, что его знания оказались полезными.

— А что вас привело ко мне? Украдена картина кого-то из мастеров?

— Не угадали, Олег Ильич. Речь пойдет не о живописи. У меня вопрос по скульптуре.

— В этой области я не так силен,— казалось, что Стук разочарован. Но через мгновение на его лице появилась улыбка и он потер ладонями в предвкушении интересной задачи.— Ну, что там у вас?

— В материале скульптуры, являющейся уликой в деле, которым мы занимаемся, наш криминалист обнаружил помимо прочего одну составляющую. По поводу нее я и хотел узнать ваше мнение.

— И что же это?

— Гринстаф. Это вам о чем-то говорит?

— Как вы сказали? Гринстаф?,— искусствовед поморщился,— «зеленка»?

— Верно. Вам что-то известно об этом материале?

— Немного,— сказал Стук после недолгого молчания.— Нет ли у вас с собой фотографии скульптуры, о которой вы говорите?

Макс вынул из кармана фотоснимок и протянул консультанту.

Тот внимательно всмотрелся в изображение, вскинул брови и опустил перед собой на журнальный стол.

— Очень странно,— сказал он.

Олег Ильич поднялся, подошел к полкам и вытащил иллюстрированный журнал. Вернувшись, он протянул его Макс.

«Military Miniatures in Review»,— прочел название Макс.

— Это американский журнал для любителей военно-исторической миниатюры,— объяснил Стук.— Для тех, кто выбрал подобное хобби, здесь масса интересного, вплоть до материалов, из которых предпочтительно изготавливать фигурки. О «зеленке» я впервые нашел информацию в одном из таких журналов. Там говорилось, что этот материал для лепки применили по ошибке. Первопроходцем называлось имя Тома Мейера. Этот человек очень хорошо известен любителям миниатюрной скульптуры по всему миру.

— А в чем здесь странность?— спросил Макс.

— Да в том, что этот материал популярен у миниатюристов, но я впервые вижу,— Стук кивнул на фото скульптуры,— чтобы его использовали для подобных габаритов.

В комнате повисло молчание. Хозяин квартиры о чем-то размышлял. Макс, ожидая пока он заговорит, рассматривал иллюстрации в журнале.

— Вы, наверное, хотите услышать, что я думаю об авторе этой работы?— прервал молчание искусствовед.

— Был бы рад.

— Так вот, что я вам скажу, Максим Юрьевич,— Стук хлопнул себя ладонями по коленям, словно, решившись на что-то,— несмотря на размеры скульптуры, я начал бы поиск автора среди миниатюристов. Это их материал. Им привычно его использование. А скульпторы не очень охотно меняют материалы, с которыми привыкли работать.

— Вы можете назвать имя?

Стук задумался.

— Не хотелось бы обидеть подозрениями невинного,— сказал он,— но я бы проверил в первую очередь Михаила Свечина. В наших кругах его иногда называют «Микеле».

— Почему он?

— Этот человек давно занимается миниатюрой и он никогда не отягощал себя моральными принципами. По этой причине Свечин неоднократно сталкивался с представителями правоохранительных органов.

— Вам не понравился мой кофе?— Стук указал глазами на полную чашку Макса.

— Кофе прекрасен.

— Но вы не сделали и глотка.

— Извините, уже некоторое время не пью кофе, мне просто нравится запах.

* * *

Макса пытался понять, в чем причина его тревоги. Это состояние разливалось изнутри и постепенно поглощало его. Неприятное ощущение. Воображение Макса рисовало в таких случаях одну и ту же картинку. Будто в зимнем дремучем лесу зародился маленький снежный комочек. Вначале легкий и беспомощный, он катится под сильными порывами колючего ветра, цепляется за стволы деревьев, спотыкается о припорошенные камни. Но продолжает лететь вперед, набирая при этом силу. И вот это уже огромный ком, сносящий все на своем пути. Он достигает таких размеров, что в огромном лесу не остается для него места.

Так всегда бывало, когда что-то необъяснимое зарождалось в глубине его сознания, постепенно росло и, в какой-то момент вырывалось наружу, выплескивая важные наблюдения, на которые он в тот момент не обращал внимания, но которые не исчезали бесследно, а ждали своего часа.

Нарастающее напряжение дразнило Макса. Он злился тому, что не видит этому причины. Но он знал, просветление наступит.

Ему показалось, что корни его беспокойства кроются на уровне тактильных ощущений. Он попытался вспомнить, чего касался в последнее время. Что же смогло заронить беспокойство в его подсознание? В тот же момент в мозгу возникло чувство, возникшее при касании идеально гладкого камня. Он вспомнил тщательно обработанную поверхность скульптуры и в ту же секунду подсознание выдало причину тревоги. Странная шероховатость, казавшаяся чужеродным образованием на отполированной поверхности.

Педантичный скульптор не мог пропустить подобный изъян. Шероховатость была там не случайно. Он помчался к Журову, чтобы убедиться, что не ошибается.

К счастью криминалист был на месте.

— Взгляни сюда,— Макс указал на основание скульптуры.

Криминалист подошел сзади, протер стекла очков мягкой тряпочкой и наклонился.

На постаменте с трудом просматривалось темное пятнышко. Еле заметная отметина на первый взгляд казалась обычным изъяном. Журов отошел к столу и через секунду вернулся с лупой на черной рукоятке с подсветкой в нижней части корпуса.

— Попробуй через нее. Шестикратное увеличение.

Макс включил лампочку и поднес лупу к постаменту. Через линзу он разглядел маленький значок.

— Смотри,— он отодвинулся и дал рассмотреть Журову,— символ бесконечности.

— И что?

— Не знаю. Надо подумать.— Макс помолчал.— Его первое применение приписывается английскому математику Джону Уоллису.

— Эка, ты копнул. Думаешь, это имеет какое-то значение?

— Значение имеет все. Если этот значок здесь есть, его нельзя игнорировать.

— Ну тогда заметь, что этот символ был известен задолго до твоего Уоллиса. Вспомни уроборос — змею, кусающую свой хвост. Это еще более известный прототип значка бесконечности.

Макс в который раз изумился эрудиции Журова.

— Здесь есть еще что-то. Смотри, чуть правее.

Макс взгляделся, но кроме микроскопической выщербленности, кажущейся всего лишь огрехом скульптора, ничего не заметил.

— Ничего не видно,— сказал он,— возможно, обычный скол материала.

— Подожди-ка.— Николай Сергеевич вышел в кладовку и через минуту вернулся, держа в руках что-то, напоминающее большой мобильный телефон.

— Портативная электронная лупа,— с гордостью сказал он,— максимальное увеличение двадцать два с половиной раз. Подвинься.

Он присел у постамента и закопошился с настройками прибора. Макс заметил на корпусе название «SenseView».

— Ну вот, другое дело!— Воскликнул Журов через некоторое время и протянул электронную коробочку Макс, — взгляни, я задержал картинку.

На экране Макс разглядел четкое изображение какого-то знака. Он подошел к столу, нашел блокнот с карандашом и перерисовал увиденное.

— Что скажешь, дядя Коля?— спросил Макс, возвращая прибор криминалисту.

— Не знаю. Эмблема какая—то. Никогда не встречал.

Макс вновь бросил взгляд на экран.

Там застыло изображение кольца, проткнутого копьем.

Макс ехал домой. Он прислушивался к себе, пытаясь понять свои ощущения. После обнаружения значка тревожное ощущение не отпускало. Макс доверял интуиции. Возможно, что его беспокоила шероховатость, оказавшаяся эмблемой. Но источником беспокойства могло быть и нечто иное. Когда он подошел к двери квартиры появилась уверенность. Он был убежден, что упустил что-то еще.

* * *

Телефонный звонок, разорвавший тишину ранним утром, застал Макса врасплох.

Он проснулся рано, еще до восхода солнца. Не зажигая свет, взглянул на часы. Стрелки, покрытые фосфоресцентным материалом сообщили, что до пяти оставалось четверть часа.

Макс подошел к окну, завернувшись в плед. Было прохладно. Постоял, глядя в темноту, разбавленную пятнами уличных фонарей.

Он почистил зубы, побрился. Пять секунд изучал качество проделанной работы. Затем задержался глазами на полке с гигиеническими принадлежностями. Зубная паста, щетка, крем для бритья, крем после бритья. В стороне, ближе к душевой кабинке, бутылочка с шампунем. Ничего лишнего. Но если взглянуть на это с другой стороны, отсутствие женской руки и никакого уюта. Макс не задержался на этой мысли. Она промелькнула в голове констатацией факта. Как пятно на скатерти во время званного ужина, где ты гость. Есть и черт с ним.

Он сидел в тишине кухни и думал. Ему не удавалось припомнить ничего похожего ни из своей практики, ни из дел, описанных в учебниках. Более ужасное состояние начала расследования трудно было представить. У них не было ни улик, ни мотива, ни зацепок, ни даже жертв. У них не было ничего. Он так глубоко погрузился в размышления, что внезапный грохот телефона заставил его вздрогнуть. Перед тем, как поднять трубку, Макс Кон снова бросил взгляд на часы. Половина шестого утра.

Звонил Лесин.

— У нас новая неизвестная скульптура,— сказал он,— собирайся.

Макс вновь подошел к окну. Оно выходило на восток. Поднимающееся где-то там, за домами, солнце окрасило небо. Он поднял глаза. Слабый ветерок. Редкие облачка медленно скользили по небу, не меняя очертания.

Худшее начало расследования. Худшее начало дня. Худшее начало недели.

Через двадцать минут он сидел в джипе полковника. «Гранд Чероки» выскочил из Заячьего переулочка, повернул налево, на Суворовский проспект и двинулся по направлению к Невскому.

— Что случилось?— спросил Макс. Он не надеялся услышать ничего хорошего.

— Позвонил дежурный подполковник из ГУВД. Старый знакомый. Не могу сказать, что хороший,— начал Лесин. Ему не удавалось выглядеть беспристрастным. Налицо явные признаки излишнего возбуждения. Прорывающиеся высокие нотки и едва заметное подрагивание голоса.

— Сообщил о новой скульптуре. Никто не знает откуда. И опять потеки крови на постаменте. Его эта ситуация не обеспокоила. Зная, что мое агентство интересуется бесхозными

скульптурами, он быстро спихнул дело мне. Но я ему доходчиво объяснил, чем это пахнет. Поэтому есть шанс, что их опера сейчас тоже тащат свои задницы к некрополю. Думаю, будут на месте раньше нас.

— К некрополю?— переспросил Макс.

— Скульптура на Лазаревском кладбище, возле какой-то могилы.

— На кладбище все возле какой-то могилы.

Лесин глубоко вдохнул.

— По поводу скульптуры ты думаешь то же, что и я?

Макс пожал плечами.

Промелькнувшая мысль вызвала гнетущее состояние. Если статуя связана с первой, значит, это серия. Неужели, им придется ждать новые эпизоды, в надежде, что этот анонимный скульптор когда-нибудь проколется и допустит ошибку?

До Лазаревского кладбища, находившегося рядом с площадью Александра Невского они добрались за пятнадцать минут.

При входе в некрополь Лесин остановился и обменялся несколькими словами с охранником. Тот кивнул и позволил им пройти на территорию. Они молча шли по Петровской дорожке. Лесин двигался уверенно. Он получал указания Маковского через прижатый к уху мобильный. Не предупреждая, Лесин свернул налево, на Мартосовскую. Макс последовал за ним, вглядываясь в окружающие памятники. Он решил для себя, что должен первым высмотреть среди множества надгробий их цель. Его внимание привлекло скопление людей немного правее. Только тогда ему удалось заметить ее.

Бюст стоял между двумя дорожками, Мартосовской и Мастеров искусств, рядом со скромной могилой за железной оградой. Подойдя ближе, Макс прочитал имя покойного на белой мраморной вставке. Джакомо Кваренги.

Их изваяние, словно бедный родственник, было почти прижато к ограде могилы знаменитого итальянского архитектора и словно просилось внутрь.

Кроме Маковского и Журова, в стороне стояли двое мужчин с бесцветными лицами в строгих костюмах. Лесин сразу направился к ним. Макс определил в них работников силовых структур. Наверняка, оперативники из ГУВД. Полковник оказался прав, они прибыли раньше. Вероятно, Лесин не стеснялся в выражениях, объясняя дежурному подполковнику, чем пахнет ситуация.

Эта пара походила на гротескных героев рисованных фильмов. Высокий худой и низкий толстый. Они не вызвали у него интереса и он подошел к криминалисту.

— Привет, Максим,— сказал тот, не отрываясь от работы. Макс ответил. С Маковским они обменялись прохладными кивками.

— Думаю наша,— сказал Журов, имея в виду скульптуру.

Макс втянул свежий утренний воздух и подошел ближе. Белая гладкая поверхность, местами стершиеся потеки крови, тщательно проработанные детали. Похоже, Журов прав.

— Уверен?— все-таки спросил он.

— С большой долей вероятности,— сказал криминалист. Макс кивнул. Журов, как и многие его коллеги, никогда не делал окончательных выводов при первоначальном осмотре. Даже при стопроцентной уверенности.

— На первый взгляд есть сходство. Окончательные выводы будем делать после тщательного осмотра и анализов,— заявил он, словно, в подтверждение мысли Макса.

К ним подошел Лесин и оглянулся на недавних собеседников. Мужчины неспешно шли по направлению к выходу. Макс перехватил взгляд полковника. Он смотрел им вслед, с трудом сдерживая неприязнь.

Маковский в стороне беседовал с сутулым маленьким старичком в выцветшей клечатой рубашке.

— Это сторож,— объяснил Журов.

— Что-нибудь нашли?— спросил Макс.

— Пока нет,— ответил полковник.

— Кстати, на этой нет ни одного отпечатка. Очень тщательно ее почистили. Педантично поработали. Я прошелся сантиметр за сантиметром, ни ворсинки, ни пылинки,— добавил Журов.

— Известно, когда привезли статую?

— Да. И довольно точно,— подходя к ним, сказал Маковский.— Через сторожа ее пронесли в начале девятого. Это он заметил кровь и позвонил в ГУВД. А теперь и журналисты как-то пронюхали.

Виктор кивнул в направление выхода.

Оглянувшись, Макс заметил девушку, стоявшую чуть в стороне и внимательно изучающую статую. Рыжие волосы ярким пятном выделялись на фоне зелени. Макс узнал в ней журналистку, из репортажа о первой скульптуре в Летнем саду.

— Зачем она здесь?— спросил Макс.

Ему никто не ответил.

Макс направился к ней, по дороге пытаясь вспомнить ее имя. Девушка была одна, без оператора. На ее лице блуждала загадочная улыбка.

— Здравствуйте,— сказал Макс. Он так и не выудил из памяти ее имя и решил схитрить.— вы меня помните? Я Макс Кон. Работаю в детективном агентстве.

— Я вас помню, Макс Кон,— ответила девушка. Повисло молчание. Его хитрость не сработала. Журналистка не торопилась прийти ему на помощь. Она разглядывала Макса. Улыбка не сходила с ее лица.

— Ладно, не мучайтесь, меня зовут Аня,— наконец, произнесла она.— то, что я журналистка, надеюсь, помните?

— Помню,— сказал Макс и улыбнулся, глядя в ее глаза с хитринкой.— Как вы здесь оказались, Аня?

— Ваш начальник позвал,— она кивнула в сторону Лесина.— услуга за услугу. Он мне эксклюзивный репортаж, а я ему свои впечатления в качестве свидетеля. Или показания? Так это у вас называется?

— Услуги неравноценны,— заметил Макс.

— Ему так не кажется.

— И какие впечатления?

Она оглянулась на статую, автоматически пощелкивая ногтем по титановому колечку на правой ноздре.

— Любите пирсинг?

— Африканцы считают, что пирсинг носа приносит удачу и привлекает помощь высших сил.

— В свои не верите?

— Верю, но помощь свыше не помешает.

— Где-то читал, что люди с пирсингом в носу очень активны в жизни, добиваются желаемого, но не имеют настоящих друзей. Кстати, этот вид пирсинга возник более 4000 лет назад.

— Увлекаетесь пирсингом.

— Нет. Историей.

— История — это хорошо. А пирсинг... многие, особенно из старшего поколения, считают, что молодежь себя им уродует. Все меняется. Одно и то же в одно время считается украшением, в другое уродством. А историю я тоже люблю. Она все расставляет по местам.

Макс внимательно посмотрел на девушку, кивнул и указал на скульптуру.

— Ничего не бросается в глаза? Что-нибудь похожее на то, что было в первый раз?

Анна помялась.

— Что-то не так?— спросил Макс.

— Там я была одной из первых, здесь нет. Не те ассоциации. Трудно сопоставить.

В этот момент его позвал Лесин.

— Я скоро вернусь,— сказал он.

Аня кивнула.

Рядом с полковником стоял Маковский.

— Сторож сообщил, что статую привез какой-то мужичок, катил на тачке,— сообщил он.

— На вопрос, кто распорядился, ответил, что по просьбе человека, представившегося главным хранителем.

— Как выглядел этот хранитель?

— Сторож не спросил.

Макс переглянулся с полковником.

— А он видел, на чем этот доставщик приехал?

Виктор покачал головой.

— Нет, он заметил его, когда тот уже провез тачку через ворота.

— Отправляйся в музей скульптуры, найди этого хранителя,— распорядился Лесин,— что-то мне подсказывает, что он никого ни о чем таком не просил.

Маковский проворно направился к выходу выполнять приказ начальника.

— Зачем ты позвал журналистку?— спросил Макс Лесина.

— Я не звал,— ответил тот,— с чего ты решил?

Макс ничего не ответил. Он украдкой взглянул на Аню, после чего попросил полковника поручить кому-то из ребят собрать сведения об этой журналистке.

— Зачем?— спросил тот.

— На всякий случай.

— Вы мне соврали,— сказал он, вернувшись к ней,— вас никто сюда не звал.

— Да не звал,— легко согласилась она.— Вообще-то, я здесь случайно. Готовлю репортаж о графе Мордвинове.

Макс вопросительно посмотрел на нее.

— Художник-любитель, сын адмирала, одноклассник Пушкина. Писал морские пейзажи. Собираю материал. Приехала взглянуть на его могилу.

Макс не отрывал от нее взгляд.

— Если не ошибаюсь, могилы Мордвиновых у Ломоносовской дорожки,— он повернул голову, указывая в нужном направлении,— Это даже не близко. Что вы делаете здесь?

— О! А вы, оказывается, знаете о графе Александре Николаевиче?— журналистка не скрывала удивления.

— И о нем, и об его отце Николае Семеновиче, адмирале, и о других членах семьи, захороненных здесь. И все-таки, что вы здесь делаете?

— Тут скульптура, а я делаю репортажи об искусстве,— не смутилась Аня.

— Здесь больше подходит репортер криминальной хроники.— заметил Макс.

— Правда?— она сделала удивленное лицо,— почему вы так думаете?

Или она мастерски притворяется, или ничего не знает.

— Кровь на статуях,— сказал он,— простор для журналистской фантазии.

— Так это кровь?

— А на что это похоже?

— Не представляю. Вполне может быть, что шутники краской побрызгали для зловещести.

Глядя в ее лицо, Макс не мог понять, шутит она или говорит серьезно. Он вообще не понимал ее. Ей около двадцати пяти. Она была на пятнадцать лет моложе его. Достаточно

большая разница в возрасте, чтобы они могли считаться принадлежащими к разным поколениям. А это объясняло разный сленг, разное видение мира, разные шутки. Макс не был снобом и ему нравились не только ровесницы. Эта молодая журналистка была ему интересна. Он протянул ей свою визитку.

— Если узнаете или вспомните что-то, связанное с бесхозными статуями, позвоните.

— Позвоню, — сказала она, странно улынувшись. Затем развернулась и медленно пошла к выходу.

* * *

Через час Макс остался на кладбище в одиночестве. Он стоял рядом со статуей, всматриваясь в четкие линии постамента, в идеально правильные черты лица. прикоснувшись к гладкой поверхности скульптуры, он постарался представить себя на месте художника. Понять его мысли и чувства. Он смотрел на бюст, как раньше на него смотрел художник. Абстрагировавшись от окружающей суеты Макс пытался проникнуть в его мысли.

Холодный материал статуи не позволил проникнуть глубоко. Он чувствовал лишь удовлетворение скульптора полученным результатом. И все.

Кроме этого у Макса ничего не получалось. Он словно наткнулся на невидимую стену.

Он попытался отвлечься. Почему здесь? Лазаревское кладбище? Рядом с могилой Кваренги? Он отошел в сторону и, держась за ограду чьей-то могилы, попытался вспомнить, что ему было известно о великом зодчем.

Знаменитый российский архитектор и скульптор итальянского происхождения. Какое-то время его фамилию произносили с буквы «г». Гваренги. Нужно проверить, почему. Макс был уверен, что места для своих произведений неизвестный скульптор выбирает не случайно. В ответе на этот вопрос могла заключаться подсказка. На что? Этого Макс не знал. Может быть, поняв систему выбора мест, можно будет предугадать следующее. А будет ли еще одна скульптура?

Макс вышел с территории кладбища к площади Александра Невского. Ему нужно было походить и подумать. Хотя думалось ему лучше в прохладной тишине кабинета, изредка ему нравилось размышлять на ходу. Он огляделся, выбирая маршрут. Музей городской скульптуры, памятник Александру Невскому, чуть дальше отель Москва. Макс повернул налево. Он пересек Лаврский проезд и, дойдя до Чернорецкого переулка, перешел через Невский. Он шел неспеша по большому кругу с центром у памятника русскому князю-полководцу. Через каждые пятьдесят шагов останавливался и некоторое время смотрел в сторону Некрополя. На каком-то отрезке пути его голову захватила мысль, показавшаяся интересной и некоторое время он шел, не видя ничего вокруг. Вскоре Макс обнаружил себя перед памятником. Он опустился на гранитные ступени и замер. Медленно двигались лишь его зрачки, словно сканируя пространство между зданием музея и входом в Некрополь. Найдя, то что хотел, он потянулся к телефону. Лесин ответил через два гудка.

— На втором бюсте Журов не обнаружил ни одного отпечатка, — сказал Макс.

— Да. И что?

— Значит, скульптор не хотел, чтобы мы нашли курьера.

— И...?

— Возможно, потому что на этот раз доставивший статую мог его знать, — подвел итог Макс. — Нам нужно найти курьера.

— Каким образом?

— Есть мысль, правда придется повозиться.

Лесин молча ждал продолжения.

— На одном из четырех светофоров около площади есть камера видеонаблюдения.

— Да, я знаю. На том, что ближе к мосту Александра Невского.

Эти слова полковника удивили Макса.

— Ты знаешь все камеры в Питере?— поинтересовался он.

— Я пользовался записями с нее в другом деле,— ответил Лесин,— но, если я не ошибаюсь, она смотрит в сторону моста, а это не наше направление.

— Да, но она снимает транспорт едущий в нужном направлении. Нам известно точное время доставки статуи, значит нужно найти машины, двигавшиеся с моста к площади в это время. Кто-то из водителей мог видеть момент доставки и выгрузки. Ты же знаешь, где хранятся данные с этой камеры?

— Камера принадлежит ГИБДД. Работы здесь немало, но мысль интересная.

Полковник повесил трубку.

* * *

Вспомнив свой разговор со Стуком, Макс решил заехать еще в одно место. Студия находилась на улице Разъезжей, недалеко от Пяти углов в мансардном этаже пятиэтажного дома. В парадной пахло так, словно слободские извозчики, в честь которых была названа улица, держали здесь своих лошадей.

Дверь открыл мужчина лет сорока пяти в зеленом фартуке перепачканном гипсом. Его короткие темные волосы, смазанные железом, колючками торчали в разные стороны.

— Свечин Михаил Сергеевич?

Мужчина недовольно кивнул. Вероятно, его оторвали от работы.

Макс представился.

— Я приехал, чтобы поговорить с вами. Мы можем пройти?

— Я работаю.

— Это не займет много времени.

Свечин пожал плечами и нехотя отошел в сторону, пропуская Макса.

Они оказались в светлой комнате с огромными арочными окнами. В одном из углов стояла бронзовая статуя рыцаря в человеческий рост. Рядом с ней, вполоборота к вошедшим, в кресле сидел крупный мужчина лет сорока с бритой головой. Он склонился над столиком и что-то внимательно изучал в открытом перед ним журнале. Он не обратил внимания на вошедших, ни на секунду не оторвавшись от своего занятия. Максу это поведение показалось странным. Дистанционные органы чувств среднестатистического человека инстинктивно фиксируют изменения в окружающем пространстве. Люди любопытны по своей природе. В поведении присутствующего в комнате здоровяка не было заметно ни малейшей реакции на появление в квартире нового человека. Макс решил, что гость Свечина его нарочито игнорирует.

Хозяин указал Максу на стулья, задвинутые под огромную мраморную столешницу, третья часть которой была уставлена мелкими фигурками. Солдатики разных стран и времен, миниатюрные всадники и крошечная военная техника.

Макс рассмотрел солдатиков. С саблями, мушкетами, в знакомых мундирах и головных уборов. Лишь у одного на голове было сооружение, напоминающее коробку, в которую заворачивают тайландскую еду. Все детали были тщательно проработаны. Вплоть до эполет, кисточек и даже пуговиц. Макс показалось, что на пуговицах есть рисунок. Если так, то рассмотреть его можно было только через увеличительное стекло.

Он выдвинул стул и опустился на него. Свечин присел рядом.

Макс выложил перед ним фотографии скульптур.

Скульптор наклонился, чтобы их рассмотреть. Макс наблюдал за его лицом. Он не заметил ничего, кроме удивления.

— Вы автор?

— Нет.

— Знаете, кто?

Свечин взял фотографию скульптуры из Летнего сада, повертел в руках и положил на место. Затем поднес к глазам фото бюста с Лазаревского кладбища. Этот снимок он рассматривал дольше и внимательнее.

— Талантливая работа. Стилль похож на мой. Специалист, увидя это, мог бы указать на меня,— он с вызовом посмотрел на Макса,— но, это не я и с этим автором не знаком. Что это за скульптуры?

— Они являются уликами в преступлениях.

— И что вы от меня хотите?

— Когда совершается преступление, обычно ищут того, кто это сделал. Составляют список подозреваемых. Я доходчиво объясняю?

— Я в списке?

— Да. И не на последнем месте.

— Можете смело вычеркивать меня из вашего списка.

— Почему?

— Я уже давно не ваяю крупную форму. Лет шесть занимаюсь только миниатюрой. Доход побольше и нет проблем со сбытом. Мои фигурки у коллекционеров нарасхват. Ко мне в очередь записываются.

— И каким материалом вы пользуетесь?

— В основном мэджик—скульпт, иногда зеленка. Это вам о чем-то говорит?

— Говорит. По этой причине я не буду торопиться вычеркивать вас из списка. Гринстаф или, как вы говорите, зеленка, обнаружена в этих скульптурах. Не подскажите, кто еще ее использует?

— В миниатюре каждый третий. В таких работах,— Микеле кивнул на фотографии,— не знаю.

— Почему коллеги называют вас Микеле? Откуда это прозвище?— спросил Макс.

— Это не прозвище. Я учился в Италии. Академия изящных искусств во Флоренции. Меня зовут Михаил. Итальянцы называли Микеле. Им так было удобнее. Я находился на их территории.

* * *

Гент, около 1267 года

Профессию Яан Мартен унаследовал от отца. С самого детства он расписывал стены в часовнях и домах богатых горожан. Он помогал отцу в трудиться над стенами самой большой церкви Святого Николая, во время восстановительных работ после уничтожившего ее пожара. Уже позже, когда умер отец, он расписал оружейную комнату замка Гравенстен, а затем, по приглашению графини Маргарет, которой понравилась его работа, он рисовал на каменных стенах церкви покровительницы города святой Фараильды. Ходили слухи, что графиня была настолько поражена изменением внутреннего убранства церкви, что заплатила художнику двойную цену, против уговоренной заранее. Как бы там ни было этот факт заставил горожан заговорить о мастере и сделало ему имя.

Он купил каменный дом у разорившегося мельника и переехал в район Патерсхол.*

**«Монашья дыра» в буквальном переводе — «нора священников». Богатеющий квартал вблизи графского замка.*

* * *

Яан Мартен взял мальчика когда ему исполнилось 9 лет. Выглядел он, как шестилетний. Художник в который раз взглянул на жилистого паренька, в грубой пеньковой рубаше, подпоясанной потертым шнурком, и задумался не в состоянии прийти в согласие с самим собой. Семья мальчика жила по-соседству и Яан был хорошо знаком с его отцом. Правильно ли он сделал, взяв в ученики сына Клауса Брейля на таких странных условиях. Мальчишка должен был жить при мастерской, питаться и учиться. И за все это его отец не будет платить ни гульдена. Клаус Брейль хоть и состоял в престижной гильдии мясников, но после тяжелого лета, когда случился массовый падеж скота, он лишился почти всего поголовья и ему нечем было даже кормить пятерых отпрысков и больную жену. Правда было оговорено, что младший Брейль должен выполнять при мастерской разные работы до и после занятий, однако, много ли можно ожидать от этого дохляка.

Кроме росписи стен, Яан Мартен много работал дома. Он писал картины на дереве. Лики святых и библейские сюжеты.

* * *

Маленький Яакоб не мог понять, что происходит внутри него. Он скучал по дому, по братьям и сестрам. Впервые, с тех пор, как он помнил себя, ему приходилось спать в чужом месте. Он не знал, как вести себя, чтобы не вызвать гнев хозяина. Но, больше этого он боялся старших учеников художника. Их было двое. Марк и Петер. Они не отличались дружелюбностью и вели себя так, словно хозяин взял Яакоба в дом с единственной целью — прислуживать им обоим.

Девятилетний Яакоб вздрагивал от каждого их окрика.

— Принеси мешок извести из кладовой!

— Это не тот, отнеси и найди нужный!

— Беги за водой!

— Кувшина мало, неси ведро!

— Поторапливайся, краска сохнет!

Он выполнял их поручения бегом, а они все равно кричали, что он двигается, как еще не сдохшая поздней осенью муха. Зачастую, крики сопровождались у них тычками и подзатыльниками.

Младший из них, Петер, был выше Яакоба на целую голову. Фактически его хозяевами большую часть дня являлись эти двое, а не мастер Мартен.

Яакоб не спорил с ними и старался двигаться еще быстрее. Даже дурацкие детские слезы, выступавшие в кладовой, где его никто не видел, он смахивал с лица на ходу.

Только вечерами, после самых тяжелых дней, когда эти двое отправлялись спать, он тихо выскальзывал из дома. Зная, что его накажут, если отсутствие обнаружится, Якоб спускался к берегу Лее, садился, облокотившись на деревянный столбик, почти полностью скрывавший его от редких прохожих, свешивал ноги вниз и плакал.

Сквозь слезы видел искрящуюся в свете луны рябь на воде. Завороженно смотрел на бегущую воду, омывающую выступающие из реки дома. Слезы высыхали на его лице. Он забывал обиды. Он наслаждался красотой окружающего мира. Линии, сочетание красок, сливающиеся в прекрасные картины, сотворенные природой, были тем единственным, что вносило умиротворение в его душу и приводило в порядок мысли. С каждым днем его все больше влекло ремесло хозяина. Это было, как колдовство. Несколькоими движениями вдохнуть душу в безжизненную поверхность. Позволить другим видеть то, что рождалось только в твоём воображении или то, что тебе удалось подсмотреть, сидя у реки. Как все они могли проходить мимо, не замечая такой красоты. Две птицы, опустившиеся на карниз. И перья их хвостов вдруг превратились на фоне стены в удивленные глаза.

А когда во время выступления заезжих гистерionoнов у церкви святого Якова выпал редкий снег. Всего лишь на какой-то час, перед тем, как растаять, он создал пышную шапку у основания деревянного шпилья над колокольной и причудливые белые фигурки на кустиках у дома весовщика. Вначале такие легкие и пушистые, они вскоре превратились в жесткие, бездушные, но чудесная картинка надолго запечатлилась в голове Якоба.

Он мог часами наблюдать за причудливо изогнутыми ветками, превратившимися его воображением в иссохшие старушечьи пальцы. Мог рассматривать постепенно вытягивающиеся к концу дня тени, образующие таинственные линии, контуры, силуэты, изменяющиеся по мере приближения солнца к крышам и растворяющиеся в сумерках. Игры со сверстниками не влекли его. Вскоре мальчишки перестали приглашать этого странного подростка для участия в своих забавах. Куда интересней и увлекательней для него было отойти подальше от дома, уединиться вечером на берегу Шельды и наблюдать за тенями.

Он испытывал необъяснимую тягу к красоте и совершенству. В своём воображении он даже пытался исправить подмеченные недостатки природы. Поломанную ветвь превращал в молодой побег, иссушенный за лето ручей наполнял водой, а изъеденный тлей лист представлял молоденьким, клейким, только что выбравшимся из почки.

* * *

Через три месяца Яан Мартен позволял мальчику самостоятельно готовить краски. Через полгода мастер начал брать его с собой. Якоб быстро усваивал сложную науку фресковой живописи. Он помогал Петеру и Марку готовить из гашенной извести и кварцевого песка штукатурный грунт. Чтобы штукатурка не растрескивалась они добавляли солому и пеньку. Затем старшие ученики под руководством мастера накладывали грунт в два слоя. В присутствии хозяина они не позволяли себе обычные издевки и занятые работой вели себя сдержанно по отношению к маленькому Брейлю. У них не было на это ни сил, ни времени. С сырой штукатуркой нужно было работать быстро. За мельчайшую оплошность можно было схлопотать от мастера. Художник Мартен безжалостно наказывал за нерасторопность и еще того хуже за оплошность и ошибку.

Тем временем Якоб готовил краски для последующей работы. Он умело отделял растительные от земляных пигментов. Земляные он подносил ближе. Охрой и умброй работали по свежей штукатурке. Растительные раскладывал подальше. Их наносят на просохшую. Рядом с растительными должен быть клей. С ним нужно размешать краски перед нанесением. Без него они не будут держаться. В отличие от фресок, роспись по сухой штукатурке мастер Мартен называл потешным словом “секко”. Смешно было потому, что так мастер называл собачонку, прибившуюся к кухне в начале осени.

Через год у Яана осталось только двое учеников. Марк не пережил зиму. Промучавшись целый месяц, он умер от страшной горячечной болезни. После смерти Марка Петер притих и уже не досаждал Яакобу.

Трудиться приходилось намного больше. Хозяин не брал новых учеников. Мальчик уже принимал участие в подготовке грунта и даже в росписи. Мастер Мартен позволял ему заниматься фоном. Легче было когда мастер Мартен работал дома. При каждом удобном случае Яакоб, как замороженный подсматривал за уверенными движениями его рук над сосновой доской. Со временем пришло понимание действий мастера. Тот приготавливал вязкую белую смесь, в которую входили мел с клеем. Этим составом грунтовал дерево. Поверх наносил тонким слоем приготовленный заранее яичный белок. После этого начиналось самое интересное. Художник графьей вдавливал беспорядочные линии. Но, таковыми они казались лишь вначале. Из скопления этих несвязанных штрихов начинали рождаться силуэты, фигуры, лики. Затем была очередь фона из серебрянной фольги, покрытой желтым лаком. После этого приходила очередь красок. Мастер накладывал их обычно в два слоя. Вначале свинцовые белила, потом лессировочные пигменты.

Все эти таинственные названия Яакоб узнал намного позже, а тогда, еще не понимая сути действий художника, он был околдован тем, что после четких мазков на поверхности, как по волшебству, проявлялись образы младенцев и святых.

Однажды Яан Мартен застал маленького Брейля за тем, что он смешивал краски не так, как нужно. Мастер был взбешен. Он заорал на ученика так, что глиняная посуда на столе задрожала. От его оплеухи мальчишка отлетел к стене. Он с трудом удержался на ногах и стоял там, на почтительном расстоянии, уперев глаза в пол и не говоря ни слова. Когда буря утихла, он поднял взгляд на художника и посмел высказаться в свое оправдание.

— Так будет лучше,— прошептал он,— краска получится живее и интереснее.

За упрямство он получил еще один тычок. Но не заплакал, а лишь крепче сжал зубы. Когда он покинул комнату, художник подошел к столу на козлах и внимательно посмотрел, что вышло у маленького наглеца. Вместо того, чтобы вышвырнуть содержимое ступки в канаву и требовать с отца мальчишки гульден за испорченные материалы, он завершил начатое юным Брейлем. После этого, сделав несколько штрихов, он отошел на пару шагов и прищурился, изучая результат. Затем он вернулся к столу и еще раз взгляделся в свежие мазки. На его суровом лице появилось нечто, напоминающее улыбку. Маленький дохляк оказался прав. Краска выглядела намного выразительнее.

С тех пор, как маленький Яакоб впервые переступил порог мастерской художника, прошло три года. Он немного вытянулся, но, оставался таким же тощим. Мастер Мартен без каких-либо опасений уже доверял ему все работы, которые раньше выполнял только он сам. Он часто замирал за спиной Яакоба и наблюдал за его движениями. Они были четкими и стремительными. Никаких сомнений в правильности выбранных решений. Композиция, которую он переносил на штукатурку ли, на доску ли, уже полностью была сложена в его голове и исключала даже малейшую неуверенность. Уже не впервые Яан Мартен признавался себе, что во многих решениях и следующих за ними результатах, юный Брейль превосходил его самого.

Однажды Мартен тихо зашел в мастерскую. Дверь была приоткрыта и своим скрипом не выдавала его появления. Он увидел Яакоба, склонившегося над доской с его Мартена рисунком, законченным накануне. Кровь прилила к голове мастера. Этот недомерок исправлял работу учителя в его отсутствие. Он готов был взорваться и проучить этого нечестивца. С трудом сдержавшись, он начал наблюдать за действиями мальчишки. Несколькими штрихами тот придал изображению жизнь и движение. Мартен вынужден был признать, что до этого в рисунке не было ни того, ни другого. Не обнаруживая себя, он тихо вышел из мастерской.

Яан Мартен думал над увиденным несколько дней. Неоднозначность ситуации угнетала его и он никак не мог выбрать верного решения. Оставив попытки, он решил отвлечься и обра-

тился к книге Плиния из труда об естествознании, давно хранившейся в его доме. Она была посвящена цветам и картинам. Там он прочитал о первопроходцах в искусстве смешивающих новые краски, изобретавших неведанные раньше приемы живописи и скульптуры. Яан задумался об эволюции и дерзании. Искусство не должно стоять на месте. Он отложил книгу. Она помогла ему определиться с решением в отношении ученика.

Но, мастер Мартен сообщил мальчику о своем решении только через полгода. За это время он стал больше времени уделять его обучению. И не только живописи. Он пригласил для занятий с ним бывшего оруженосца старого графа, побывавшего с тем в Святой земле. Тот учил Яакоба грамоте и языкам других народов. Знаниям, которые старый оруженосец привез из крестовых походов.

В тринадцатый день рождения мальчика Яан Мартен позвал его к себе. Их разговор был очень короткий.

— Ты должен продолжать учиться,— сказал художник,— в тебе есть необычайная способность видеть и зарождается умение это передавать. А ты еще в самом начале пути. Тебя должны наставлять мастера.

Он грустно склонил голову.

— Мне больше нечему тебя учить. Ты превзошел меня. Я признаюсь в этом тебе, хотя это гложет мне сердце. Ты должен отправиться во Флоренцию. Я видел работы тамошних мастеров. Только у них ты сможешь продолжить достойное обучение. Тебе нужно сделать этот шаг. Я вижу в этом твое предназначение. Ты будешь великим художником.

* * *

Вечером Макс сидел с Лесиным в его кабинете. Вернее, сидел только Макс. Полковник ходил из угла в угол, стараясь казаться спокойным. Воздух вокруг него, в радиусе полуметра был насыщен электричеством. Макс представил, что он протягивает руку и в то время, как он касается этой напряженной оболочки, в этом месте вспыхивают электрические разряды. Он ждал, пока полковник успокоится, просматривая лежащую перед ним газету. Обсуждение недавних похорон Майкла Джексона. В Японии выбрали нового премьер-министра. В Израиле проходят парламентские выборы. В этом событии он мог бы поучаствовать. Макс поджал губы. Он не голосовал на прошлых выборах и не собирался делать этого на нынешних. Политика — самое дерьмовое изобретение человечества. Он отбросил газету и взглянул на мечущегося Лесина. Интенсивность движений полковника заметно снизилась и он остановился у стола.

Макс решил воспользоваться этим моментом.

— Как сказал Олег Ильич, Свечин сейчас занимается только миниатюрой,— сказал он.

— Мы можем с уверенностью сказать, что он этого не делал?— спросил Лесин и сам же ответил,— не можем. Что могло ему помешать вернуться к старым работам?

— У него хороший доход от его солдатиков, а истинный мотив скульптора нам неизвестен. Зачем это Свечину?

— От ностальгии по прошлому, например.— сказал Лесин.— Ладно, подержим этого Микеле в поле зрения. Продолжай его проверять.

— Как, черт возьми, его проверять?— Макс с шумом опустил руку на стол,— если у нас убийства, то мы не знаем времени их совершения. Мы даже не можем выяснить, есть ли у него алиби.

— Пока не можем,— Лесин сделал ударение на слово «пока».

Он остановился у окна, рассеянно глядя на улицу и барабанил пальцами по стеклу.

— А те клоуны из ГУВД, толстый и тонкий, на кладбище? Кто их туда позвал?— спросил Макс.

— Я,— сказал Лесин.— Думал, им хватит ума заняться этим.

— Нет тела — нет дела?— усмехнулся Макс.

Лесин взмахнул рукой.

— Говорят, что у них нет оснований и времени заниматься виртуальными делами.

— Значит, от них помощи не ждать?

— Помощи? Сейчас все опера там в очередь выстраиваются, чтобы нам помочь!— Полковник на мгновение дал волю эмоциям и сразу понизил тон,— хорошо, что обещали не мешать.

— Ты им объяснил, что это второй случай?

— Объяснил.

— Они понимают, что это может быть серия?

— Они этого понимать не хотят. Все, закончили,— отрезал Лесин,— тебе придется вбить себе в голову, что если мы хотим понять, что происходит, нам придется делать это самим. Но, поверь, есть кое-что похуже.

— Что?

— Мы можем облажаться.

— Тебя это тревожит?

— Нет, меня тревожит другое. Наши промахи очень радуют Литейный. Ну, а если мы получим результаты, я тебе обещаю, они слетятся, как голодные стервятники на падаль.

— Очень хорошие отношения. Просто до слез.

— Такие отношения между силовыми структурами в любых странах. И не надо меня переубеждать.

Лесин подошел к своему месту и опустился в кресло.

— Ладно, оставим политику. Давай займемся делом.

Макс пожал плечами.

— А может этот курьер и есть скульптор?

— Чтобы это выяснить, нужно его найти,— заключил полковник.

* * *

В кармане Макса задрожал телефон. Он вынул его и посмотрел на экран. Там светился незнакомый номер.

— Слушаю.

— Здравствуйте Максим Юрьевич,— он не узнал женский голос в трубке. По имени-отчеству его могли называть коллеги или студенты. Голос по его мнению не принадлежал ни тем, ни другим.— Вы уже ужинали сегодня? Жду вас в пироговой на

1-й линии. Там ее все знают.

Он так и не узнал звонившую. Она не ждала ответов и диктовала условия. Любопытный персонаж. Кто это мог быть?

1-ая линия Васильевского острова находилась в десяти минутах езды. Кроме того, с самого утра во рту у Макса не было ни крошки.

«Классные причины», — усмехнулся он перед тем, как выйти из офиса. Основной движущей силой, сорвавшей его с места было любопытство. Зачем врать самому себе?

Он нашел ее в пироговой с каким-то немецким названием. Как он мог не догадаться?

Журналистка была в розовой косынке, повязанной на голове, как бандана со странным узором на лбу в виде черепа и костей. Рисунок был белого цвета, поэтому в нем отсутствовал даже намек на зловещесть.

Официантка принесла их ужин. Аня заказала кулебяку с мясом и пирог с кроликом и грибами. Того, что поставили на стол, хватило бы на четверых.

— Десерт закажем позже,— сообщила журналистка. Она оторвала кусок кулебяки руками и отправила его в рот. Похоже она действительно была голодна.

Она заказала им заранее, ни на секунду не усомнившись в том, что он приедет.

— Давно работаете на телевидении?— спросил Макс.

Аня, жуя кулебяку, молча кивнула.

— И все же сколько?

Она подняла ладонь, проглотила и сделала глубокий вдох.

— Разговоры позже. Давайте помолчим.— И взялась за второй кусок.

Макс почувствовал, что тоже был чертовски голоден. Она права. Эти пироги надо есть горячими. Улыбнувшись, он последовал ее примеру. Кулебяка оказалась хороша. Пирог с кроликом и грибами не хуже.

Через некоторое время их губы, подбородки и щеки блестели. Было так вкусно, что они не хотели терять время на пользование салфетками.

Макс изредка посматривал на девушку. Иногда она перехватывала его взгляд, при этом каждый раз улыбаясь. Стройная, даже худощавая. Ее челюсти работали, как кухонный чоппер. Тем не менее, ни грамма лишнего веса. Очевидно, хороший обмен веществ и тренажерный зал. Вскоре с ужином на четверых было покончено. Аня откинулась на спинку стула.

— Уже четыре года,— сказала она.

Максу понадобилось пару мгновений, чтобы сообразить, что она ответила на его вопрос о сроке работы на телевидении.

Он улыбнулся. Для нее это давно.

— Вы выяснили, откуда взялись эти статуи?— спросила она.

Вот оно что. Чего вдруг она этим интересуется? С какой-то целью? Праздное любопытство? Или, чтобы поддержать разговор?

— Зачем это вам?— спросил Макс.

— Профессиональное любопытство.

Официантка бесшумно приблизилась к столу и забрала пустые тарелки.

— Даже двойное профессиональное любопытство. Я журналистка и искусствовед. Закончила РХГА,— она усмехнулась,— поступала в институт, а сейчас это уже академия.

— Ясно,— Макс покачал головой,— пока никаких сдвигов.

— Кстати, эти скульптуры сделаны талантливо,— продолжала она,— автор явно одаренный. Интересно, кто он и зачем это делает? Какой-нибудь стеснительный скульптор, решивший украсить родной город?

Макса не удовлетворило объяснение девушки. Ему казалось, что она интересуется скульптурами не случайно.

— Может быть так и есть.

— А зачем тогда кровь?

— Возможно, чтобы привлечь к статуям больше внимания?— предположил Макс.

— Не думаю, что здесь все так просто. По моему, кровь имеет символическое значение.

— И какое же?

Журналистка задумалась.

— В религиях многих древних народов кровь считается носителем души. Имеется в виду источником жизни. То есть кровь дает жизненную силу. Кроме того, кровь имеет символическое значение искупления и очищения. Как-то так.

«Толковая девица»,— подумал Макс.

— Сколько всего было статуй?— спросила она.

— Пока две.

— Пока? Вы ждете еще?

— К этому нужно быть готовым.

— Кстати, вы хорошо проверили? Возможно, раньше уже были подобные работы, на которые не обратили внимание.

— Пока об этом ничего не известно.

Девушка отодвинулась от стола в сторону и внимательно осмотрела Макса с головы до ног.

— А вы ничего,— сообщила она, глядя ему прямо в глаза. Она не отводила взгляд, ожидая, какой будет реакция.

Макс усмехнулся.

— В общей сложности вы общались со мной меньше часа. Вы меня не знаете.

— Я делаю выводы на основании того, что успела узнать. Будем заказывать десерт? Здесь классные пироги с вишней.

Она меняла темы внезапно. Возможно, наблюдала за реакцией собеседника на такие скачки и на основании этого делала выводы о нем. Может быть такой психологический прием.

— Спасибо,— ответил он,— мне достаточно. Можете заказать себе.

— Мне тоже хватит. Я бы выпила кофе. Но не здесь. В этом заведении все хорошо, но вот кофе готовить не умеют.

— В таких местах обычно кофе готовит кофемашина.

— Значит, они приобрели хреновую кофемашину.

— И где вы хотите выпить хороший кофе?

— У меня. Я его готовлю хорошо и живу совсем близко.

Максу стоило усилий скрыть удивление. Он не считал себя стариком, но его поражала стремительность современной молодежи.

— Вы уверены, что сейчас нам нужен кофе?— спросил он.

— Необходим.

Они вышли из рестораника и направились в сторону набережной Мойки. Макс не был убежден, что делает все правильно. Он понимал, что чем дальше, тем сложнее будет выпутаться из этой игры. Аня шла на пол шага впереди. Он искоса взглянул на нее. Волнистые рыжие волосы, струящиеся по плечам из-под нелепой банданы. Уверенная походка, резкие взмахи руками. Эта девушка не сомневалась в правильности своих действий. У Макса такой уверенности не было.

Они дошли до Большого Конюшенного моста. Она свернула налево. Они проходили мимо стоянки, где Макс оставил машину. В этот момент у него зазвонил телефон.

— Да,— ответил он. Внимательно выслушав говорящего несколько секунд, он ответил,— еду.

Аня позвонила вечером.

— Вы так поспешно удрали. Чего-то испугались? Я себя неприлично вела?

— Вы вели себя прекрасно. Я должен был уехать.

* * *

Флоренция

Около 1274

Мытарства и страдания, пережитые Якобом на пути к цели заставляли думать, правильно ли он сделал, что решился на это. Его бросало в дрожь, а тело покрывалось холодным потом при каждом воспоминании о том, через что пришлось пройти. Сколько раз его посещала мысль, что следующего испытания ему не выдержать. Сколько раз он молился в ожидании мученической смерти. Сколько раз был убежден, что далекая Италия так и останется в мечтах, даже, если ему посчастливится выжить. Сколько путников разных племен и народов он перевидал, сколько слышал чужих языков и наречий.

Из Гента он вышел с купцами, фламандцами, направляющимися из Пемброкшира. Первая неделя показалась мальчику увлекательной прогулкой. За еду и ночлег он выполнял несложные работы, в основном заключающиеся в погрузке и разгрузке товаров. Они старались не заходить на валлийские территории и забирали немного на запад. Когда один из купцов, на ночлеге взгромоздил на Якоба руку и начал подгребать к себе его охватил ужас. Купец был огромен. Его ручища на тощей груди Якоба не давала возможности вздохнуть. Когда же он наконец вывернулся и втянул в себя воздух, ему пришлось тут же пожалеть об этом. Из рта купца, в этот момент оказавшегося на расстоянии ладони от его носа, исходила такая вонь, словно там сдохли несколько бродячих котов. Мальчик вырвался и убежал. В эту ночь он так и не заснул, просидев у костра и с опаской озираясь по сторонам. Когда, на следующую ночь выяснилось, что тот купец не отказался от своих замыслов, Якоб вынужден был сбежать. В одиночку он добрался до ярмарки в городке Санлис. Двигаться одному было страшно и голодно.

На следующее утро ему удалось прибиться к торговым норманнским людям. Норманны иногда покалачивали его, если им казалось, что его движения слишком медлительны и работы выполняются без должного старания. Но, с подобными неприятностями маленький Якоб мирился, выбрав их, вместо того, чтобы обрести другие, которые вполне могли оказаться куда хуже. С ними он добрался до моря. С тех пор, как он оставил дом, прошло почти две сотни дней и ночей.

Норманны взяли его на свой корабль, направляющийся в Сицилийское графство. Там до сих пор жили родичи хозяина корабля, осевшие в тех местах после норманнского завоевания юга Италии. Они дважды попали в шторм в Тирренском море.

Якобу казалось, что так должна выглядеть дорога к дверям ада. Порывы ветра, сбивающие с ног, выплескивали сверху такое количество воды, словно река Лее по воздуху переместилась в поисках нового места и ее выбор пал на их корабль. Молнии сверкали прямо над ними. Грохот, сопровождающий каждую вспышку, заглушал крики мореплавателей. Ухватившись за подвернувшуюся перекладину, он видел, как сопровождающий их одномачтовый мелкосидящий кнорр не выдержал натиска очередной огромной волны. Завалившись на бок, он уходил под воду. Люди с открытыми ртами, он не слышал их крики, и охваченными страхом лицами, держались за скамьи и мачты. Некоторых ему удалось разглядеть в бушующей пучине. Но, это длилось несколько мгновений, до того, как их не накрыла очередная волна.

Все предыдущие трудности, пережитые Якобом, казались ему сейчас мелкими неприятностями на прогулке. Добравшись до берега не только Якоб не мог сдержать слез. Он заметил, что глаза были влажны и у рослых бородатых мужчин.

Путь до Флоренции был еще долг. Якоб несколько раз сбивался со счета. Ночь меняла день около шестидесяти раз. Наступил месяц жатвы. Якоб впитывал неизведанные впечатления, запоминал новые краски. На ярмарке в герцогстве Апулия он видел гроздь винограда и розы, привезенные из Амальфи. Торговали яблоками, фигами, миндалем, сливами, оливками. Почти все из этих диковинных плодов Якоб видел впервые.

Они шли через поля, на которых выращивали рожь, пшеницу, сорго, ячмень, овес. Обо всем неизвестном, а такое попадалось на каждом шагу, он выпрашивал у своих спутников.

К вечеру четвертого дня, после того, как их отряд покинул Папскую область, перед ними показались оборонительные сооружения большого города. Конюший при их обозе, мальчишка чуть старше Якоба, склонился к нему.

— Флоренция,— прошептал он прямо в ухо.

Город поразил Якоба. До сих пор он не видел ничего подобного.

На второй день пребывания, после ночи в повозке с тюками шерсти, Якоб шел вдоль городской стены. Он не обращал внимания на встречных, морщивших носы, едва приблизившись к нему. Проведя много дней в повозке, он перестал воспринимать вонь шерсти. Некоторые воротили головы, гадливо кривясь, глядя на лохмотья, в которые он был одет. Его принимали за нищего бродяжку. Якоб не замечал их сморщенных носов и искривленных лиц. Он любовался городом, яркой голубизной неба и радовался слепящему солнцу.

Якоб приблизился к сторожевому сооружению с воротами и круглой башней, возвышающейся в одном углу. За внутренними воротами он заметил такие же точно наружные. На траве возле башни он увидел мальчика, сидящего у большого камня. Рядом с ним вертелся пес бело-коричневой расцветки.

— Как называются эти ворота?— Спросил Якоб. Мальчик на миг оторвал взгляд от камня и взглянул на незнакомца.

— Ворота святой Марии,— сказал он и, не найдя в нем ничего интересного, вернулся к своему занятию.

Якоб рассмотрел, что делает мальчик. Он рисовал на камне.

Пытался куском заточенного угля нарисовать собаку, вертевшуюся рядом, на шершавом куске мрамора. Мальчик был младше его, но его рука оказалась достаточно тверда.

Якоб постоял возле него, вглядываясь в проявляющиеся линии. Несмотря на умение, небывалое для такого раннего возраста, по его мнению, не все в рисунке было безупречно. Мальчик закончил рисунок и отодвинулся, разглядывая результат. Наклонившись к нему, Якоб указал на уголь, лежащий на земле, и попросил разрешения взять его. Мальчик кивнул и отодвинулся. Якоб постоял, переводя взгляд с собаки на ее изображение, затем опустился на колени, взял уголь и добавил к рисунку несколько штрихов. Его вмешательство так изменило рисунок, что мальчишка долго не мог промолвить ни слова. Он молча переводил взгляд с Якоба на мрамор. Затем он вскочил и засуетился.

— Я должен показать это своему учителю!— Воскликнул он и припустился бежать. Но через несколько шагов остановился и вернулся назад.— Не могли бы вы подождать здесь?

Якоб Брейль кивнул. Он никуда не торопился. Еще раз бросив взгляд на рисунок, Якоб отвернулся от него, лег на траву, подложив под голову тощий кожаный мешок и лег, разглядывая легкие облака. Одно из них было похоже на быка, второе на выстроившихся в ряд овец. Он почувствовал нестерпимый голод. Привстав, он порылся рукой в мешке. Там оставались две сухие ячменные лепешки, корка пшеничного хлеба и несколько глотков сваренной с медом воды в мешочке из тонковыделанной козьей кожи. Якоб сгрыз одну лепешку, сделал пол глотка воды и снова лег. Его глаза закрылись и он провалился в сон.

Проснулся Якоб от голоса мальчика. Тот вернулся и стоял рядом с мужчиной средних лет в плотно прилегающем капюшоне и подпоясанной тунике. На лице его выделялись темные выразительные глаза и редкая острая бородка, торчащая почти горизонтально из-за поджатой нижней губы. Мальчик что-то рассказывал ему, поочередно указывая рукой на лежащего Якоба и на кусок мрамора с рисунком. Мужчина, не отрываясь смотрел на изображение, изредко склоняя голову вправо.

— Кто ты, юноша?— спросил он, заметив, что за ним наблюдают.

Якоб назвал себя.

— У тебя имя человека не из наших мест и ты произносишь слова со странным выговором,— заметил мужчина,— откуда ты и как оказался в нашем городе?

Якоб рассказал о себе и о своей мечте учиться искусству рисунка у флорентийских мастеров. В конце он упомянул о том, как нелегка была его дорога.

— Ты проделал большой путь.— кивнул мужчина. Он немного помолчал и кивнул на рисунок,— у тебя хороший глаз и я вижу в тебе подходящие задатки. Я готов взять тебя в обучение. Согласен ли ты?

Не совсем ясно понимая, что происходит и даже не поинтересовавшись, кто стоит перед ним, Якоб кивнул.

— Покажи ему дорогу в дом, Джотто,— обратился мужчина к мальчику, все это время молча стоявшему рядом,— я вернусь позже.

— Кто это?— спросил Якоб, когда мужчина скрылся за поворотом городской стены.

— Маэстро Ченни ди Пепо, мой учитель,— ответил тот с гордостью в голосе,— все называют его Чимабуэ.

* * *

— Максим Юрьевич, здравствуйте,— он узнал звучащий из трубки голос Инны Волоховой,— вы что-то выяснили?

Казалось, она долго настраивалась на то, чтобы задать этот вопрос, потому что боялась услышать ответ. На последних словах ее голос дрогнул.

— Мы ищем. Необходимо время. В работу включились профессионалы. Нужно подождать.

Она молчала.

— Инна, я хотел бы поговорить с тобой.

— Вы можете приехать, я дома.

— Это не совсем удобно. Не могла бы ты подъехать в университет?

— Могу,— голос звучал безучасно.

— Хорошо, там и встретимся.

Макс сидел в своем кабинетике, просматривая альбом с фотографиями, который Инна привезла по его просьбе.

Она сидела напротив, устремив неподвижный взгляд в стену за его спиной.

— Инна, у Олега... есть друзья?— Он едва не сказал «были».

— Олег замкнутый, даже, если есть, я их не знаю, кроме одного. С ним Олег дружит с детства. Его зовут Стасик. Его называют Стакселем. В детстве клеили модели парусников. Выучили все названия парусов и мачт. Кажется какой-то парус называется стакселем. Олег Стасика так и зовет.— Инна улыбнулась и повторила,— Стаксель.

— Олег инертный, всегда в себе, а Стасик его повсюду таскал и на моделирование тоже. Такая вот движущая сила. Поэтому Олег ему и дал это прозвище, ну и по созвучию с именем тоже.

«Надо обязательно поговорить с этим Стакселем»,— отметил про себя Макс, слушая ее и продолжая рассматривать фотографии в альбоме.

Бледное красивое лицо, высокие скулы, прямой нос, идеально очерченный рот. Такой же рот у его сестры. Он дополнял красоту девушки. Олега такая линия рта делала излишне женственным. На одной фотографии Макс задержался дольше. Олег смотрел куда-то вдаль, слева от себя. Живое лицо на фотографии. Казалось, в следующее мгновение он посмотрит прямо в глаза собеседнику и улыбнется. Через некоторое время Макс показалось, что на всех фотографиях юношеского периода, Олег выглядел однообразно. Почти на всех, за исключением одной. Что-то в этом изображении показалось Максу странным. Этот снимок парня чем-то отличался от остальных. В лице юноши что-то было неправильным. Странный поворот головы,

словно его застали врасплох. Неестественный взгляд чуть вытаращенного глаза. Чуть дольше задержавшись на этой фотографии, Макс перешел к остальным.

Макс закрыл альбом и положил руку на тисненную кожу обложки, словно его прикосновение поможет найти ему то, что он ищет. Хотя он сам не знал что.

* * *

Макс разговаривал со Стакселем уже больше часа, но не смог выяснить ничего полезного. Парень рассказывал то, что уже было известно от Инны.

Худой угловатый, постукивающая по колену ладонь трепетала, как парус на ветру. Он вполне соответствовал прозвищу*.

* *Стаксель — треугольный парус, расположенный впереди, в носовой части судна.*

— Больше ничего не вспоминается,— разочарованно произнес он. Макс не стал усиливать давление. Не было смысла. Парнишка и так мучил себя изо всех сил, стараясь вытащить из памяти что-нибудь полезное.

— Не торопись подумай. Тебя никто не гонит. Может в последнее время он делал что-то необычное, встретил кого-нибудь. Он рассказывал о новых знакомствах?

Дрожащая рука на секунду замерла и тут же взлетела вверх.

— Стойте!— вскрикнул он.

— Я никуда не иду,— Макс говорил спокойно, стараясь не спугнуть парнишку.

— Он с кем-то познакомился до... этого. До того, как пропал.

— Олег говорил, с кем?

— Нет, но после встреч с ним он был какой-то... на подъеме.

— Одухотворенным?

— Точно. Самое правильное слово.

— О чем они говорили?

— Не помню. Кажется об искусстве. Точно об искусстве.

— О скульптуре?

— Нет, о живописи. Олег последние два года начал рисовать. Он нигде этому не учился, был самоучкой, но, у него классно получалось. Он часто ходил на выставки. Любимым занятием было разглядывание альбомов известных художников и музеев. Знаете, есть такие красочные издания. Он мог листать их часами. Олег как-то упомянул об очень интересных историях, происходящих с живописцами и об их необычных судьбах. Он говорил, что его знакомый очень много знает и в отличие от нас, с ним ему общаться интереснее. От этого есть хоть какая-то польза. После этих слов мы поругались и я его больше не видел.

— Описание человека?

— Нет.

— Может быть, возраст?

— Нет. Не помню. Но, мне кажется, что тот был намного старше Олега.

— Он об этом говорил?

— Нет. У меня сложилось такое впечатление. Олег рассказывал об его знаниях и жизненном опыте.

— Постарайся вспомнить, про те истории, которые Олег упоминал. Хоть что-то. Может быть важно любое слово.

— Я же говорю, что почти ничего. Он и об этом говорил вскользь, и то для того, чтобы меня задеть.

Макс собрался уходить. На лестнице парень его догнал.

— Он называл какого-то художника с необычной судьбой. Думаю, что о нем ему рассказывал этот новый знакомый.

— Как звали художника?

— Не помню.

* * *

У агентства Макс ответил на звонок.

— Можешь подъехать?— спросил Лесин.

— Я уже здесь. Сейчас поднимусь.

В кабинете полковника сидели Маковский и Алик.

— Ну, и задал ты нам работу,— начал Лесин.

— Сочувствую.— Бросил Макс, опускаясь на стул.

— Мы взяли примерное время доставки статуи от 7.40 до 8.00, накинули туда—сюда по пять минут для верности,— вступил Маковский,— за получасовой период, от моста в направлении музея проехало около полутора сотен машин.

— Вы будете продолжать рассказывать, как было тяжело или перейдем к результатам?

— Твои профессиональные навыки впечатляют, но над коммуникативными надо бы поработать,— сказал Лесин,— я понимаю, что тебе невтерпеж, но постарайся запастись выдержкой. Алик, продолжай.

— Мы составили список, автотранспорта, проехавшего в направление музея в заданные временные рамки,— поймав недовольный взгляд Макса, он поспешил закончить,— и уже на двенадцатом водителе нам повезло.

— И в чем везение?— спросил Макс.

— Ну, сам-то он ничего не помнит,— помялся Алик,— но у него в машине установлен видеорегистратор. В их фирме такие правила.

Он взглянул на Макса с видом победителя.

— Мы просмотрели записи. Там четко просматривается номер машины, доставившей статую к музею. В общем, у нас есть курьер.

— Кто он?

— Шагин Сергей, 1979 года рождения. Работает в фирме перевозок. Машина принадлежит ему. Форд Рейнджер с усиленным кузовом.

— Как он перевозил статую?

Алик вынул из синей папочки несколько фотографий и подвинул их к Максусу.

— Вот. Поставил в кузов и привязал к трубам каркаса. При погрузке и разгрузке трубы снимаются. Там видно. Очень удобно.

— Самого Шагина нашли?

— Его нет в Питере. Тем же утром, после доставки статуи, уехал в Ставрополь. Руководство фирмы, говорит, что вернется через три-четыре дня.

Макс разочарованно постучал костяшками пальцев по столу.

— Ну пусть пока покатается,— сказал Лесин,— а вы пока составьте списки всех его родственников, друзей, знакомых, клиентов фирмы. Всех, с кем он сталкивался за последние пятнадцать лет. Пусть даже знакомство шапочное. Ищите среди них любого, имеющего отношение к скульптуре. Постараемся выйти на ваятеля через связи этого Шагина.

* * *

Акре, около 1286 года

Жак де Брейль сидел у стола, передвинутого поближе к окну и рассматривал сделанные недавно мазки. Здесь было достаточно света. Подсохшие уже краски по-прежнему блестели в лучах пробивающегося солнца. Они не утрачивали своей живости и это наполняло сердце художника радостью.

Припомнилось начало обучения в мастерской его первого наставника. Его учитель Яан Мартен в самом начале сказал, что разбираться нужно в двух вещах. В цветах и в Святом писании. Все связанное с церковью никогда не стояло у Жака на первом месте. Он не писал сюжеты из Библии, как многие его коллеги. Ему больше нравились лица. Другое дело краски. В цветах Жак стал мастером. Учитель был прав. Его слова «цвет должен быть, как живой», Жак запомнил навсегда. Тайнство создания красок влекло его сколько он себя помнил. Но, все остальные науки давались ему непросто. Знания всасывались в поры с регулярными ударами трости, следовавшими за любой ошибкой. Перепутал действующие персонажи — удар. Протер чашу для растирания красок ветошью кухонной утвари — удар. Протираешь ступку материей для чистки кистей? Удар. Заливаешь краску в грязную плошку? Удар. Перепутал названия красок? Кошениль назвал лазуритом? Еще удар. Перепутал лазурит с кошенилью — еще удар. Но, несмотря на это, де Брейль был благодарен своему первому наставнику.

В этом ему везло всегда. На его пути попадались люди, благодаря которым его совершенствование, как художника ускорялось и упрощалось. И на первое место, он всегда ставил мастера Мартена. Затем шли его спутники по Флоренции. Маэстро Чимабуэ, передавший ему столь необходимые навыки. В мастерской маэстро он познакомился с трактатом Ираклия, так много давшим ему в понимании сути красителей.

Он вспомнил, как начал пробовать готовить новые маслянные краски, после того, как манускрипт случайно попал ему в руки. Он вспомнил, как начал смешивать порошки с льняным маслом и первые же опыты принесли результат. Тогда он не знал еще очень многого, но это было хорошее начало. Жак закружился в бешеном танце. Внезапно опомнившись он обернулся. Не престало мужчине его положения резвиться, как мальчишке-подмастерью. В мастерской никого не было. Он вновь приблизился к поверхности картины, любуясь результатом. Как мягко сливаются мазки. Как озаряются они льющимся, словно из глубины изображения, завораживающим сиянием. Можно писать, не заботясь о нижележащем красочном слое. Как по волшебству исчезли мелкие колючие штрихи на переходах от тона к тону и от света к тени.

А его друг, тоже ученик маэстро Чимабуэ, юный Джотто. Воспоминания о нем всегда вызывали на лице Жака улыбку. Он был старше Джотто и тот всегда тянулся к нему, стараясь перенимать его понимание живописи и даже некоторые приемы, которые пришли к Жаку позже, начиная с пятого года обучения. Тогда, сначала в его работах, а затем и у Джотто появилась глубина и понимание композиции. Они поочередно старались отказываться от византийской манеры и придавать гармонию и меру изображаемым образам.

Потом был графский дворец в Триполи. Первой работой, которую он получил, благодаря новому покровителю, Годфри Буйонскому, была роспись двух комнат дворца. Работа произвела более, чем благоприятное впечатление на правителя Триполи, графа Боэмунда. После этого он стал пользоваться расположением молодого графа и его жены, госпожи Марии де Бриенн. Графиня Мария оказывала ему особые знаки внимания, которых Жак не замечал в отношении других придворных.

А этот странный иноземец. Как интересны были его рассказы, как важна его наука. В первый год пребывания в Триполи Жак познакомился с иконописцем из Руси с длинным именем Даниил. Жил он во Владимире при дворе сына Александра Невского — князя Дмитрия. Писал иконы. Но, когда брат Дмитрия — Андрей — получил от хана ярлык на княжение, он

прогнал Дмитрия и между братьями началась война. Даниилу пришлось покинуть Владимир. Он оказался в Триполи, познакомился с Жаком и учил его готовить дерево под картины.

— Доску возьми из середины ствола, а не с краю. Крайние не держат ровную форму.— Вспомнил Жак его науку. Даниил познакомил Жака с альбомом работ Виллара де Оннекура. Благодаря ему, в Триполи он впервые написал изображение человека с живой натуры.

Но, было многое, до чего он дошел сам.

Как неудобен был, к примеру, твердый царапающий уголь для нанесения контуров. Он долго проводил опыты. Наконец, когда Жак смешал глину с сажей, у него получилось то, чего он добивался. Палочками, получавшимися после того, как глина подсыхала, можно было быстро и удобно делать наброски.

Или специально обработанная ткань из тонкой пеньковой пряжи, на которой он пытается писать в последнее время. Заменить ею дерево и пергамент, с которым Жак начал экспериментировать еще во Флоренции, было его идеей. Как и состав для ее обработки, позволяющий краскам не расплываться и не всасываться в ткань чрезмерно. На ткани цвета представлялись совершенно иначе. Благоприятней, чем на дереве и даже на пергаменте.

Дерево в Святой земле было дорого. На него уходила большая часть дохода.

Но, он не собирался оставлять картины на дереве вовсе. Ему неизвестно было, насколько долговечны будут картины на ткани. А верно подготовленное дерево может хранить нанесенное изображение вечно.

Но больше всего Жак гордился тем, что усовершенствовал рецепты красок, смешанных с льняным маслом.

О ткани и о красках, замешанных на льняном масле Жак уже давно задумывал написать трактат. Когда-нибудь он освободит время для такой важной работы. Кроме картин, потомкам должны остаться его новаторские находки.

В Триполи он провел почти пять лет. Его покровитель, Годфри Буйонский, даже выхлопотал для него жалованное пожизненное дворянство за заслуги. Вспомнив об этом, Жак улыбнулся. Четыре года из тех пяти он вспоминал лишь превосходными эпитетами. Этому ничуть не мешал тот факт, что графство располагалось, словно в центре временно потухшего очага, огонь в котором мог разгореться в любое мгновение. Христианское государство Триполи находилось в то время в вассальном подчинении у монгольского илханата. Но, благодарение богу, монголы почти не вмешивались в дела графства. И перемирие с мамлюками длилось почти десять лет.

Осложнения и даже беды случились на четвертый год пребывания Жака де Брейля в Триполи. Началось все с вести о гибели его покровителя Годфри Буйонского. Он погиб от стрелы дорожных разбойников, когда направлялся на переговоры с ханом монгольского илханата Текудером. Почти вслед за этим был убит и сам Текудер. Его преемником стал хан Аргун, который, как и его предшественник не проявлял интереса в защите Триполи. А мамлюки продолжали расширять территории, находящиеся под их контролем. Дошли сведения, что они собираются осадить замок госпитальеров Маргат, стоящий чуть севернее Триполи, и уже приближаются к нему. Все чувствовали, что перемирию скоро придет конец. Многие знатные семьи переживали упадок духа и начали перебираться южнее, в более спокойный Акре. Как ни мучительно далось ему это решение, Жак де Брейль посчитал самым благоразумным последовать за ними.

Он глубоко вздохнул, взял из угла трость и прислонил один ее конец к поверхности будущей картины. Второй конец он держал в левой руке. Взяв кисть в правую, он некоторое время вглядывался в наброски лица. Они казались ему безжизненными. Он поднес кисть к холсту и, опершись на трость, чтобы придать твердости руке, сделал мазок.

В этот момент раздался стук в дверь. Жак оглянулся. На пороге стояла молоденькая девушка в одежде служанки.

Она поклонилась и от смущения не могла произнести ни слова, пораженная обилием разных красок.

— Кто тебя прислал?— пришел ей на помощь художник.— Как зовут твоего господина?

— Я из дома Катто,— сказала она, наконец, и снова поклонилась.

Де Брейлю было знакомо это имя.

— Торговец вином и специями?— Спросил он.

— Да, господин.

— И что хочет твой хозяин?

— Его дочь, госпожа Габриэлла, спрашивает, не будетели вы любезны посетить ее?—

Девшка помолчала, что-то вспоминая, и закончила скороговоркой,— Госпожа просила передать, что дело имеет для нее большую важность.

— Габриэлла Катто...,— пробормотал художник, наморщив лоб.— Это не та ли молодая прекрасная особа, заставившая трепетать все мужские сердца на празднестве в честь приезда дочери Карла Анжуйского Изабеллы?

До того, как служанка склонила голову, художник успел заметить ее улыбку.

— Твоя госпожа поистине прекрасна,— сказал он,— передай, что для меня честь навестить ее.

* * *

Сероватая масса. Неприятная, бесформенная, даже отталкивающая. Как на вид, так и на ощупь. Но подобные ощущения рождаются лишь в неискушенной голове дилетанта. На самом деле это необыкновенный материал. Основа, из которой может родиться все, что угодно. Уродство и красота. Все зависит от замысла, рождающегося в голове скульптора. Эта масса позволит ему воплотить любые замыслы. Благодаря ей ты можешь создавать. Значит, ты — Создатель. Мысль об этом наполняет приятными чувствами и вызывает улыбку. Тебе нравится эта мысль. Ты протягиваешь руку с тонкими пальцами и через секунду ощущаешь ими прохладную влажность. Это может показаться таким же неприятным, как окунуть руку в комок грязи, вылетевшей из-под колеса грузовика, забуксовавшего после дождя на разбитой сельской дороге. Ты невольно дергаешь плечом. Тебе неприятны эти мысли. Они могут родиться только в голове недалеких профанов. Но видели бы они, во что превратится эта масса уже через неделю. Восхитительные линии, выпуклости и впадины, плавно перетекающие друг в друга, словно подчиненные высшему закону. Каких-то семь дней. Тот же срок, за который Всевышний создал Землю и все живущее на ней.

А если тебе не будут мешать, ты сможешь справиться даже быстрее. Значит ли это, что ты талантливее самого Создателя? Вначале эта мысль пугает, но, постепенно, она начинает нравиться тебе больше и больше. Твое лицо искажает подобие улыбки.

Ты, словно смотришь на себя со стороны. Руки скульптора мелькают, не оставляя возможности уследить за ними, но в следующую секунду они двигаются плавно, словно в замедленной съемке. Левой рукой ты добавляешь материал и через мгновение правой, державшей стек, удаляешь все лишнее. Иногда руки замирают. В эти моменты скульптор слегка отодвигается, чтобы оценить результат своей работы с другого расстояния. Затем ты медленно поворачиваешь деревянную подставку и рассматриваешь творение под разными углами. В эти мгновенья ты бросаешь короткие взгляды на модель, сравнивая оригинал с произведением, рождающимся под твоими руками. На соседней вращающейся деревянной подставке возвышался скрученный проволочный каркас для следующей модели. Заготовка, скелет следующей скульптуры.

Гибкие сильные пальцы словно гладят серую массу, как нечто одушевленное. Руки ощущают кожу, волосы... Ты ощущаешь взгляд, чувствуешь прикосновение...

Твоя модель не похожа на натурщиков или натурщиц из художественных школ или мастерских других художников. Твоя модель зафиксирована в нише, не имея возможности

пошевелиться. Тебе мешает только одно. Но с этим ты ничего не можешь поделать. Глаза человека, служащего тебе натурщиком в этой мастерской были полны ужаса.

* * *

Флоренция, около 1274 года

— Как тебя зовут?— Спросил Якоб нового знакомого,— я слышал, как учитель назвал тебя Джотто. Это твое имя?

— Да,— кивнул тот,— Джотто ди Бондоне. Маэстро взял меня в ученики, договорившись с моим отцом. Моя семья из Веспиньяно. На хорошей лошади туда можно добраться меньше, чем за день.

Мальчики прошли рядом с красильней сукна. На натянутых у входа веревках двое юношей развешивали свежеекрасенные полотна. По правую руку от них Якоб увидел местами разрушенную внушительную полукруглое строение с арочными пролетами, примыкающее к углу городской стены. В восхищении он даже остановился на несколько мгновений.

— Что это?

— Сейчас здесь тюрьма,— ответил его новый знакомый,— а раньше был Римский театр.

— Нам далеко идти?

— То строение, возвышающееся на пятьдесят локтей,— мальчик указал на здание двух высоких этажей, которое было видно вдалеке,— это Дворец капитана народа. Дом маэстро и мастерская в шести десятках шагов оттуда.

— А там,— Джотто еще раз кивнул в сторону Дворца,— я когда-нибудь распишу стены. Всякий раз, когда я прохожу рядом с этим зданием, я страстно желаю, чтобы его внутренние стены украшали мои фрески.*

** Художник умер 8 января 1337 года во Флоренции во время работы над фреской «Страшный суд» в капелле Барджелло.*

На следующий день маэстро велел Джотто привести нового ученика в мастерскую.

— За эту ночь у тебя еще не пропало желание рисовать?— спросил он, когда юный Якоб Брейль показался на пороге.

Тот резко замотал головой, не заметив, как маэстро чуть отвернул лицо в сторону, пряча улыбку.

Чимабуэ взял со стола уголь и указал на обработанный кусок камня. Якоб не знал, что это за камень.

— Ты сможешь нарисовать здесь вчерашнюю собаку?— задал вопрос маэстро.

Мальчик склонил голову в вежливом поклоне.

— Так, как ты ее помнишь,— добавил он и протянул Якобу уголь.

Художник отошел в сторону и начал наблюдать за действиями нового ученика.

Тот подошел к камню положил ладонь на его поверхность, прикрыл глаза и постоял несколько мгновений без малейшего движения. После этого он провел рукой по камню и отошел на полшага. Приблизившись, он нанес несколько штрихов и вновь отошел.

Маэстро Чимабуэ наблюдал за повторяющимися движениями мальчика. Во время работы тот, казалось, погрузился. Он вдумчиво вглядывался в поверхность камня, после каждого подхода. Затем приближался, подтирал пальцем, размазывал и наносил новые линии.

Когда рисунок был закончен, Чимабуэ дал задание Джотто объяснить новенькому, где лежат материалы, показать, как нужно смешивать порошки и чем их разводить. Мальчики вышли за дверь. Маэстро Чимабуэ остался у изображения один.

Учитель долго смотрел на рисунок нового ученика. Несколько раз он подносил руки к лицу и потирал виски.

— Я отказываюсь это понимать,— вымолвил он, наконец. Затем оглянулся, убеждаясь, что его никто не слышит и пробормотал,— Я отказываюсь в это верить. Он же еще мальчишка.

Чимабуэ стоял всматриваясь в рисунок и вспоминал свое становление, как художника.

Живопись до него и его сподвижников называли византийской. В ней не было новизны. Одни и те же типы изображений, одни и те же приемы, одни и те же условности. Поверхностное восприятие окружающего, без проникновения в природу вещей. Бездейственность и трафаретность. Чимабуэ часто задумывался над этим. Наблюдая за своими первыми работами, он видел себя порождением времени и продолжателем традиций. Ему приходилось покоряться этим проявлениям и зажимать бьющуюся наружу индивидуальность. Но, пришло время и он прекратил мириться с требованиями своего времени. Он начал с красок. Ему удалось добиться их свежести и изящности. Это привело к разительным изменениям в его творениях. Они стали более привлекательными и оживленными. Его мучило лишь то, что до сего времени не удалось полностью избавиться от влияния “византийства”. Он объяснял это себе устойчивостью традиций. И все-таки он находил силы перебарывать в себе воздействие обычаев, зародившихся несколько веков назад.

У него этот путь занял больше половины жизни. Как же объяснить то, что мальчишка, еще не имеющий достаточно навыков, способен не только видеть, но и передавать внутреннюю суть того, что он изображал. Это было недоступно пониманию. В одном рисунке мальчика он смог разглядеть живость, движение, соблюдение пропорций. Все это было более свойственно древним художникам из Греции, чем его современникам. Почему со временем это изменилось? Куда все пропало?

Чимабуэ преклонил колени перед наброском нового ученика и поклялся себе положить остаток жизни на разрушение традиций, существующих в сегодняшней живописи, и сделать все, чтобы мучающая его косность в работах современников не передалась его ученикам.

* * *

Флоренция, около 1278 года

Маэстро Чимабуэ привел своих учеников в строящуюся церковь Санта-Мария-Новелла. Стены уже стояли, но еще не были закончены нефы. Повсюду копошились каменщики. Не был убран строительный мусор. Художник страстно желал получить заказ на роспись стен церкви и решил обсудить с учениками возможные сюжеты.

Когда они в очередной раз вышли наружу, чтобы проникнуться грандиозностью строения, со стороны больницы Сан-Паоло к ним приблизился незнакомый мальчик. Держался он с достоинством знатного горожанина, хотя выглядел едва ли старше Джотто. Якоб сразу отметил для себя его выразительный нос и сжатые, чуть выпяченные вперед губы. Мальчик поклонился маэстро Чимабуэ, поприветствовал Джотто, как старого приятеля и сдержанно кивнул Якобу.

— Кто этот юноша?—, украдкой шепнул Якоб в ухо Джотто, когда маэстро Чимабуэ заговорил с мальчиком.

— Его зовут Данте Алигьери.

Якоб задумался. Он не впервые слышал это имя.

— Помнишь песенку, которую я тебе показывал на Благовещение. Ее сочинил Данте.

Якоб вспомнил. Накануне праздника, когда учителя не было в мастерской, Джотто вдруг принялся неумело напевать песенку, показавшуюся Якобу грустной и забавной. Несмотря на простоту, в ней оказался большой смысл.

— Да, там было что-то о любви к молодой донне,— сказал он.

— Точно,— обрадовался Джотто,— он уже давно влюблен в живущую по соседству Биче ди Портинаре, дочь банкира, и пишет о ней почти в каждой своей песне. Называет ее благороднейшей и учтивейшей, а сам ни разу с ней не заговорил.

Якоб покачал головой и отвернулся. Он еще не изведал, что значит, быть влюбленным. Повернувшись, он увидел, что маэстро еще разговаривает с юным поэтом. Он невольно прислушался к разговору.

— Буду рад увидеть ваши новые работы, маэстро,— сказал Данте,— они всегда вдохновляют и касаются потаенных уголков души.

К сожалению их беседа подходила к концу и они обменивались вежливыми любезностями.

Поклонившись, Данте ушел по прямой виа делла Скалла. Якоб замер, как во сне, еще на несколько мгновений, глядя ему вслед. К жизни его вернул окрик учителя.

Уже потом, во время шествия на площади перед Баптистерием в честь святого Иоанна Крестителя, Джотто показал Якобу саму Биче. Девочка в белоснежных одеждах, на вид не больше двенадцати лет, шла в сопровождении взрослой женщины. Она казалась нежной и беззащитной, как первый весенний цветок. Когда девочка проходила всего в нескольких шагах, Якоб, ощутив изливающуюся от нее свежесть, смог осознать природу тяготения к ней Данте. Он заставил себя отвернуться, чтобы Джотто не заметил излишней увлеченности, отраженной на его лице. Впредь, он случайно видел ее лишь однажды, в тот же год, но, еще долго ловил себя на том, что выискивает ее лицо в каждом скоплении горожан.

* * *

Флоренция, около 1280 года

Он чувствовал, что его обучению в мастерской маэстро Чимабуэ скоро придет конец. Учитель, известный строгостью характера, не захочет мириться с замечаниями ученика. Якоб не был в состоянии уразуметь, по какой причине тот до сих пор сдерживал себя.

На правах старшего он не редко позволял себе высказывать замечания Джотто.

Обычно это проходило гладко. Джотто, стремящийся любыми способами повысить свое мастерство, прислушивался и старался следовать подсказкам Якоба, хотя они часто противоречили наставлениям учителя.

— Как ты изображаешь кисти рук? Они у тебя словно лишены костей и сделаны из мягкой глины. На самом же деле, как и все тело, это остов и плоть, обтянутые кожей. Старайся выписывать их вернее. Под оболочкой должно угадываться внутреннее содержание,— сказал Якоб и отвернувшись пробормотал,— или, по крайней мере, скрывай их в складках одежды.

Но, однажды он нашел в себе смелость не согласиться с маэстро. Их разговор произошел при Джотто, который не мог найти себе места на протяжении всего спора.

Якоб высказал мысль о том, что рисовать нужно, отображая действительность.

— Следует показать зрителю, что я был там и видел. А потом отобразил. — Ты не мог этого видеть. Изображать надо так, как об этом сказано в писании. Есть давно сложившиеся каноны, а ты предлагаешь их ломать.

— Каноны требуют рисовать замершую картину. Статичную. Почти нечитаемы чувства изображенных людей, их эмоции, переживания. А я уверен, что картина должна показывать определенное мгновение из жизни. Когда ты смотришь, то должен видеть то, что было до этого мгновения и то что будет после.

Ничего не ответив, маэстро Чимабуэ развернулся и вышел из мастерской.

Только после этого Якоб вспомнил о Джотто и оглянулся. Тот стоял в углу, даже не пытаясь скрыть испуганного выражения на лице. Якоб был уверен, что не смог убедить учителя, но позже он стал замечать изменения в его работах. Он не мог этого объяснить, но лики на картинах маэстро казались ему живее. И с Джотто у них было много бесед на эту тему. Друг задавал ему бесконечные вопросы, а потом долго думал над ответами. Якоб видел после этого иное построение его рисунков, на котором люди и их окружение были ближе к реальности.

К Якобу Брейлю постепенно приходило понимание того, что он уже может работать самостоятельно. Вначале он гнал от себя эти мысли и невольно оглядывался, словно кто-то мог их подслушать. Вскоре он стал возвращаться к ним все чаще. Он знал, что со многими работами смог бы справиться так же, как маэстро. Он даже допускал мысли, что у него все получится даже успешнее. Он не хотел расстроить своим уходом учителя. С болью в душе он думал и о том, что придется расстаться с Джотто, лучшим и единственным другом. Но, сделать этот шаг было необходимо. Вскоре судьба преподнесла ему удобный случай, найдя решение за него.

За три мешка шерсти Якоб выменял у знакомого монаха из монастыря Сан-Марко, переписывавшего книги для монастырской библиотеки, палимпсесты, несколько листов пергамента, с которого старый текст был удален. Свежевыделанный пергамент был намного дороже. Якобу не раз доводилось наблюдать, как монахи отмачивали кожи в извести, очищали от волосков, вновь отмачивали, растягивали и скребли. После этого кожи нужно было обезжирить и отбелить. Мысль попробовать рисовать на пергаменте давно не давала ему покоя. Но, позволить себе даже один лист он не мог.

Палимпсесты тоже были недешевы, но это был выход. Боясь неудачи, он не сказал о своих опытах ни учителю, ни даже Джотто. Для работы с пергаментом он смешал краски с клеем особым способом, чтобы они не расплывались и не теряли яркости на иной основе. Пробы

разных рецептов на маленьких кусочках пергамента взяли у него у него больше двух месяцев из-за того, что приходилось таиться.

Когда он закончил рисунок на первом листе, результат окрылил его. Лик изображенного младенца казался живым. На втором листе он изобразил пастуха с овцами и тоже порадовался получившемуся произведению. Осталось выяснить, насколько такие картины долговечны. Нужно было ждать годы, десятилетия, а лучше столетия. Но, Якоб не был властен над временем.

Когда он растянул на раме третий лист, в мастерскую вбежал Джотто. Он хотел сообщить что-то важное, но увиденные картины вытянули его лицо и лишили дара речи.

— Что это?— Выдавил он, наконец,— как ты это сделал? Это ткань?

Якоб отвернул изображения от него, в тайне радуясь произведенному эффекту.

— Потом расскажу. Ты нес какую-то весть?

— Да.— начал говорить Джотто, не в силах отвести взгляд даже от тыльной стороны картин,— к нам едет знатный франк. Говорят, приближенный царственной особы, графа Триполи, Боэмунда VII. Ходят слухи, что он ищет художника для двора. Он будет смотреть наши картины. Но запомни, он ненавидит фламандцев. Его брата убили во Фландрии, из-за какого-то глупого раздора. Тот был большим придворным чином у короля Филиппа III.

Якоб удивился, откуда его приятель все это знает, но, он не стал расспрашивать.

Франка звали граф Годфри Буйонский. Уже вытянувшегося к двадцати годам Якобу он показался показался горой с рыжей бородой и усами. В просторной мастерской ему было тесно. Он медленно подходил к каждой работе, с которой слуги, забегающие вперед сдергивали покрывающее полотно.

Граф придирчиво оглядывал картину, отходил назад, щурился, как от ярких лучей солнца, хотя свет, проникающий в помещение, через большие окна был мягким и спокойным. Иногда он прикладывал к изображению огромную лапищу.

— Кто рисовал эту?

Он указывал на двух рыцарей, готовившихся к поединку перед городскими стенами.

Якоб вздрогнул. Это была его работа, причем далеко не самая лучшая и даже незавершенная.

Он сделал шаг вперед и склонил голову.

— Ты уже знаешь, что мы выбираем достойного художника ко двору сиятельного графа Триполи?— Спросил он.

Якоб кивнул.

— Слухи здесь распространяются, как мухи над мертвецами на поле битвы,— рявкнул Годфри. Его громозвучный голос заполнил все помещение, но недовольства в нем не было.

— Готов ли ты отправиться с нами на Святую землю?

Якоб оглянулся на Джотто. Глаза того горели. Якоб не заметил в них и тени разочарования.

«Святая земля! Художник! Графский дворец!»— пронеслось в его голове.

— Почту за честь, Ваша милость,— сказал он.

Якоб с трудом сдержался, чтобы все чувства не отразились на его лице. Но, верно, ему это удалось не вполне. От графа Годфри это не укрылось.

— Как тебя зовут, юноша?

Якоб открыл рот, но в тот же миг вспомнил предупреждение друга о фламандцах.

— Жак...— выпалил он,— Жак де Брейль, сир.

* * *

Без четверти семь вечера серебристым пятном «Рено-Меган» влетел в Мучной переулок со стороны канала Грибоедова. Макс припарковал машину сразу за поворотом. До агентства он решил пройтись и перекусить захваченным по дороге сэндвичем. Ему не удалось выкроить

время на нормальный обед. Ощущение испытываемое им вполне можно было назвать наслаждением. Или он был настолько голоден, или сэндвич оказался неожиданно вкусным. Свежий хлеб с хрустящей корочкой, курица и бекон. Макс пожалел, что не захватил в той забегаловке бутылку пива.

В кармане задрожал телефон. Макс выбросил пустую упаковку в урну и ответил. Звонил Алики.

— Я по поводу Левиной,— сообщил он.

— Кого?— Не сообразил Макс.

— Ани Левиной, журналистки

— Она не получала задание, готовить репортаж о художнике Мордвинове. Программу о нем никто не готовит.

— Как и предполагалось,— заметил Макс и поблагодарил Алику.

В тот момент, когда Макс подошел к четырехэтажному зданию, в котором располагалось агентство, у входа затормозил джип. Дверь со стороны водителя уверенно распахнулась и из машины не по возрасту проворно выскочил полковник.

Они посмотрели друг на друга, затем на вход в агентство. После этого их взгляды вновь встретились.

— Пройдемся?— предложил Лесин.

Макс согласно кивнул. Они направились в противоположную сторону от канала Грибоедова. В эти вечерние часы ярко освещенная набережная канала еще была заполнена перемещающимися во всех направлениях жителями и туристами. Много шума и толкотни. Галдеж и свет сейчас были не для них.

Они шли молча. Пересекли Садовую и по Апраксину добрались до набережной Фонтанки. Здесь царил умиротворение. Редкие автомобили, беззвучные прохожие. Они спустились вниз, ближе к воде. Туда, где на причале стоял прогулочный кораблик. Опустились на ступеньки. Тишину здесь нарушали только всплески воды о гранит.

— О чем думаешь?— прервал молчание полковник.

Вопрос Лесина словно катализировал умственную деятельность Макса. Если нет ошибки и первую скульптуру лепили с пропавшего брата Инны Волоховой, во втором случае с самого начала нужно было искать подобную связь. Это должен понимать любой человек с мозгами. Особенно опер.

— Мы упустили кое-что важное. Поручи своим срочно поднять дела по пропавшим без вести за последние полгода по Питеру. Нужно искать прототипа второй скульптуры. Не обнаружат за полугодие, пусть ищут среди пропавших за год. Если не найдется среди них, то по ближайшим районам области.

— Непростая задачка. Ты представляешь порядок цифр? Только в Питере за год заявляют о пропаже более полутора тысяч человек.

— Тех, кого обнаружили живыми, можно отложить.

Не теряя времени, Лесин набрал номер и коротко объяснил задачу Маковскому.

Фонари дрожали в темной воде реки. Макс взглянул на часы. Стрелки показывали половину восьмого.

— Куда торопишься?— спросил полковник.

— Собираюсь зайти к искусствоведу. Нужно кое-что проверить.

— Мы же собирались прогуляться.

— Прогуляемся. Только в разные стороны. Ты обратно, а я до Загородного проспекта.

Макс вынул из кармана ключи.

— Моя машина в начале переулка. Попроси Алику, чтобы перегнал ее к Пяти углам через пару часов. Я его потом подброшу, куда скажет.

Лесин взял ключи и поднялся.

— Удачной прогулки,— сказал он.

Макс сидел обложенный книгами в квартире консультанта. Он был один. Полтора часа назад он появился в этой, уже ставшей привычной квартире искусствоведа и задал один вопрос.

— Олег Ильич, почему? Я хочу понять, почему Кваренги? Он известный зодчий, создававший неповторимое лицо города. Но, почему он?

— Кваренги?— искусствовед покачал головой,— а по поводу местонахождения первой статуи у вас уже есть сложившиеся соображения?

— Думаю, да. Летний сад... Выставка скульптур под открытым небом?

— Ну-ну, возможно, вы и правы. Хотя и на Лазаревском кладбище есть надгробные памятники. Своего рода выставка.

Он подошел к полкам, вглядываясь в корешки книг и вытаскивая некоторые. Затем он подошел к столу и положил их перед Максом.

— Я не знаю, поможет ли вам это, но, если есть информация, способная разъяснить ситуацию, она должна быть здесь,— сказал он, поглаживая книги.

Он собирался сказать что-то еще, но ему помешал телефонный звонок. Извинившись, он ответил и вышел из кабинета.

Стук вернулся через минуту и, разведя руками, сообщил, что ему необходимо уйти.

Макс непонимающе взглянул на него.

— Это по работе,— объяснил хозяин квартиры,— отложить, а тем более перенести не могу.

Он улыбнулся и добавил:

— Но вы можете спокойно работать.

— Вы собираетесь оставить меня одного?

— А вы боитесь?

Макс пожал плечами.

— Если не вернусь к моменту, когда соберетесь уходить, просто захлопните дверь,— сказал Олег Ильич.

Перед уходом Стук остановился на пороге и, пожав плечами, обернулся.

— А что вас так беспокоит Кваренги? Скульптура Красоты в Летнем саду это не менее странное соседство. Вы не находите?

Макс взглянул на названия книг.

«Петербург» Курбатова, двухтомник Вигеля «Записки».

Перед тем, как он прочел название следующей, в кармане завибрировал телефон.

Это снова был Алик.

— Я опять о Левиной, журналистке,— сообщил он,— не смотря на то, что она врет, ее можно вычеркивать из списка подозреваемых. Я проверил. У нее железное алиби на скульптуру Волохова. С примерного момента исчезновения Волхова и до выставки его статуи она была в Питере в общей сложности около полутора дней. Улетела в командировку, когда Олег еще не числился в пропавших, и вернулась чуть больше, чем за день до выставления его статуи и ее репортажа из Летнего сада. Не могла она ни похитить Олега, ни изваять его статую за это время. Кроме того, я вообще сомневался в ее причастности. Старые скульптуры не ее работа, да и как худенькая девушка могла похищать крепких мужиков?

— Спасибо, Алик. Хорошая работа.

Затем он открыл первую книгу, положив рядом блокнот с ручкой.

Через полтора часа была исписана почти треть блокнота. Упоминания о Джакомо Кваренги Макс нашел у обоих авторов.

Ему очень нравился витиеватый стиль Вигеля, современника архитектора, и он даже выписал несколько абзацев. Подойдя к окну, он перечитал один из них.

«Старик Гваренги часто ходил пешком, и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковице, которую природа вместо носа приклеила к его лицу».

У Курбатова Макс нашел похожее описание архитектора.

«Наружность Гваренги была довольно курьезна. Толстый, неуклюжий, с громадным синеватым носом и грубым, громким голосом, Гваренги обращал на себя внимание во время прогулок по Петербургу».

Искусствовед Курбатов объяснил и забавный факт о произношении имени великого архитектора.

«Официально фамилия итальянского архитектора писалась «Кваренги». Однако вскоре автор непревзойденных архитектурных шедевров потребовал называть себя «Гваренги». Это случилось из-за многочисленных насмешек, связанных с его некрасивостью и карикатур, типа той, «которая изображает Гваренги на черепахе, окруженной квакающими лягушками, заставляет думать, что первый слог его фамилии подавал повод к поддразниванию. Отсюда вполне вероятно его желание изменить произношение слова». Вигель писал об этом же.

«На шаржах и карикатурах... сверху или снизу обязательно встречалась обидная надпись «Ква—ква». Подобное издевательское произношение своей фамилии, похожее на вечернее кваканье лягушек, побудило зодчего добиться у официальных лиц решения о смене первой буквы своей фамилии».

Вместе с тем оба автора называли архитектора «гениальным творцом красоты». «Этот человек соединял все, и знание и вкус, и его творениями более всего красится Петербург...».

Может быть, это то, что нам нужно? Макс несколько раз зажмурился, напрягая веки. Гимнастика для уставших глаз. Затем он поднялся со стула, чтобы размять мышцы после долгого сидения. Нужно было отвлечься. Информация почерпнутая из книг должна уложиться в голову. Он подошел к окну, вертя между пальцами и перебрасывая из руки в руку небольшой нож. Он смотрел на прохожих, машины, дома. Ему было хорошо в Питере. Те долгие годы, которые он прожил за его пределами иногда казались сном. Но в том сне были люди, места и предметы, которые он не переставал вспоминать и любить, которые были ему дороги. Там были женщины, которых он любил и которые любили его. Там были друзья. Там были запахи, по которым он скучал. Там были старые камни, свидетели событий нескольких тысячелетий, до сих пор оберегающие тайны прошлого. Его тянуло туда. Людей всегда тянет в те места, которые хранятся в их воспоминаниях. Люди, места, запахи. Он не скучал по предметам, окружавшим его там. За исключением одного. Его коллекция холодного оружия. Почти с каждым экспонатом этой небольшой коллекции была связана история. Макс перебирал их в памяти, вспоминая где был каждый из них прежде, чем попал к нему. О некоторых он думал с трепетом. Там были экземпляры, спасшие ему жизнь. Ему могли возразить, что это лишь куски металла, но он думал о них, как об одушевленных предметах. Конечно, они не значили бы много без умения и сноровки хозяина. Он старался поддерживать себя в форме. Ежедневные полноценные тренировки не удавались. Но несколько упражнений он успевал сделать каждый день. Лесин притащил ему интересный экземпляр. Изящный симметричный клинок пятимиллиметровой толщины. Рукоятка аккуратно обмотанная кожаной тесьмой. Макс изготовил для него ножны с пружинным механизмом и с креплением на запястье. По образцу, хранившемуся в его коллекции и когда-то сделанным бывшим уголовником по кличке Токарь. А этот экземпляр от полковника был неизвестно откуда и непонятно чей. Без истории, без судьбы. Макс называл его «подкидыш». Он чистил его, точил. Он был уверен, что если не отдавать тепло предмету, то он может в какой-то момент подвести. Рассчитывать можно только на друзей. «Подкидыш» стал ему преданным другом.

Макс вернулся к столу и открыл блокнот. Даже прочитав свои выписки дважды, он пока не понимал, чем все это заинтересовало его. Тут было что-то на уровне интуиции. Он сунул листок в карман, намереваясь вернуться к ним позже.

Перед тем как уйти он остановился в дверях. В голове всплыли слова Стука о статуе в Летнем саду.

* * *

В начале десятого вечера Макс подъехал к агентству. Входная дверь была заперта. На звонок вышел скучающий охранник.

— У себя?— спросил его Макс. Тот кивнул и отошел в сторону.

Макс без стука вошел в кабинет Лесина. Полковник был не один. Настольная лампа ярко освещала поверхность стола, образуя на ней круглое желтое пятно и частично выхватывая из темноты папку с документами, лежавшую на коленях посетителя. Помимо нее свет в помещение проникал лишь сквозь опущенные римские шторы. Полумрак не позволил Максиму сразу разглядеть гостя. Когда глаза привыкли к слабоосвещенному помещению, он смог определить только пол человека, глубоко погруженного в кресло. Это была женщина. Она перебирала документы в папке, выборочно читая некоторые из них.

Боясь показаться невежливым, он оставил попытки рассмотреть ее и повернулся к Лесину. Полковник стоял у окна.

— Что-то случилось? — спросил Макс.

Лесин неспеша повернулся. Он переводил взгляд с Макса на свою гостью и отвечать не торопился.

— Объяснишь, наконец, в чем срочность?

— Объясню,— сказал Лесин, подошел к уголку для гостей и включил бра над креслом.

Полумрак рассеялся. Макс не ошибся. В кресле сидела молодая женщина. На первый взгляд ей было не больше тридцати.

Она даже не попыталась поднять на него взгляд.

— Познакомься,— сказал Лесин,— Ирина Михайловна Вересова.

— Точнее, Вересова-Миллер, Леонид Семенович,— поправила гостя.

Впервые в стенах этого кабинета прозвучал ее низкий голос.

— Да, конечно,— смутился Лесин,— Ирина Михайловна Вересова-Миллер. Психолог. Затем он указал на Макса.

— А это Максим Юрьевич Кон. Ученый-историк. В прошлом мой коллега.

— Очень приятно, барышня,— Макс филярски кивнул, подражая гусарам на балах. При этом он согнул руку в локте, поддерживая воображаемый кивер.

Ее ледяной взгляд скользнул по Максиму, задержавшись не больше, чем на пару секунд. Максиму показалось, что за эти мгновения она успела составить мнение о нем. Причем не самое лестное.

— Как ты относишься к психологии?— спросил Лесин.

— Я не верю в колдовство,— ответил Макс, уязвленный холодом, веявшим от гостыи.

— Свет остается светом, даже если слепой его не видит,— заметила та, не повернув головы в его сторону.

Она поднялась и сказала, обращаясь к Лесину:

— Мне пора, Леонид Семенович. Решите, что смогу помочь, звоните.

Женщина вышла, не попрощавшись.

— Кто она?— спросил Макс.

— Тебе следует с ней подружиться.

— Позволь мне самому выбирать друзей. Кто она?

— Ты слышал про психологические портреты?

— Да.

Лесин продолжил, словно не услышав утвердительного ответа Макса.

— При ФБР есть такое подразделение. Они занимаются составлением портретов серийных убийц. Говорят, что это помогает выйти на след преступника. Что-то подобное хотят организовать при ГУВД. По крайней мере ходят слухи. И что ты думаешь по этому поводу?

— Я в это не верю.

Макс вернулся домой за четверть часа до полуночи. Он не мог успокоиться. Бесцельно побродив по комнате, он понял причину беспокойства. Макс чувствовал, что этой заносчивой девице удалось его разозлить. В таком состоянии заснуть не удастся нечего было и пытаться. Нужно было отвлечься. Выпить пива или что-нибудь покрепче. В шкафу на кухне у него хранилась бутылка ирландского виски “Джеймсон”. Одному пить не хотелось. Макс вспомнил, что эту бутылку подарил ему приятель, взяв с него обещание выпить ее вместе. Этот вечер показался Максу подходящим для подобного мероприятия. Во всяком случае, он был ничуть не хуже какого-нибудь другого. Этот приятель являлся начинающим писателем, набирающим популярность в богемных кругах. В его огромной квартире на Невском часто случались спонтанные вечеринки. Макс познакомился с ним на одной из таких тусовок. Кроме того, оказалось, что они работают в одном университете. Приятель помимо творчества преподавал на филологическом факультете. Он оказался вмеру общительным и не лез в душу. Макс без отвращения провел еще несколько вечеров в его компании. Существовала вероятность того, что писатель и сегодня окажется дома не один. Такие вечеринки нельзя было назвать идиллическими и безмятежными. Макс не любил шумные компании, но сегодня был готов потерпеть.

Приятель поднял трубку после третьего звонка.

— Приезжай,— сказал он вместо приветствия и повесил трубку.

* * *

В комнате пахло гормонами. Андрогенами и эстрогенами. После вчерашнего разгула был ужасный бардак. Хотя основная часть веселья проходила дома у приятеля, но то что происходило в его квартире после возвращения тоже не отличалось благопристойностью и целомудренностью.

Женское тело на кровати рядом с ним было едва прикрыто простыней. На бархатную кожу спины спадали волны выющихся каштановых волос. Идеальная кожа. Идеальные волосы. Преимущество было уже в том, что Макс не нужно было вспоминать лицо партнерши. Он прекрасно знал кто лежит рядом с ним.

Ему в прошлом месяце исполнилось сорок. Проблемный возраст для мужчины. Многие его ровесники, испытывали кризис, лишь представив эту цифру. Макс находился в прекрасной форме и чувствовал себя чудесно.

Женщине, спящей рядом с ним было пятьдесят два. Кроме идеальной кожи и идеальных волос, она имела идеальное тело и богатого мужа. Очень богатого. По претенциозному примеру российского шоу-бизнеса, где все были королевами, императрицами или принцессами, ее муж больше других заслуживал звания короля. Шоколадного или молочного. Какого конкретно Макс не вникал.

У него не было достойных конкурентов.

Макс ощущал себя Полом Варжаком, главным героем фильма «Завтрак у Тиффани». Он прилично зарабатывал. Но делить постель с такими женщинами автоматически означало — находиться у них на содержании.

В его памяти отчетливо сохранились многие моменты вчерашнего вечера, но он с трудом мог припомнить, как женщина оказалась в его постели. От него ускользали и некоторые детали их знакомства на вчерашней вечеринке.

Макс попытался вспомнить ее лицо. Безрезультатно помучавшись с минуту, он оставил это занятие. В том, что произошло был один положительный момент. Или два. Ему удалось отвлечься от неприятной встречи накануне и выкинуть ту девицу из головы.

Телефон на прикроватной тумбочке зазвонил непривычно рано. Стараясь не разбудить соседку, он медленно потянулся к источнику звука. Перед тем как поднять трубку Макс взглянул на часы. Десять минут восьмого. Он неторопливо встал, замотавшись в полотенце и ответил на звонок.

— Подумал?— спросил полковник, как обычно не поздоровавшись.

— О чем?

— О помощи, которую тебе вчера предложила Ирина.

— Ты о той необщительной девице, которая при знакомстве даже не повернула голову в мою сторону?

— Тебе нужно установить с ней тесный контакт,— сказал Лесин.

Тесный контакт. Прозвучало как-то двусмысленно.

— Насколько тесный?

Полковник в трубке молчал.

— Это был второй вопрос,— объяснил Макс,— можешь на него не отвечать. Первый вопрос — зачем?

— Я тебе ее не сватаю,— полковник начал закипать,— она отличный специалист в своей области. Если ее участие поможет вычислить преступника или приблизиться к нему хоть на полшага, то я не вижу смысла отказываться. Было бы странно думать иначе.

— Я не верю в волшебников, поэтому я не верю в эти методы.

— Не веришь? А что ты о них знаешь? Твое недоверие основано на чем-нибудь, кроме зарубежных детективных сериалов? Я не узнаю тебя.

— Может быть, она специалист. Но, если я должен работать с ней бок о бок, она прежде всего должна быть человеком.

— Все ясно. При знакомстве с тобой она повела себя недостаточно дружелюбно. А ты привык, чтобы, при виде тебя слабый пол корчился от желания. «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали»,— продекламировал полковник.— Как у Пушкина.

— Это Грибоедов,— заметил Макс.

— Неважно. Заедешь, договорим.

Макс смог освободиться только к вечеру. Он столкнулся с Лесиным у входа в его кабинет. Аллочка уже ушла. На включенном экране ее компьютера, как капля аморфной жидкости в невесомости, извивалась заставка. Какие-то буквы, очевидно, несущие в себе высший для секретарши полковника смысл, вертелись во все стороны, словно связанные невидимыми нитями.

Полковник, увидев Макса, удовлетворенно кивнул. Лесин уже успел запереть кабинет. Они сели здесь же, в приемной.

— Я хочу, чтобы ты поработал с ней,— сказал Лесин.

— Мы уже говорили на эту тему,— ответил Макс,— ты знаешь мою позицию.

— Знаю. Но тебе придется ее изменить,— Лесин старался не повысить тон,— можешь считать это приказом.

Макс давно не носил форму. Слово «приказ» вызвало в нем разные чувства, но среди них не было ностальгии. В первый момент ему захотелось напомнить полковнику, что их сегодняшние отношения не входят в графу «начальник-подчиненный». Но Макс сдержался. Опрометчивая фраза могла испортить их отношения. Такое развитие событий не было нужно ни одному, ни другому. Пусть временно, но они снова работали вместе. Лесин из начальника уже давно превратился в друга. Макс промолчал. Сочтя молчание уступкой, полковник продолжил напор.

— Тебе придется поработать с ней в паре,—сказал он.

— Я должен работать один. Мне не нужны напарники. Напомнить тебе, что у меня их никогда не было?

— Работай,— не стал спорить Лесин,— как хочешь. У меня к тебе одна просьба: посиди и послушай, что я тебе скажу. Только сиди молча.

— После института у Ирины складывалась замечательная карьера. Но она бросила все. Не помню откуда в ее жизни появился Миллер. Она бросила все, наплевала на карьеру и уехала с ним.

— Как я понимаю, уехала не в тайгу,— подал голос Макс.

— Я же просил сидеть молча. Да, уехала в Америку. Ее муж американец. Так вышло. Но, если бы он оказался чукчей, она бы уехала в тундру или где они там живут. Но ты понимаешь, в чем дело? Семья семьей, но она моментально сделала и там, в чужой стране, замечательную карьеру. И в тундре бы сделала. Такой она человек. Умница.

Макс с трудом удержал себя от очередного комментария.

— Она работала в каком-то университете. Не знаю каким образом, но через короткое время ее пригласили в ФБР.

— Работать?— спросил Макс, не скрывая сарказма.

— Не валяй дурака. Ты же в курсе, что нужно пройти, чтобы попасть туда на работу. Ее пригласили прочитать агентам ФБР какие-то курсы, связанные с психологией. Даже для этого ей пришлось познакомиться с пристрастностью тамошних многочисленных проверок.

Макс покивал с деланно серьезным видом. Не обратив на это внимания, Лесин продолжал.

— Она учила профайлеров. Знаешь, кто они такие?

— Знаю.

Полковник, будто не услышал его ответ.

— Это такие люди, которые исходя из собранных фактов и улик, составляют психологические портреты серийных убийц. Что скажешь?

— Твоя Ирина молодец.

Лесин несколько раз кивнул с надеждой в глазах. Макс поднялся.

— Но я не верю в психологические портреты и буду работать один.

Макс поднялся и направился к выходу.

Полковник развел руками.

— Завтра у меня совещание. Я пригласил Ирину. Хочу воспользоваться ее помощью и послушать, что о ней скажут другие.

Макс вышел из кабинета начальника, повернул к лестнице и быстро сбежал вниз.

— Максим Юрьевич,— окликнул его женский голос.

Женщина, о которой говорил Лесин всего минуту назад, стояла в коридоре, предплечьем опираясь на стену, и пристально смотрела на него. Он повернулся к ней и остановился. У нее были длинные темные волосы, с одной стороны чем-то схваченные на затылке. Серый деловой костюм из тонкой ткани. Ее глаза находились на уровне его подбородка. Макс опустил взгляд вниз. Туфли без каблуков. Высокая. Всего сантиметров на пять ниже него.

— Меня зовут Ирина,— сказала она.— Мы познакомились...

— Я помню,— перебил он.

Она кивнула.

— Вы можете объяснить, с чего вы на меня взелись?

Макс бросил взгляд на дверь, ведущую на улицу, вздохнул и перевел глаза на женщину.

— Во время нашей первой встречи вы были ко мне слишком холодны. Почему я должен вести себя иначе?

— А вы привыкли, что женщины сразу бросаются вам на шею?

Макс усмехнулся.

— Я сказала что-то смешное?

— Нет. Я к этому не привык.— Он ответил на ее вопрос, повернулся и направился к выходу, не настроенный вдаваться в объяснения.

— Максим Юрьевич.

Молодая женщина не собиралась сдаваться.

Он обернулся.

— Я говорю о том, что вам не помешало бы быть чуть приветливей.

— Я сразу чувствую отношение к себе и это вызывает ответную реакцию,— сказала она.

— И что же вам показалось?

— Что у вас сразу сложилось негативное впечатление обо мне. Мне неизвестно по какой причине.

— Это плод вашей фантазии.

— Не думаю.— Она поджала губы и сменила тему разговора.— Почему бы нам просто не поговорить?

— Давайте попробуем.

— Я психолог, Максим Юрьевич, и мне интересны люди, их поступки, проявления чувств и их причины.

Макс молчал, не понимая, к чему она ведет.

— Возможно, поэтому моя первая реакция на незнакомого человека нейтральна и даже может показаться недружелюбной. Я пытаюсь понять человека и только потом делать о нем выводы.

— И почему вы решили поизучать меня? Мне не по вкусу ходить в подопытных. Поищите кого-нибудь еще.

Он во второй раз предпринял попытку развернуться.

— Подождите.

Она стояла, прислонившись к стене, не изменив первоначальной позы на миллиметр.

— Потерпите немного. Мне кажется, что сейчас у вас нет срочных дел. Поэтому я прошу вас постараться запастись терпением и послушать меня.

Максу показалось, что она собиралась сказать: «и не ведите себя, как истеричная девица», но сдержалась.

— Говорите,— сказал он.

— Да,— сказала она,— одну секунду.

Ирина потянулась к сумке и вынула оттуда кисет для самокруток.

— Здесь не курят,— заметил Макс.

— Я не курю. Курила когда-то. Сейчас просто кручу и складываю в пачку. Это помогает мне сосредоточиться. И когда нервничаю тоже кручу. Успокаивает.

— Леонид Семенович рассказал мне об этом деле, сказала она, убрав готовую сигарету в пачку,— и пригласил временно поработать у него в качестве психолога-консультанта.

— Откуда вы знаете Лесина?

— Я племянница его жены. Вернулась в Питер всего месяц назад после работы за границей. Кроме них у меня здесь никого нет.

Она сделала небольшую паузу.

— Я могу задать вам вопрос?

В кармане у Макса ожил телефон. Он достал его и посмотрел на экран. Показав Ирине, что должен ответить, Макс отошел на пять шагов.

Звонил Журов.

— Я долго думал, что мне не дает покоя,— сказал криминалист,— места себе не находил.

Макс, не услышав продолжения, поторопил его.

— Что там у тебя? Вспомнил?

Журов молчал. Макс представил лицо криминалиста. Наверняка, в этот момент он потирал переносицу привычным жестом. Он делал это всегда, когда что-то тревожило его. Большим и указательным пальцами. Морщил лоб, поднимал брови, натягивая кожу на переносице, и неторопливо массировал.

— Давай завтра поговорим,— не выдержал Макс,— сейчас я тороплюсь. Мне надо бежать.

Он никуда не торопился. Ему нужно было растормошить Журова. Это сработало.

— Подожди,— сказал тот.— Я вспомнил, что раньше уже сталкивался с чем-то подобным.

— С чем подобным? Конкретней, дядя Коля.

— С самодеятельными выставками неизвестного скульптора.

Журов вновь замолчал. На сей раз Макс его не подгонял.

— Это было после начала перестройки. Где-то в области. Точнее сказать не могу. Поговори с Лесиным. Он вспомнит. Кто знает, может быть здесь есть связь.

Нажав отбой, он вернулся к Ирине.

— Я должен срочно уйти.

Она развела руками.

— Жаль. Я хотела кое-что с вами обсудить,— сказала она, оторвавшись, наконец, от стены,— обещаете найти время?

— Обещаю.

Он развернулся и направился к двери. Никакой срочности не было, но Макс порадовался поводу уйти. Неприятный осадок, оставшийся после их первой встречи, мешал ему продолжать этот разговор. Он не был настроен вести дружеские беседы.

* * *

Акре, около 1286 года

Она сидела в комнате и пристально разглядывала свое лицо в зеркало, привезенное ей недавно из Константинополя. Ее устраивало все. Высокий без единой морщины лоб, прямая линия носа, точеный подбородок, прекрасно очерченные губы цвета натурального малины безо всякого кармина и обожженной охры. Ее устраивало все. Почти все. Она слыла бы первой красавицей от Триполи до самого Иерусалима, а может быть даже и во всей Европе если бы ни эта ужасная метка. Она нехотя переместила зеркало чуть левее. Бесформенное родимое пятно размером с триполитанский грош располагалось под мочкой левого уха и даже захватывало часть белоснежной кожи на скуле.

Молодую женщину звали Габриэлла. Она сидела в своей спальне. Дом в пизанском квартале принадлежал ее отцу Теобальдо Катто, богатому купцу, составившему состояние на торговле вином и специями.

Габриэлла Катто особенно гордилась белизной своей кожи. В летние месяцы она не появлялась под палящими лучами солнца, выходила лишь вечером. А если необходимость заставляли ее покинуть дом в течение дня, на ней несмотря на жару всегда было наглухо закрытое платье, ее лицо прикрывала накидка, на манер тех, которыми пользовались сарацинские женщины, а руки скрывали длинные манжеты.

Она еще раз взглянула на уродливое пятно и в ярости отбросила зеркало. После она все же проследила, куда оно упало и успокоилась, увидя, что зеркало не разбилось.

— Надо послать за художником.

Она была уже в том возрасте, когда нужно было остановиться на ком-то из женихов. Признаться, в них не было избытка. Сын венецианского оружейника, неказистый переросток с угреватым лицом да пожилой вдовец, недавно сведший в могилу вторую жену. Правда, вернувшийся из поездки отец привез ей портрет молодого человека, который был очень хорош собой и выказывал заинтересованность ее особой. Срочно нужен художник. Желанному претенденту следовало немедленно послать свой портрет в самом выгодном свете. И уж конечно без этой уродливой метки.

— Де Брейль. Вот кто мне нужен. Об его таланте ходят легенды. Он сумеет скрыть и выделить...

— Пошлите к художнику. Передайте, что я хочу его видеть и что, он окажет мне честь, посетив наш дом.

* * *

Макс вспомнил о разговоре с Журовым по дороге домой. Он пересек Аничков мост и взглянул на часы. Без пяти полночь. Макс не стал ждать утра. Он притормозил и свернул направо.

Лесин жил в четырехэтажном доме на Рубинштейна. Старый дом. Арочный вход во двор, забранный решетчатыми воротами. Работа современника, но не поточное производство. Они выглядели произведением искусства. Жильцы долго искали подходящего мастера.

Остановив машину, Макс две минуты любовался идеальными линиями и после этого набрал номер полковника.

Лесин не спал. Он пригласил Макса подняться к нему.

— Сейчас не время для визитов. Выйди, подышишь перед сном.

Полковник, чертыхнувшись, попросил подождать и положил трубку.

Макс увидел его крупную фигуру через семь минут. Он был в синих спортивных штанах с вытянутыми коленками. Чтобы прикрыть несвежую майку, а не для защиты от вечерней прохлады, на плечах болталась вытертая джинсовая куртка.

— Красивые ворота,— сказал Макс и бросил взгляд на непрезентабельный вид полковника.

— Ты приехал в это время и вытащил меня из постели, чтобы полюбоваться воротами?— Спросил полковник.

— Ну, это не самая плохая причина для встречи. Но я здесь не для этого.

Макс еще раз бросил восторженный взгляд на ажурную решетку.

— Я должен задать тебе важный вопрос. Тебе придется напрячь память.

Лесин молча смотрел на него, ожидая продолжения.

— Журов сказал, что раньше ты сталкивался со скульптурами, появлявшимися в людных местах? Я тогда еще у тебя не работал и ни о чем таком не слышал.

Лесин сдвинул брови.

— Верно. Было такое. Как же я раньше не вспомнил. Молодец Журов. Думаешь, есть связь?

— Он задал тот же вопрос. Можешь рассказать о том деле?

— Не было никакого дела. Вернее было что-то административное. О хулиганстве. Какой-то скульптор возомнил себя непризнанным гением и стал сам устраивать себе выставки. Я тогда работал в ГУВД.

— Какой-то? Его не нашли?

— Не знаю. Был один подозреваемый. Но сразу привязать его к делу не получилось, а потом решили не заморачиваться. Всего-то хулиганка. Зачем время тратить. Тогда было чем заняться. Самый разгул перестройки. Народ начал чувствовать свободу, а некоторые вседозволенность. Дела были посерьезнее. Не до хулиганки. Тем более позже этого подозреваемого, кажется, закрыли по серьезной статье.

— Когда его взяли, скульптуры перестали появляться?

— А ты как думаешь? Если скульптора закрыли.

— Ты был уверен, что это он? Вы же не завершили следствие.

— Больше подозреваемых не было.

— Значит, не уверен.

— Как ты верно подметил, когда его взяли, самодеятельные выставки прекратились.

— Совпадение?

— Ты начал верить в совпадения?

— Здесь другое. Сможешь найти данные того недооцененного ваятеля?

— Я все могу.

— Где выставили те скульптуры?

— В Гатчине. В каких местах, не помню.

— Кто вел это дело?

— Там в райотделе был такой Перов. Следователь. Он этим занимался. Мне пришлось столкнуться с ним пару раз. Не дурак, но...,— полковник помолчал, подбирая слово,— скользкий мужичонка.

— Я хочу туда съездить.

Лесин пожал плечами.

— Поезжай. Думаешь, есть связь?

— Это я и собираюсь выяснить.

— Дай адрес кузнеца,— сказал Макс.

— Кого?

— Ворота делал мастер,— он кивнул в сторону арочного прохода. Если когда-нибудь соберусь купить здесь жилье, хочу стареть в доме с такими решетками. Когда живешь рядом с работами художника, невольно приобщаешься к красоте. Даже, если ничего для этого не сделал, чувствуешь себя причастным.

— Лучше стареть в доме без решеток,— хмыкнул полковник.

* * *

Большой город. У больших городов есть преимущества и недостатки. Для каждого человека они свои. Некоторые любят скопления людей, другим хочется одиночества. Некоторые боятся тишины, другие не выносят шум.

Ты стоишь на набережной Фонтанки, неподалеку от Аничкова моста, у дворца князей Белосельских-Белозерских и якобы увлеченно разглядываешь фигуры атлантов, сделанных по моделям Йенсена. Хотя, с закрытыми глазами, по памяти ты можешь воспроизвести каждую линию этих горельефов.

Ты наблюдаешь. Тебе нравится большой город. Ты любишь одиночество, но перемещающиеся толпы не являются препятствием тому, чтобы чувствовать себя обособленно. Напротив, тебе нравится осознавать, что ты одинок среди такого количества народа. В этом месте, в таком скоплении людей ты чувствуешь себя полностью изолированным.

Ты наблюдаешь за ними. Это занятие у тебя одно из самых любимых. Лица в толпе. Разные. Красивые и не очень. Идеально правильные и с изъянами.

Ты не просто наблюдаешь, ты выбираешь.

Твое внимание привлекла молодая женщина, появившаяся со стороны Невского. Она не растворялась в людской массе, не смешивалась с остальными. Она выделялась. Ты пытаешься понять, почему.

Ее зеленое платье? Длинные темные волосы, прикрывавшие левую половину лица?

Редкие порывы ветра не шевелили прическу. Возможно, девушка что-то скрывала. Прясть покрытая лаком затвердела и стала похожа на маску. Она не двигалась под дуновением ветра. Тебя заинтересовала эта прическа. Она прятала часть лица. Почему? Девушка проходит рядом с тобой. Позволив ей отойти метров на двадцать, чтобы она оставалась в поле зрения, а не затерялась в толпе, ты следуешь за ней.

Ты наблюдаешь за ней вторую неделю. Зачастую процесс подготовки занимает больше времени, чем планируется. У тебя так случалось всегда. Но ты не торопишься. Наблюдение и изучение объекта, один из самых важных этапов. Даже важнее самой работы. При твоём таланте сам процесс был удовольствием. Почти таким же, как наблюдение за результатом. Удовольствием, которое могло не состояться, не будь тщательной подготовки.

За долгое время ненавистная прежде подготовка, сейчас почти нравится тебе. Ты называешь это предварительными ласками. При мыслях об этом, на лице невольно возникает улыбка. Размышляя, ты проводишь рукой по волосам.

Нужно проверить многое. Вкусы, пристрастия, маршруты. И пусть часть информации окажется лишней. Это лучше, чем что-то упустить. Ему нравилось придавать наблюдению и подготовке статус игры. Может быть сказалось то что в детстве ему не приходилось часто играть. Всякий раз он выбирал себе роль. Он чувствовал себя охотником, идущим по следу тигра. Он был разведчиком, заброшенным в логово врага. Он превращался в индейца, следующего за отрядом бледнолицых поселенцев.

Он научился растворяться в толпе, становиться прозрачным. Он научился менять окрас, как ящерицы, приобретающие цвет листика или коры дерева, на котором она сидела. Он подходил почти вплотную и его не замечали. Ему доводилось убеждаться в этом неоднократно. Он был человеком-невидимкой.

Вот и сейчас, он шел всего в нескольких шагах позади нее, а казалось, что его нет. Нет для нее. Он знал, что когда ей придется оказаться с ним лицом к лицу, она его даже не вспомнит.

Часть 2

Войдя в кабинет полковника, Макс увидел Ирину. Она сидела за столом, рядом с Журовым и делала заметки в лежащей перед ней записной книжке.

Женщина не поднимала глаз от блокнота и Максу удалось обстоятельно ее рассмотреть.

После их разговора накануне, он пытался разобраться в собственных мыслях. Ему не удавалось избавиться от неприятного ощущения, оставшегося после их первой встречи. Он вспомнил детскую игрушку с падающими снежинками. Домик и несколько елочек в стеклянном шаре. Если потрясти ее, внутри начиналась настоящая метель. Снежинки поднимались вверх, заполняя все пространство шара. Домик и деревья с трудом просматривались. Его воспоминания об их знакомстве были этими снежинками. Они затмевали собой все. И пряничный сказочный домик, и нарядные елочки. Все новое, что он узнавал о ней, вызывало его интерес, но пока с трудом просматривалось сквозь пелену неприятных воспоминаний.

Несмотря на неприязнь к новой коллеге, Макс наблюдал за ней и не находил к чему придраться. Сегодня день выдался слишком теплым для сентября и она была одета в легкомысленное цветастое платье. В материалах Макс не разбирался. Он не знал из чего оно сшито. Наверное из чего-то качественного. Материал струился, как ручеек обтекая тело своей хозяйки. Прижимаясь к самым интимным местам, подчеркивая их и выставляя на всеобщее обозрение, в то же время сохраняя целомудренность женщины. Макс поймал себя на том, что он смотрит на нее не отрываясь. Он поспешно отвел взгляд, пытаясь вспомнить как давно прилип к ней глазами. Он осмотрел комнату. Вроде никто не заметил его повышенного интереса.

Вошел хозяин кабинета и, осмотрев присутствующих, неспешно занял свое место. За столом сидели все, за исключением Маковского. Он застрял в дверях, продолжая эмоционально разговаривать с кем-то по телефону. Макс обратил внимание, как пристально Ирина смотрела на Виктора. Не сумев взять в толк в чем причина такой заинтересованности, он отвел взгляд. Наконец, Маковский закончил разговор, прошел в кабинет и сел рядом с Аликом.

Лесин обвел глазами присутствующих, чуть дольше задержавшись на Максе.

— Прежде всего хочу представить вам Ирину Михайловну. Я попросил ее помочь нам в расследовании и она любезно согласилась. Ирина Михайловна психолог и специалист по субъектам с отклонениями в психике, и, что самое главное, по маньякам и серийникам.

Во время представления Макс скептически сжал губы и покачивал головой.

— Очень приятно,— сказал Маковский и пожал плечами.— Этот скульптор псих? Ничего не понимаю в психах. Они непредсказуемы. Мне больше нравится, когда все просто. Один мерзавец украл у другого. Или злой жуткий парень сорвался с катушек и перестрелял друзей-подельников. В таких случаях я по крайней мере знаю, что делать, куда идти и кого искать. С психами у меня был небольшой опыт. И всегда в этих случаях я, словно, был в темной комнате с завязанными глазами.

— Я здесь для того, чтобы помочь вам с этим разобраться.

Эти слова Ирины Вересовой вызвали на лице у Макса кривую ухмылку.

— И каким бы смешным это вам не казалось, у меня достаточно большой опыт по работе с... психами, как вы их называете.

«Очевидно, она заметила мою улыбку»,— подумал Макс,— «Ну, и черт с ней»._

— И что скажет нам специалист по психам?— спросил он вслух.

— Скажу, что нравится вам или нет, но я сижу здесь и пытаюсь работать с вами. И причина этому как раз в том, что вы ничерта не понимаете в психах, как тут прозвучало меньше минуты назад. И еще скажу, что вместо того, чтобы тратить время на подобные проблески ума, которые вам самим кажутся незаурядными или, как сейчас говорят, очень крутыми, мы бы могли приступить к работе и не терять время попусту.

— Ирина Михайловна права,— поддержал психолога полковник,— давайте займемся делом.

— И почему мы должны этим заниматься,— спросил Маковский,— когда даже официальные органы от этого отказались?

Лесин покраснел и оперся руками о стол, готовый ответить не самым нежным тоном. Но его остановил взгляд психолога и ее ладонь, слегка оторванная от стола и обозначающая, что она сама хотела бы ответить на этот вопрос.

— Пропал человек,— сказала она и вытащила фотографии статуй из Летнего сада и из некрополя,— с высокой долей вероятности не он один. И все, что мы имеем, только это.

Она толкнула фото в сторону Маковского. Те плавно проскользили по столу и остановились у рук Виктора.

— Насколько я понимаю, ваше агентство взялось за это дело, потому что официальные органы отказались. Потому, что они не видят здесь преступления. Или не хотят видеть. Разве вам не хочется понять, что тут произошло?

Макс отвернулся к двери, чтобы никто не заметил его улыбку. Ему понравился дерзкий отпор, который дала им эта девица. Грамотно, четко, без тени смущения. Не спасовав перед возрастом и опытом. Неприятным оказалось лишь то, что он оказался для нее по одну сторону баррикады с Виктором Маковским.

— И чем вы можете нам помочь?— не унимался Маковский,— вы ясновидящая? Взглянув на эти фотографии, вы можете сообщить, где прячется сумасшедший скульптор?

— Нет, этого я не могу.

Маковский оглядел присутствующих, чуть дольше остановившись взглядом на госте и на хозяйне кабинета.

— Тогда, какая польза от вас группе профессионалов?

Макс с интересом ожидал ответа женщины. Он знал о предыдущем опыте работы Ирины. Маковскому это было неизвестно. «Сейчас она начнет тыкать Маковскому в физиономию своими достижениями и отношением к великому ФБР».

Но, к удивлению Макса, Ирина не упомянула об этом. Несмотря на то, что Маковский откровенно пытался задеть ее, голос Вересовой звучал также спокойно, как в начале разговора.

— Я могу описать преступника по его действиям, жертвам, уликам,— заговорила она.— Меня учили понимать природу человека и его поступков. Я могу подмечать то, что не видят другие.

— И как вы это делаете?

Ирина вопросительно взглянула на Лесина. Полковник кивнул.

— Виктор, вы можете ответить мне на несколько вопросов?

Рука Маковского взметнулась в приглашающем жесте.

— Мы были с вами знакомы раньше?

— Нет. Я впервые увидел вас в этом кабинете несколько минут назад.

— Перед тем, как войти в кабинет, вы говорили по телефону. Верно?

Виктор кивнул.

— Я могла слышать ваш разговор?

— Нет,— снова сказал Маковский,— я был далеко от вас и говорил тихо.

— Вы говорили с женой. Обсуждали покупку новой стиральной машины. Причем, накануне вы с ней остановили свой выбор на хорошей и недорогой, а сегодня ваша жена решила поменять решение. Очевидно, нашла что-то получше и подороже. Вас расстроило ее решение. Но тем не менее вы договорились, что вечером рассмотрите новый вариант. Для себя же вы решили во что бы то ни стало убедить ее остаться на предыдущем выборе. Вы считаете смену настроения жены обычной блажью.

Все с интересом наблюдали за Маковским.

По мере ее рассказа челюсть Виктора медленно опускалась.

Тем временем Макс поднялся из-за стола и подошел к окну, посматривая в него, не отвлекаясь от происходящего в кабинете.

Когда Ирина закончила, Виктор не смог оторвать от нее удивленного взгляда.

Все было настолько очевидно, что никому не пришло в голову проверить у Маковского правильность догадки психолога.

Но на этом Ирина не остановилась. Она несколько секунд изучала Виктора взглядом.

— Кстати, я ни с кем не говорила о вашей жене. Можете спросить своих коллег. Если не ошибаюсь, ее зовут Алина.

— Как вы это делаете?— спросил ошарашенный Маковский.

В ответ Ирина пожала плечами и улыбнулась.

— Впечатляет,— сказал Макс. Все повернули головы к нему.— Мне это напоминает фокус с исчезновением монетки, который показывают доверчивым детям. Но наша гостья не экстрасенс, не медиум и не прорицатель. Не нужно представлять все эти трюки ни магией, ни великими научными достижениями. Что-то похожее способен сделать любой здравомыслящий человек с каплей наблюдательности.

Макс пригласил всех подойти к нему и, указав на стоявшую у обочины пару, попросил внимательно к ним приглядеться.

Парень стоял с девушкой. Они просто разговаривали без проявления особых эмоций. Через минуту Макс сообщил, что эта пара в ближайшем будущем разбежится. Они недавно познакомились по ее инициативе. Он ей нравится, а инициатором расставания будет он. Она пытается выйти за него замуж и форсирует события. Она прямо в этот момент сказала, что пора бы им пойти в ЗАГС, чем только ускорила расставание.

После рассказа Алик выскочил из кабинета и через несколько минут вернулся ошарашенным. К тому времени парень уже распрощался с девицей. Алик побеседовал с ним. Все, что Макс рассказал о них, за исключением некоторых неточностей, было верно.

— Вы очень наблюдательны и умеете делать правильные выводы из подмеченного,— заметила Ирина.

— Я об этом и говорю. Тут нет ничего сверхъестественного. Обычная наблюдательность за языком тела.

Все присутствующие смотрели на этих двоих, как на волшебников.

— Наблюдательность? Язык тела?— произнес Лесин.— Не знаю, как вы это делаете, но в наших глазах, я имею в виду простых смертных, вы выглядите колдунами. Не поделитесь ли секретом?

— Наша уважаемая Ирина Михайловна, возможно, не захочет делиться профессиональными секретами,— усмехнулся Макс.— А мне нечего скрывать.

Перед тем, как продолжить, он обвел всех глазами.

— Девушка стояла, наклонившись к нему, он, откинувшись назад. Она приближалась к нему очень близко. Ему это мешало. Она нарушала его пространство. Он непроизвольно скрещивал руки и старался отступить. Он чувствует себя с ней дискомфортно. У нее широкие свободные жесты, а он прижимает руки к телу.

Она с надеждой в глазах и мечтательной улыбкой взмахивала руками, показывая одежду невесты, платье и фату. А он в этот момент сделал резкое движение головой в сторону.

Закончив, Макс взглянул на Ирину.

Она приняла эстафету.

— Максим Юрьевич прав, мимика и жесты могут выдать нас с головой.

— Но, как вы определили, что Виктор говорил о стиральных машинах?

— Это оказалось не самым сложным. Крутящее движение ладонью, затем он указал в противоположные стороны и в конце концов характерное потирание большим пальцем по сред-

нему и указательному. Виктор объяснял жене, что барабан одинаково крутится в обеих машинах и он не видит смысла переплачивать.

Все взглянули на Маковского. Виктор кивнул после короткой паузы, во время которой он очевидно, пытался взять себя в руки.

В этот момент у Ирины зазвонил телефон. Она извинилась и поднялась из-за стола. Вернувшись через несколько мгновений она снова извинилась.

— Прошу меня простить, но я должна уйти,— сказала она, прервав перешептывания и смешки. Затем подошла к Лесину, что-то шепнула ему и, попрощавшись вышла из кабинета.

После ее ухода Лесин объявил короткий перерыв.

— А теперь я бы хотел узнать ваши мнения по поводу работы Ирины Викторовны с нами по этому делу,— сказал он, когда все вернулись.

За участие психологини в расследовании высказался Алик Томич. Журов воздержался, объяснив это тем, что не ему принимать участие в решении подобных вопросов. Против оказались Виктор и Макс, которого вновь не порадовала солидарность с Маковским в этом вопросе.

— Я всех выслушал,— подвел итог Лесин,— Ирина будет работать с нами.

Макс вскинул брови.

— Но, я не слышал, чтобы кто-то, кроме Алика, был за это решение.

— Я же сказал, что послушал всех,— отрезал полковник,— спасибо за ваши мнения, но в моей фирме решения принимаются не коллегиально. Свое решение я сообщил. Совещание закончено.

Полковник окликнул Макса, последним выходившего из кабинета. Тот задержался в дверях.

— Подойди.— Лесин сидел, откинув мощное тело на спинку кресла, придав лицу загадочное выражение.

— Знаешь, что она сказала мне перед уходом?— спросил он, когда Макс приблизился.— Она попросила передать, что ты ошибаешься, если считаешь, что только тебе дано добиваться результатов.

Лесин лукаво улыбнулся.

— По-моему, ты ей нравишься.

* * *

Акре, около 1286 года

— Маэстро де Брейль!

Служанка по приказу госпожи проводила художника в центральный зал. Обстановка поразила художника пышностью и великолепием. Окна, разделенные на множество мелких стекол, были необычно велики. Дневной свет, проникавший через них в комнату, освещал внутреннее убранство. Массивный стол, отделанный шлифованным мрамором. Таких де Брейль не видел даже во дворцах. Деревянные скамьи, сундуки с окантовкой тонкой кузнечной работы. На выступе стены глиняные плошки для освещения.

Все это могли позволить только царственные особы и самые богатые горожане. Она относилась ко вторым. Ее отец, составивший огромное состояние на торговле, по большей части вином и специями, был одним из богатейших людей Акре и членом городского совета.

— Маэстро де Брейль!

Вошедшая в зал с этими словами хозяйка дома в тот же миг затмила собой всю небывалую роскошь помещения. Золотистые волосы, схваченные обручем на высоком лбу, едва прикрывали оголенные плечи и оттеняли тонкую шею, словно выточенную из белого паросского мрамора.

Верхнее платье из шелка цвета натуральной охры стягивало тонкую талию и пышно ниспадало книзу.

Она опустила на скамью и остановила взгляд на художнике. В ее глазах не было и тени смущения.

— Я благодарна вам, за то, что вы откликнулись на мою просьбу.— Не дав ему произнести полагающиеся случаю комплименты, она продолжила.— Вы принесли то, о чем я просила?

Де Брейль склонил голову. По просьбе хозяйки он захватил немного набросков.

Жак развернул несколько рисунков на темы из писания. В его мастерской не оказалось никаких других готовых работ.

— Я слышала о вас лишь восторженные отзывы. Мне говорили, что так передать все нас окружающее на плоской поверхности не способен ни один из живущих ныне художников. Теперь, даже видя всего лишь наброски, скажу, что все, кто живописал ваши работы, восхитались справедливо. Они даже лучше, чем я предполагала.

Де Брейлю польстили слова красавицы Габриэллы.

Он склонился в глубоком поклоне.

— Не согласились бы вы нарисовать меня?

— Не уверен, что смогу передать вашу красоту.

— Думаю, в любом случае вы это сделаете лучше, чем кто-либо другой.

— Почту за честь.

— Но, есть кое-что, отравляющее мне жизнь.

— И кто посмел так огорчить вас?

— Я сказала ни «кто-то», а «что-то»,— уточнила она с невеселой улыбкой.

— Что же это?

— Красива ли я?

— Вы прекрасны.

— Мне многие это говорят,— она потупила взор,— но, моя красота не идеальна. Взгляните. — Она чуть повернула головку.

Он рассмотрел родимое пятно, столь ненавистное своей хозяйке и едва заметно нахмурился.

— Чудо искусства в том, что от художника зависит, что будут видеть люди на его картинах.

Габриэлла Катто расхохоталась так, как престало бы простолюдинке, но не знатной особе. Де Брейль сдержанно улыбнулся.

Он испытывал симпатию к этой молодой женщине. Его искушенный взгляд художника радовали идеальные линии бровей и носа, приводили в восторг изгибы груди и бедер, восхищал цвет глаз и волос. Она была поистине прекрасна. Если бы не это пятно...

* * *

На душе у Ирины скребли кошки. Ей уже давно не приходилось быть в роли испытуемой. Вновь чувствовать себя девчонкой на экзамене. В который раз доказывать, что она на что-то способна. Ирина находила эту ситуацию неприемлемой и это не давало ей покоя. И кто являлся причиной этого. Она начала перебирать в уме определения, которые описали бы этого человека. Чванливый, надменный, высокомерный? У Ирины кончились эпитеты. А, вот еще — самовлюбленный. Если признаться самой себе, она не была уверена, что все эти слова подходят Максу Кону. Она не так хорошо его знала. Вернее, не знала вовсе. Но так, как на этот момент он был единственным, кто портил ее жизнь, Ирине очень хотелось, чтобы все эти определения ему подходили. Она готова была признать, что он был привлекательным мужчиной, но такое отношение к ней затмевало собой все. И что она, в конце концов сделала? При знакомстве повела себя излишне заносчиво? Возможно. Ну и что. Он мужчина и мог бы быть немного снисходительнее. Какой же он на самом деле? Ирина не могла его понять и это ей мешало. Но коль скоро он оказался ее врагом... Нет, враг — это слишком... Недоброжелателем. Надо было постараться узнать его получше. Тогда она сможет его понять и подобрать ключи к этой неприступной особе. Может быть вызвать к себе интерес. Нужно ли ей это? Она не знала. Но сдаваться Ирина не собиралась.

Выяснив, что Лесин на месте, она через двадцать минут была у него.

Он сидел за столом, перебирая бумаги.

— Леонид Семенович, мне нужно с вами поговорить.

Лесин оторвался от документов и указал ей на стул напротив себя.

— Расскажите мне о нем. Я не могу пробиться через стену, которую он выстроил вокруг себя. И даже моя интуиция ничего мне не подсказывает. Какой он? Он хороший?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.